

ФЕДОР СОЛОГУБ И АН. Н. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ

ПЕРЕПИСКА С А. А. ИЗМАЙЛОВЫМ

Публикация М. М. Павловой

Александр Алексеевич Измайлов (1873—1921) — один из немногих критиков и журналистов, с кем Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) поддерживал деловые и дружеские связи много годы. Чрезмерно мнительный, строптивый и взыскательный в отношениях с окружающими, писатель подозрительно и болезненно воспринимал суждения о своем творчестве, был способен резко порвать с «обидчиком» или публично «наказать» его (один из характерных сологубовских афоризмов: «Где люди — там скандал, где скандал — там люди, где нет скандала — там нет людей»¹). Именно по этой причине сам факт многолетней переписки Сологуба с Измайловым, известным независимостью эстетических взглядов и мнений, (автором нескольких нелестных статей о романе «Творимая легенда») и, кроме того, «зубастым» пародистом представляется почти невероятным и, несомненно, заслуживает внимания.

Знакомство А. А. Измайлова и Ф. Сологуба, по-видимому, состоялось в газете «Биржевые ведомости». В 1898 г. начинающий журналист был введен в редакцию И. И. Ясинским и в течение почти двух десятилетий состоял ее «присяжным» критиком² (с 1898 по 1916 вел ежедневную рубрику «Литературное обозрение»). Контакты Сологуба с «Биржевыми ведомостями» до 1910 г. носили эпизодический характер: в мае-августе 1897 г. в газете были помещены три его стихотворения и рассказ «Шаня и Женья»,³ вновь имя писателя на страницах издания появилось в 1904—1905 гг. К этому времени относятся самые ранние дошедшие до нас обращения Сологуба к Измайлову; 18 декабря 1905 г. он писал ему: «Многоуважаемый Александр Алексеевич. Мне удалось быть аккуратным — как раз в назначенный срок посылаю Вам для „Народной свободы“⁴ рассказ „Рождественский мальчик“. Заходите ко мне вечером по воскресеньям, буду очень рад. Готовый к услугам Федор Тетерников».⁵ Рассказ был напечатан в рождественских выпусках газеты (Биржевые ведомости. 1905. № 9149 и 9150, 26 и 27 дек.). 2 марта 1906 г. Сологуб сообщал своему корреспонденту: «В воскресенье 5 марта я прочту мой новый рассказ „В толпе“. Буду очень рад, если Вы пожелаете послушать его».⁶ Однако «воскресенья» (поэтические вечера на квартире Сологуба при Андреевском городском училище, где он служил учителем-инспектором) Измайлов, перегруженный редакторской работой, не посещал. 16 февраля 1907 г. писатель сетовал: «Вы все не собираетесь ко мне в воскресенье („у такого-то поэта“).

Буду очень рад, если Вы придете. У нас собираются каждое воскресенье, читает кто-нибудь каждый раз. Искренне преданный Вам Федор Тетерников».⁷

В то же время журналист внимательно наблюдал за творчеством Сологуба и в своих статьях и редакционных заметках периодически отмечал его художественные достижения. В ноябре 1907 г. Измайлов (один из первых) откликнулся на успех постановки «Победы смерти» в театре В. Ф. Комиссаржевской («Трагедия Сологуба написана в новых тонах, с тем изяществом и силой лаконизма, какие отличают новейшую драму»).⁸ В январе 1908 г. критик констатировал: «Звезда Сологуба разгорелась. <...> Имя его мелькает во всех изданиях, которые, может быть, не совсем справедливо назвать интереснейшими, но необходимо назвать любопытнейшими. Нужно отдать должное Сологубу, — он усиленно напоминает о себе и издает буквально книгу за книгой, и все это согрето лучами бесспорной талантливости».⁹ В августе 1908 г. Измайлов печатает отрицательную рецензию (первую) на рассказ «Опечаленная невеста»,¹⁰ а в октябре берет у писателя свое первое интервью.¹¹ С декабря 1909 г. имя Сологуба стало неизменно встречаться в годовых литературных обзорах «Биржевки»,¹² автором которых являлся А. Измайлов.

Установлению эпистолярного диалога между писателем и критиком немало способствовала жена Сологуба — Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921). Весной 1910 г. она отправила Измайлову благодарственное письмо в ответ на его положительную рецензию на постановку «Мелкого беса» в театре Незлобина (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11604, 9 марта), в которой, по ее мнению, он точно прояснил публике художественный замысел произведения. Отзыв Чеботаревской вызвал сочувствие Измайлова и послужил поводом для возобновления почти прекратившихся после 1907 г. творческих связей Сологуба с «Биржевыми ведомостями».

В начале 10-х гг., по инициативе редакции, писатель входит в состав постоянных сотрудников газеты, а также других Пропперовских¹³ периодических изданий — «Огонька», «Новой иллюстрации», «Нового слова». Наиболее интенсивной в эти годы стала и переписка Измайлова (он комплектовал беллетристический «портфель» редакции) с автором «Мелкого беса», получившим широкое признание после нескольких переизданий романа.

Первоначально отношения корреспондентов развивались в пределах регламентированных реляций редактора многотиражки и пользовавшегося «рыночным» спросом беллетриста. Преданность Измайлова классической прозе (творчеству Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Лескова, Чехова) с позиции которой он оценивал достижения современных авторов, глубокие симпатии к «старым мастерам» (Е. А. Салиасу, И. И. Ясинском, В. С. Соловьёву), открытая приверженность к писателям реалистического направления (Куприну, Амфитеатрову, Горькому), сочувственное внимание к прозе Л. Андреева, и в то же время его настороженное, а подчас и враждебное, отношение к «новому искусству» (неслучайно на одном из шаржей критик был назван «декадентское пугало»),¹⁴ непонимание творческих интенций З. Гиппиус, Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Кузмина, определенным образом дистанцировали отношения Сологуба и Измайлова.

По-видимому, не располагали к активному дружескому сближению и хорошо известные писателю статьи и газетные высказывания критика, отнюдь не комплиментарного характера, пестрящие резкими суждениями и колкостями по поводу его произведений. Показательно, например, что раздел «У стола клиники (Патологическая беллетристика)» в сборнике статей Измайлова «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910) открывался именем Сологуба, который был представлен как «автор причудливых, странных, безумных, с общепризнанной точки зрения, стихов и капризно-натуральных, невероятных рассказов», как творец «примитивно „символических“ произведений и «прописных аксиом». «Какое странное, неровное, болезненное даро-

вание отличает г. Сологуба, — восклицает Измайлов, — и какое-то точно переломное, уклонное, нездоровое явление представляет он в литературе нашего момента».¹⁵

Обнаружив «ахиллесову пята» сологубовской манеры (привычная мишень для критических выпадов против писателя еще со времени появления его первого рассказа «Тени», 1894), критик продолжал «надавливать» на нее и в последующих работах — в статье «Загадки сфинкса» и «Чарования красных вымыслов», включенных в авторский сборник «Литературный Олимп» (М., 1911). Несмотря на общий благоприятный тон суждений и данную в них в целом позитивную оценку художественного мастерства и творчества Сологуба Измайлов весьма резко высказал собственное недоумение и разочарование относительно первых частей романа «Творимая легенда»: «Я давно жду появления в русской литературе серьезной работы врача психиатра, который бы взглянул на многие наши литературные явления последних лет не с точки зрения человеческого вырождения, как это делал Макс Нордау,¹⁶ но с простой точки зрения врача, изучающего неврастеников. „Навыи чары“ — типичнейшее явление этой категории. Эта развинченность воображения, эта капризная смесь реального с чистой фантастикой, эти невольные там и здесь проявления не совсем здорового эротического чувства, это, наконец, разбросанный и лапидарный стиль, напоминающий небрежный черновик или заметки записной книжки, — все это несомненные симптомы больного века. <...> Всякий шаг модного человека подхватывается и пародируется сотнями литературных ничтожеств, и вот почему я считаю последний роман Сологуба не только ошибкой, но и преступной ошибкой. Один из очень талантливых писателей, автор превосходного „Мелкого беса“, поэт, насчитывающий в своих книгах десятки стихотворений истинно-прекрасных, — он дает пример великого соблазна „малым“, узаконяя своим авторитетом бесшабашное, разнузданное, невменяемое и никчемное сочинительство, в котором литературные бескутники готовы видеть новое слово и урок маэстро».¹⁷

Особо отметив, что роман Сологуба «дружно пародировали специалисты» («Одна-другая эффектно выхваченная из него страница обошла десятки газет в сопровождении восклицаний недоумения и некоторого смущения»),¹⁸ Измайлов после выхода третьей части «Творимой легенды» — «Дым и пепел» поместил в «Огоньке» собственную пародию на роман под названием «Пепел и жупел»¹⁹ и в результате едва не рассорился с Сологубом окончательно (см. публикуемые письма). Впрочем, следует заметить, что известный пародист никогда не обижал невниманием «выигрышного» автора: во второе издание сборника «Кривое зеркало» он ввел пародию на «Ночные пляски»,²⁰ а в книге «Осиновый кол» удостоил Сологуба неллицеприятной карикатурой:

И весь вдохновенье был Федор Кузьмич,
Черна его львиная грива...
В гербе его графском — сноп розог и бич,
И лик Недотыкомки-дива.²¹

Достаточно трезво и профессионально оценивая реальный вклад писателя в русскую литературу (роман «Мелкий бес», лирику), Измайлов постоянно указывал на опасное содержание в его сочинениях так называемых декадентских «отрав». В разгар кампании, организованной в 1912 г. газетой «Биржевые ведомости» для борьбы с катастрофическим ростом самоубийств, критик счел необходимым напечатать следующие строки: «В сущности, поэтизация смерти, как блага, как счастья, совсем не нова, и у нас она имеет такого убежденного и талантливого апостола, как Сологуб. Правительства не оберегают народов от этой проповеди, как оберегают от скопческих и иных изуверческих сект, от книг, соблазняющих гнусными опытами черной магии, черными мессами и половыми извращениями».²²

Подобные суждения хотя и вносили в отношения литераторов заметную ноту отчуждения, но все же не препятствовали их деловому соглашению, о чем свидетельст-

вуют многочисленные публикации художественных произведений и статей Сологуба в «Биржевых ведомостях» и «Огоньке» за период 1912—1916 гг. и не менее многочисленные редакционные заметки о жизни писателя и отклики на его новые работы, включая театральные постановки и поездки с лекциями по России, регулярно печатавшиеся в газете. Со временем, благодаря большому личному обаянию и неподдельной искренности, деловитости и общительности Измайлова эти, прежде только рабочие, сношения преобразились в дружеские,²³ что, в конечном результате, и позволило обоим корреспондентам многие годы поддерживать взаимный интерес к работе друг друга и преодолевать не раз возникавшие между ними конфликтные ситуации.

В конце 1916 г. в качестве главного редактора Измайлов вошел в редакцию газеты «Петроградский листок». В скором времени при его поддержке Сологуб становится постоянным сотрудником этого печатного органа, что обеспечило ему и Ан. Чеботаревской возможность в трудные для внепартийной художественной интеллигенции годы (1917—1918) не только не чувствовать себя «с зажатым ртом», но и получить необходимый заработок. По инициативе Измайлова, по-видимому, в редакции «Петроградского голоса» (бывш. «Петроградский листок») родилась идея написания коллективного романа «Чортова дожина» (или «Роман 13-ти»), в создании которого участвовал и Сологуб. Помимо заявленного со страниц многотиражки желания редакции — отвлечь читателей от кровавых будней, автор замысла, несомненно, имел и более важную цель — накормить голодающих литераторов.²⁴

Переписка Сологуба и Измайлова обрывается летом 1918 г., то есть сразу же после окончательного запрещения «Петроградского голоса». Однако можно предположить, что отношения писателей не прервались вместе с прекращением делового сюжета, связывавшего их многие годы газетной работой. 19 марта 1921 г. на Смоленском кладбище состоялись похороны А. А. Измайлова, по свидетельству современника, за гробом умершего шли трое — И. И. Ясинский, <Н. В.> Сперанский и Федор Сологуб.²⁵

Корреспонденция Сологуба, как правило, не отличалась живостью письма или проникновенной задушевностью интонации. Эта особенность (его любовь к жанру письма) не осталась незамеченной современниками. В декабре 1927 г. П. Н. Лукницкий записал со слов А. А. Ахматовой: «Думает, что Сологуб вряд ли поддерживал с кем-либо (особенно в последние годы) переписку (такую, которая была бы — как переписка Блока — творчеством). Сологуб в Царском Селе сказал ей, что не перерисывается ни с кем, потому что считает, что писать письма, значит отдавать какую-то часть самого себя. Зачем это делать? Правда, это могло быть сказано Сологубом только из любви к парадоксам».²⁶ О. Н. Черносивтова (рожд. Чеботаревская, сестра Анастасии Николаевны Чеботаревской-Сологуб), разбиравшая в 1928 г. писательский архив перед передачей его в Пушкинский Дом, отмечала: «Есть письма от литераторов, причем к Насте они интереснее, пожалуй, так как более жизненны там, <где> у Ф<едора> К<узьмича> носят характер холодноватого преклонения»;²⁷ его ответные письма были отмечены сухостью, подчеркнутой вежливостью, а подчас и обидным для адресата менторским или даже саркастическим тоном.

Послания Сологуба к А. А. Измайлову не вполне укладываются в эту традицию. Несомненно, их нельзя назвать литературными письмами в собственном смысле (по преимуществу они относятся к жанру делового сообщения «по поводу»), и тем не менее, в них зримо проступает личность художника, звучат присущие ему мысли и индивидуальные настроения, обсуждаются вопросы, важные как для понимания эстетики символизма, так и для его собственного творчества: проблема плагиата, мифопоэтическая природа символистских произведений, восприятие нового русского искусства

на Западе, выявление этических границ пародийного жанра, личное отношение к футуризму, Игорю Северянину, восприятие прозы М. Горького, отношение к войне с Германией и германской культуре, проблемы социального заказа в художественной литературе, писательской этики и многие другие.

Тематически обособленную группу составляют письма 1917—1918 гг.; по форме они напоминают наспех составленные записки с просьбой поместить в «Петроградском голосе» злободневную статью, объявление или заметку о лекции или собрании, которые устраивались в Академии художеств членами Комитета уполномоченных Союза деятелей искусства (Сологуб являлся одним из его руководителей с момента организации СДИ в марте 1917 г.). Сопоставление этих немногословных обращений и конкретных событий художественной жизни Петрограда, получивших освещение в независимой печати, дает представление о степени политической активности Сологуба и его поистине напряженной общественной работе, направленной на утверждение воли искусства и его полной автономии в условиях большевистского режима (до настоящего времени этот период жизни писателя остается недостаточно исследованным).

Письма Ан. Чеботаревской к А. Измайлову имеют иной характер: многие из них могут послужить реальным комментарием к биографии Сологуба, в них содержится детальный рассказ о его работе и отдыхе, творческих замыслах и литературных успехах. Нередко Чеботаревская составляла свои послания целенаправленно — в форме «отчета» для помещения в специальной рубрике «Биржевых ведомостей» — «В литературном мире», и, как правило, Измайлов помещал их в газете без особой редакторской правки, не пренебрегая бытовыми подробностями, сообщенными корреспонденткой (когда автор «Мелкого беса» встает, обедает, купается и т. п.). Увлеченная пропагандой творчества мужа, Чеботаревская нередко выступала в роли его «импресарио» и бессознательно вносила в отношения Сологуба и Измайлова «потребительский интерес», регламентировала их по схеме: известный критик и журналист о маститом писателе.

Впоследствии и сам Сологуб стал обращаться к Измайлову в жанре отчета, сообщая для читателей газеты необходимую информацию «о себе», которую обозреватель излагал на страницах «Биржевки» в форме интервью с писателем, непосредственно цитируя фрагменты его посланий. Благодаря этой особенности переписки мы можем восстановить отдельные из ее утраченных звеньев; отрывок из несохранившегося письма Сологуба прочитывается, например, в литературной хронике «Биржевых ведомостей» за 28 октября 1913 г.: «<...> Писатель только что закончил перевод вещей немецкого романтика Клейста, застрелившегося лет сто тому назад. <...> — Относительно переводов своих, — говорит писатель, — я должен подчеркнуть, что они для меня разорительны с практической точки зрения, но зато работа над ними доставляет мне огромное наслаждение. Перевод для меня все равно, что пианисту играть экзерсисы; переводы предъявляют огромные требования языка, и то, что пианист достигает в передаче языка композитора, я стремлюсь дать в стиле. Особенно усердно работаю над формой. Стихов пишу больше, чем нужно для людей, и в этом несчастье мое...» (№ 13826).

Многочисленные очерки Измайлова о мастерах слова позволяют заключить, что более всего он ценил в быту и общественной позиции художника скромность, отсутствие всякой претенциозности, с особой нежностью писал о Чехове, Л. Толстом, Е. Салиасе, Ясинском, К. Фофанове, И. Л. Щеглове-Леонтьеве. Родственные черты писательского облика привлекли его и к Сологубу (эпохи «Мелкого беса»), которого он не случайно назвал «Северным сфинксом».²⁸ В одной из первых развернутых статей о его творчестве он заметил: «В последние годы, которые поистине можно назвать комическим временем в литературе, мы узнали мельчайшие подробности жизни не

только о тех настоящих писателях, о которых действительно интересно знать и мелочи их жизни, но и относительно совершенных пустышек, докладывавших нам с лобезной поспешностью, из скольких гимназий и сколько раз их исключали и сколькими парами брюк они располагают. Бесспорное достоинство Сологуба, — что и в дни, когда, несомненно, ему не было отбоя от газетчиков, он сумел сохранить гордое одиночество и красивую тишину в своем доме и в своей душе. Взысканный известностью, он не сделал ни малейшего шага в сторону лобезных интервьюеров. Не только ни один интервьюер не рассказал мелких подробностей его домашнего уклада, но мы даже не знаем о нем самых общих сведений, которые неизбежно узнаешь просто о сколько-нибудь даровитом пишущем человеке, года через три его работы. Это какой-то Мельхиседек в литературе без генеалогической таблицы, без послужного списка». ²⁹

Явные перемены в жизни Сологуба последующих лет и его новый писательский облик, активно создаваемый и пропагандируемый Ан. Чеботаревской, очевидно, уже не отвечали образу Мельхиседека или Сфинкса. Примечательно в этой связи, что после ряда сдержанных или отрицательных статей и заметок о трилогии «Творимая легенда» Измайлов фактически прекратил писать критические очерки о творчестве Сологуба и позднее ограничивался лишь краткими рецензиями или редакционными сообщениями в литературной хронике (без подписи) о его новых книгах или передвижениях по России.

Письма-отчеты составляют наиболее информативную часть переписки Чеботаревской с Измайловым, но не исчерпывают ее содержания в целом. Большой интерес представляют те из них, в которых писательница с присущей ей горячностью натуры и живостью восприятия откликается на те или иные литературные события — на смерть К. Фофанова или публикацию сказки Горького о Смертяшкине. Именно в этих посланиях, «не для читателя», с особой полнотой раскрывается импульсивная личность Чеботаревской, ее болезненная мнительность, взыскательность и щепетивность в отношении с людьми, исключительная преданность авторитету мужа и искреннее стремление предстать вместе с ним перед общественным мнением своеобразным «андрогином» — идеальным двуединством «Сологуб-Чеботаревская».

Материалы трехсторонней переписки Федора Сологуба и Ан. Чеботаревской с А. А. Измайловым, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, представляют собой комплекс из 116 писем, в составе которого 46 писем Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 7; ф. 115, оп. 3, № 398), 22 письма Анс. Чеботаревской (ф. 289, оп. 5, № 5; ф. 115, оп. 3, № 351), а также 41 письмо А. Измайлова к Сологубу (ф. 289, оп. 3, № 300) и 7 писем к Чеботаревской (ф. 289, оп. 5, № 114). Письма Сологуба, за редким исключением, не датированы, конверты при них не сохранились, в большей части писем Измайлова и в отдельных письмах Чеботаревской даты также отсутствуют. Вся переписка в целом не претендует на полноту и в совокупности не представляет собой последовательные диалоги или согласный хор участников. Местонахождение ее недостающих фрагментов в настоящее время не известно, возможно, многие письма утрачены. Архив Измайлова был чрезвычайно богат разнообразными литературными документами, отдельные бумаги, например, еще в середине 10-х гг. критик начал передавать в коллекцию Ф. Ф. Фидлера,³⁰ впоследствии часть ее была вывезена в Европу. Для данной публикации из личных фондов Ф. Сологуба (ф. 289) и А. А. Измайлова (ф. 115) были отобраны 101 письмо, содержание которых или сохранившиеся при них конверты позволяли восстановить в хронологической последовательности реальное течение взаимоотношений сторон, и также два письма Сологуба к Измайлову из собрания П. Л. Вакселя (ф. 124) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Тексты писем воспроизводятся по автографам и авторизованной машино-

писи, орфография и пунктуация приведены в соответствии с современной нормой. Примечания расположены подстрочно к каждому письму.

¹ *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. М.; Л., 1933. С. 233.

² *Тяпков С. Н. А. А. Измайлов // Русские писатели: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 403.

³ «Мы поздно встретились...», В весенний день, Диалог («И ты живешь без идеала...») // *Биржевые ведомости.* 1897. № 113, 161, 210, 27 апр., 15 июня, 3 авг.; Шаня и Женя // *Биржевые ведомости.* 1897. № 133 и 135, 17 и 19 мая. Далее в примечаниях название этой газеты дается сокращенно: БВ.

⁴ В декабре 1905 г. газета «Биржевые ведомости» выходила под названием «Народная свобода» (№№ 1—5).

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 227, оп. 1, № 156.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Измайлов А.* Новая пьеса Ф. Сологуба в театре Комиссаржевской // *Русское слово.* 1907. № 258, 9 (22) нояб. С. 5.

⁹ *Измайлов А.* Что нового в литературе? Больное творчество. — «Навы чары» Ф. Сологуба // БВ. 1908. Утр. вып. № 10296, 12 янв. С. 2.

¹⁰ *И. <А. А. Измайлов>.* Из книги и жизни («Чего никогда не бывает». Беллетристика «Образования») // *Русские ведомости.* 1908. № 186, 12 авг. С. 3—4.

¹¹ *Аякс <А. А. Измайлов>.* Ф. Сологуб о своих произведениях // БВ. Веч. вып. 1908. № 10761, 16 окт. С. 3.

¹² *Измайлов А.* На отмели (Итоги литературного года) // БВ. Утр. вып. 1909. № 11496, 16 дек.

¹³ То есть периодические издания, принадлежавшие их владельцу, основателю и издателю — Станиславу Максимилиановичу Пропперу (1855—1931).

¹⁴ *Гом-Барз Ю.* Декадентское пугало, или книжник, но не Фарисей «Биржевки» и «Русского слова» // *Оса.* 1912. № 9. С. 1.

¹⁵ *Измайлов А. А.* У стола клиники (Патологическая беллетристика) // *Измайлов А. А.* Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М., 1910. С. 167, 169.

¹⁶ *Нордау (наст. фам. Зигфельд) Макс* (1849—1925) — немецкий критик и публицист, последователь Ломброзо; автор знаменитой книги «Вырождение» (в русском переводе — 1893), в которой он назвал декадентов «вырожденцами» и преступниками и требовал их «уничтожения» для оздоровления общества.

¹⁷ *Измайлов А.* Загадка сфинкса // *Измайлов А.* Литературный Олимп. М., 1911. С. 316, 324.

¹⁸ Там же. С. 310.

¹⁹ *Измайлов А.* «Дым и жупел» (Творимая легенда в 6 частях да еще с терцинами) // *Огонек.* 1913. № 3, 20 янв. (2 февр.). <С. 13>; под названием «Пепел и жупел» в кн. А. Измайлова «Осиновый кол. Книга пародий и шаржа (2-й томик „Кривого зеркала“)» (Пг., 1915. С. 84—88).

²⁰ *Измайлов А.* Ночные пляски // *Измайлов А.* Кривое зеркало. СПб., 1912. С. 73—78.

²¹ *Измайлов А.* Среди бегов // *Осиновый кол.* С. 75.

²² *Измайлов А.* Банкротство идеалов // *Измайлов А.* Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913. С. 25—26.

²³ Среди недатированных посланий Измайлова к Сологубу (в публикации текст не приводится) сохранилось его приглашение на именины, которые он ежегодно отмечал 30 августа в кругу журналистов и литераторов, близких редакции «Биржевых ведомостей»: «Буду искренно рад видеть в этот день у себя дорогого Федора Кузьмича и Анастасию Николаевну, если она не побрезгует теснотой и скудостью моего жилища. Душевно преданный А. Измайлов. Трамвай № 4 до моего крыльца» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 300, л. 60).

²⁴ Подробнее об опыте коллективного романа «Чортова дюжина» см. в публикации, с. 280, 283, 286—287.

²⁵ *Андрей Скорбный* <В. В. Смирнский>. Александр Алексеевич Измайлов. Пг., 1922. С. 20.

²⁶ *Лукницкий П. Н.* Встречи с Анной Ахматовой. 1926—1927. Париж; М., 1997, Т. 2. С. 330.

²⁷ РО ИРЛИ. Поступление 1987 г. № 24 (письмо 1928 г. О. Н. Черносвитовой к сестре, Т. Н. Чеботаревской).

²⁸ *Измайлов А.* Северный сфинкс (Федор Сологуб и его писательство) // БВ. 1910. № 11599, 6 марта. С. 2.

²⁹ *Измайлов А.* Загадки сфинкса // *Измайлов А.* Литературный Олимп. С. 301.

³⁰ См.: Письмо А. А. Измайлова Ф. Ф. Фидлеру 1914 г. (Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф. 309, № 26, л. 2). В 1917 (?) г. на просьбу Э. П. Юргенсона передать или продать ему автографы литераторов, Измайлов ответил: «Многоуважаемый Эрнест Петрович, я не бросаю полученных мною писем, если они не лишены интереса, но назвать меня собирателем автографов было бы ошибкою. К автографу, как собственно автографу, я почти равнодушен. <...> Все, мне не нужное из писем и записок, при жизни Фидлера я отсылал ему, — на это давало право его исключительное положение в литературе и общий литературный взгляд на него. Сейчас я бы затруднился передавать многие записки, в которых всегда есть хоть малая доля интимного, — одинаково — лицу или учреждению» (Там же, ф. 124, № 1837).

1

9 (22) июня 1906.

9 июня 1906

Шафраново, Самаро-Златоуст<ской> ж<елезной> д<ороги>,
Кумысо-лечебное заведение врача Нагибина

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Простите за доuku, рассчитывая на Вашу любезность, позволю себе побеспокоить Вас вот какою просьбою. Забравшись на кумыс в Уфимскую губернию,¹ я несколько спутался в счетах: думая, что подписался на «Биржевые ведомости», но с первого числа газеты не получаю. Написал к себе домой, чтобы подписались вновь, пока же газеты не получаю. А потому, не будете ли Вы добры сообщить мне, как думает редакция поступить с моим рассказом «В толпе», когда его напечатает?² Буду очень благодарен за сведения.

Как поживаете? Не собираетесь ли куда-нибудь на лето? Желаю Вам всего хорошего и приятного. Переданный Вам

Федор Тетерников.

¹ Летом 1906 года Сологуб выезжал в Уфимскую губернию для лечения сестры — Ольги Кузьминичны Тетерниковой (1866—1907), страдавшей туберкулезом.

² Рассказ «В толпе» был напечатан в «Новой иллюстрации» при «Биржевых ведомостях» в феврале 1907 (№ 3, 5 февр.; № 4, 19 февр.).

2

4 (17) января 1907.

4 января 1907

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

По поводу моего рассказа «В толпе», который, очевидно, оказывается слишком великим для «Биржевых ведомостей», я придумал предложить такую комбинацию — и, кажется, она будет удобна для обеих сторон; взамен этого рассказа я доставлю для «Биржевых ведомостей» два и три маленьких рассказа, удобного для «Биржевых ведомостей» размера, в общей сложности приблизительно такой же величины, а рассказ «В толпе» редакция соблаговолит мне вернуть. Если эта комбинация приемлема, то первый из заменяющих рассказов я доставлю скоро, в течение месяца, а остальные в такие же сроки. Что Вы на это скажете? Буду рад, если это Вам понравится. Преданный Вам искренно

Федор Тетерников.

3

10 (23) октября 1908.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

В субботу 11 октября я буду ждать Вас от 12 до 3 дня. Вечер у меня будет не свободен. С искренним уважением

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

4

4 (17) март 1909.

4 марта 1909

Дорогой Александр Алексеевич,

Позвольте просить Вас оказать любезное содействие устроителям благотворительного спектакля 9 марта, на котором идет моя пьеса «Ночные пляски». В других газетах были и заметки и бесплатные объявления об этом спектакле. Буду очень Вам признателен, если Вы будете любезны позаботиться о том, чтобы в вечерних «Биржевых ведомостях» были напечатаны и заметка и бесплатное объявление.¹ Материал для этого при этом прилагается.

Ваш Федор Тетерников.

¹ Объявление о представлении драматической сказки «Ночные пляски» в Литейном театре было напечатано в «Биржевых ведомостях» 6 марта (веч. вып. № 10994. С. 6). В спектакле были заняты литераторы и художники — С. Городецкий, А. Ремизов, О. Дымов, Л. Бакст, И. Билибин, Б. Кустодиев и др., а также артистки Малого и Драматического театров и жены литераторов. Декорации выполнил Н. К. Калмаков, автор музыки — В. А. Сенилов, режиссер — Н. Н. Евреинов. Сбор от постановки предназначался жертвам мессинского землетрясения.

5

10—11 (23—24) марта 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Спасибо Вам за хорошую заметку о «Мелком бесе».¹ — Это не так я пишу, потому что нужно, а потому что, право, так редко встретить понимание и поддержку своей мысли, своих устремлений, что невольно решаешься отбросить условности и сказать, что хочется... Очень хорошо это разъяснение «гиперболы» — того, «что в жизни не бывает так»² — это так нужно для уяснения большой публике сущности искусства — не как фотографии, а как искусства — творчества, а не изобразительности только. Об этом так много говорит и пишет Ф<едор> К<узьмич>, и я писала в статье моей в «Золотом руне»³ и сейчас пишу по поводу «Мелкого беса»,⁴ но эти органы, к сожалению, читаются только частью публики, уже воспринявшей эти символы, а вот для большей средней публики, — это очень своевременно. А отчего Вам «сестры» не понравились?⁵ У них — у Людмилы особенно — много, по-моему, чистоты, веселости, молодости, даже в рискованных моментах...

Еще раз благодарю и не только за себя (хотя и от себя).

Дело Незлобина,⁶ насколько я знаю его, очень симпатично своим истинным бескорыстием и... идеальностью... как не опошлено это слово в наши дни... В Москве труппа его каждое воскресенье выезжает в фабричные центры играть для рабочих Островского и т. п., — цены в театре от 25 копеек; рискует на новые постановки; упорно хочет создать «общедоступный театр». И все это, происходя из самого серого купечества, — согласитесь, что такое начинание стоит подержать.

Датируется по содержанию.

¹ См.: Смоленский <Измайлов А. А.>. Театр г. Незлобина. «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11604, 9 марта. С. 4; (далее название газеты — БВ). Премьера инсценировки «Мелкого беса» состоялась в московском театре К. Незлобина (реж. К. Марджанов) 7 января 1910 г.

² Чеботаревская приводит цитаты из указанной статьи Измайлова, в которой критик провел параллель между сценической версией «Мелкого беса» и гоголевским «Ревизором»; в частности, он отмечал: «Время дало ключ к художественному гиперболизму Гоголя. Всю дрянь, всю слякоть, всю мерзость старой России он действительно сконцентрировал в одной точке, как не бывает в жизни, но вышла великолепная картина. <...> Сологуб тоже собрал всю слизь и слякоть русской „передоношницы“ в нескольких образах в той же манере гоголевского гиперболизма и дал кошмарную, хаотическую картину загнившей Руси».

³ Чеботаревская Ан. «Творимое» творчество // Золотое руно. 1908. № 11—12.

⁴ Речь идет о статье Ан. Чеботаревской «К инсценировке пьесы „Мелкий бес“» // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 1911. С. 325—329.

⁵ Измайлов не разделял мнения Чеботаревской по отношению к героиням «Мелкого беса» — сестрам Рутиловым, он писал: «Что врезается в пьесу диссонансом во всех смыслах — это сцена девиц с хорошеньким гимназистом Сашей. <...> Вся сцена эта, танцующая на грани предельной похотливости с воздержанием от ожидаемого каждую минуту финала, производит несколько неприятное впечатление» (Там же).

⁶ Незлобин Константин Николаевич (1857—1930) — актер, режиссер, один из наиболее маститых и культурных антрепренеров России; в 1909 г. основал в Москве театр, в 1911 учредил филиал московского театра в Петербурге (Русский драматический театр К. Н. Незлобина и А. К. Рейнке).

6

12 (25) марта 1910.

12 марта 1910

Искреннеуважаемая Анастасия Николаевна,

Очень благодарю Вас за письмо. Всегда приятно чувствовать, что угадал что-нибудь в писателе. Судя по словам Федора Кузьмича нашему интервьюеру, у меня оказались и промахи, но приятно, что хоть не сплошные.¹

Позвольте, воспользовавшись случаем, просить Вас оказать мне протекцию перед Ф. К.

Редакция «Биржевых ведомостей» (собственно наших ежемесячных приложений — «Нового слова») очень заинтересована в том, чтобы иметь рассказы Ф. К-ча. Нельзя ли похлопотать об этом через Вас? Хоть самый крошечный рассказ? Прекрасно, если бы его можно было дать в номера пасхальные, причем ничуть не обязательно ему быть в обычных тонах пасхального рассказа; ничего этого не нужно — одной весны уже было бы достаточно.

Есть у меня еще просьба к Ф. К-чу. Я издаю книгу «Литературный Олимп», куда ввожу статьи и о нем. В книге будут портреты и автографы — новые. Я очень бы хотел достигнуть этого и в отношении Ф. К., но мне кажется, что он может быть сердит на меня за мое откровенно высказанное мнение об «Ортруде»,² которой я не понимаю, — и вот почему я не решаюсь при встречах просить его об особенной для меня любезности.

Преданный Вам

А. Измайлов.

¹ Имеется в виду публикация: Марк. У Федора Сологуба. Автор о своей пьесе «Мелкий бес». О Новом театре. Новые замыслы драматурга и беллетриста // БВ. Веч. вып. 1910. № 11606, 10 марта. С. 3—4. В своем интервью Сологуб в целом положительно отозвался о постановке «Мелкого беса» в театре Незлобина; в то же время он высказал и свое несогласие с работой режиссера: «Я не верю, чтобы какая-либо сценическая постановка могла в наши дни воплотить замысел современного автора. Этому препятствует несоответствие сил и средств современного театра с литературными устремлениями писателей-модернистов. <...> Замысел Незлобина безусловно не сходен с моим. Его театр стоит на перепутье, и он, как воспитавшийся на быте, поставил

пьесу в чисто бытовых тонах» (Измайлов писал об инсценировке «Мелкого беса» как о традиционной «бытовой» постановке).

² См.: *Неблагодарный читатель* <Измайлов А. — ?>. Искания и блуждания // Слово. 1907. № 330, 14 дек. С. 4; *Измайлов А. Что нового в литературе?* // БВ. Веч. вып. 1908. № 10296, 12 янв. С. 2; *Измайлов А. Новый роман Ф. Сологуба* // Русское слово. 1909. № 11, 15 янв. С. 2.

7

19 марта (1 апреля) 1910.

19 марта

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Простите напоминание. Редакция «Нового слова» при «Биржевых ведомостях» заинтересована иметь Ваш рассказец к пасхальному номеру. К верстке его приступают ровно через шесть дней от сегодняшнего дня. Так как намечено в номере несколько рассказов, то очень просили меня схлопотать вещицу небольшую. (Остальные рассказы по 300 строк). Если это затруднительно — можно 400, 500. Редакция могла бы предложить Вам за строку 50 копеек.

Если не удастся это сделать так скоро, я буду беспокоить вас уже о другом, не пасхальном рассказе и позднее.

Пасхального типа мы не только не ищем, но бежим его — пасхальных звонов, умягченных сердец, Понтиев Пилатов и благочестивых легенд.¹ Автор может считать себя совершенно свободным от этих рамок.

Я лично очень бы просил Вас еще вот о чем.

В печатающуюся сейчас мою книгу «Литературный Олимп» я ввожу статью о Вас.² Перед каждою статьею я даю новый, никогда не бывший в печати портрет писателя (Толстого, Андреева ...) и второе, страничку, его автограф, тоже писанный специально для книжки. Здесь приятно иметь (строк восемь, хотя бы), какой-нибудь афоризм, строфу характерных стихов, что-нибудь вообще характерное для этого именно писательского облика.

Вы были бы бесконечно добры, если бы не отказали мне в 1) портрете и 2) автографе (особо).³

Искренне уважающий и преданный Вам

А. Измайлов.

¹ А. Измайлов был противником «обязательных» жанровых фигур святочного или пасхального рассказа, см., например, его пародию «Как писать святочные рассказы» в кн. «Кривое зеркало» (СПб., 1908. С. 121—127).

² В книгу «Литературный Олимп» А. Измайлов поместил статьи «Загадки сфинкса» (ранее в БВ под названием «Северный сфинкс») и «Чарованья красных вымыслов»; см. примеч. 2 к письму 16.

³ См. примеч. 6 к письму 8.

После 19 марта (1 апреля) 1910.

Многоуважаемый и дорогой Александр Алексеевич,

Я очень благодарен Вам за Ваше лестное для меня внимание. Ваша благосклонность ко мне мне особенно дорога и приятна потому, что с Вашим именем связывается для меня, хотя и помимо Вашей воли, одно интимное и всегда волнующее меня воспоминание: одна из книг ваших рассказов была последнею, которую читала три года назад в равнодушно-ясные летние дни своего умирания моя сестра.¹ Я постараюсь исполнить Ваше желание; по всей вероятности, я завтра или послезавтра доставлю Вам мой рассказ «Земной рай».² Но позволю себе сделать несколько оговорок: 1) будет ли напечатан мой рассказ только в «Новом слове», или в газете? Если он будет напечатан в одном издании, то гонорар должен быть соответствующим образом увеличен. 2) Я люблю иметь у себя все печатные издания моих сочинений, и журналы, где они печатались; поэтому просил бы Вас выслать мне «Новое слово» за этот год; 3) так как «Биржевые ведомости» крайне редко обращаются ко мне, — последний раз мой рассказ в «Биржевых ведомостях» был напечатан в феврале 1907 г.,³ — и теперь желают иметь маленький рассказ до 300 строк, то гонорар для меня мал; за рассказ до 300 строк я желал бы получить по одному рублю за строку; если рассказ выйдет больше, чем до 300 строк, то, независимо от точного счета строк за весь рассказ 300 рублей. 4) В «Биржевых ведомостях», как и в некоторых других органах печати, были записки о совершенных мной плагиатах.⁴ На эти сообщения я не отвечал в печати, да и не собираюсь отвечать. Эти обвинения совершенно несправедливы; если я у кого-нибудь что и заимствую, то лишь по правилу «беру свое везде, где нахожу его».⁵ Если бы я только тем и занимался, что переписывал бы из чужих книг, то и тогда мне не удалось бы стать плагиатором, и на все я накладывал бы печать своей достаточно ясно выраженной литературной личности. Там, где хотят видеть меня хотя бы в качестве случайного и редкого гостя, не должны относиться ко мне, как карманному вору.

Портрет и автограф посылаю. Искренне преданный Вам

Федор Тетерников.

Р. S. Посылаемые стихи не были нигде напечатаны.⁶

Подобно грозящей комете
Идешь ты ко мне
В немеркнущем свете,
В огне.

Все ярче, страшнее и ниже
Горит твой венец.
Все ближе
Конец.

18 июня 1898 г.

Федор Сологуб

Датируется по содержанию.

¹ Ольга Кузьминична Тетерникова скончалась 28 июня 1907 года. Вероятно, речь идет о книге А. А. Измайлова «Осени поздней цветы запоздалые» (СПб., 1905).

² Впервые: БВ. Веч. вып. 1911. № 12155, 3 февр. и в «Новом слове» (1911. № 1. С. 10—12).

³ Имеется в виду рассказ «В толпе».

⁴ Одна из первых публикаций с обвинением Сологуба в плагиате была напечатана в «Биржевых ведомостях» (см.: *Ник. Картер*. Как пишутся Рождественские рассказы // БВ. 1909. № 10894, 6 янв.), автор которой указал на источник сказки Сологуба «Снегурочка» (впервые: Речь. 1908. № 318. 25 дек.) — сказка американского писателя Н. Готорна «Девочка из снега». Заметка сопровождалась примечанием: «Редакция дает место письму читателя, пожелавшему остаться публике неизвестным, не ранее как сличив оба текста. <...> Несколько вяло рассказанная Готорном, но содержащая элементы сологубовского рассказа сказка о „Девочке из снега“, ожила и выиграла под пером мастера стиля, г. Сологуба. Это приятно, но это не должно было освободить его от необходимости сопроводить свой рассказ честным примечанием о заимствовании сюжета у Готорна». Поводом к обсуждению в прессе обвинений писателя в плагиате послужила статья А. Редько «Еще проблема» (Русское богатство. 1910. № 1. Отд. 2. С. 130—144), в которой были приведены текстологические совпадения фрагментов из романа Викторина Соссе «Бессмертный идол» и «Творимой легенды». Статья вызвала ряд публикаций в защиту Сологуба (см., например: *Анчар*. Плагиат ли? // Новая Русь. 1910. № 28. 29 янв.; *Боцяновский В.* О плагиате Сологуба // Новая Русь. 1910. № 86. 29 апр. и др.). Упоминание о плагиате в данном письме, по-видимому, было вызвано рецензией на 10 том собрания сочинения Сологуба («Шиповник», 1910), в которой было сделано замечание: «Характерно, что теперь автор сопровождает большинство своих пьес указанием на источник заимствования сюжета. По-видимому, это отголосок упреков по адресу автора в собственном пользовании готовыми темами» (БВ. Веч. вып. 1910. № 11806, 9 июля. С. 5—6).

⁵ Восходит к французскому «Je prends mon bien partout où je le trouve», заимствованному из испанской пьесы G. de Bonsel «Губернаторство Санчо Пансо» (1642), которую играла труппа Ж. Б. Мольера; мысль же восходит к одному из положений римского права: «Ubi rem meam in venio, ibi vindico».

⁶ Автограф стихотворения был воспроизведен в книге А. А. Измайлова «Литературный Олимп» (М., 1911. С. 304).

9

25 марта (7 апреля) 1910.

25 марта

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Бесконечно благодарю Вас и за личные мне подарки,¹ и за доброе согласие по редакционному делу, и всего более за ту незаслуженную мною ласковость, какую я почувствовал в Вашем отношении ко мне.

Рассказ просили предпочтительно по второй норме (побольше) и очень Вас благодарят (гонорар 300 рублей).

«Новое слово» Вам пошлют, но из разговора с Гаккебушем² я уяснил, что рассказ прочтат в «Огонек» (пасхальный). Будет напечатан только здесь. И «Огонек» Вам пошлют.

Моя личная точка зрения на все недоразумения, связанные с кричащим термином «плагиат», не совпадает с редакционной. По личному опыту я знаю, какие штуки здесь шутит память, и как нетрудно двум авторам попасть в одно веяние мысли.³ Для меня нет ничего отвратительнее восторженного захлебывания толпы, когда Чуков-

ский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие в статье с выражениями какого-то англичанина, (Бальмонта, у которого 20 книг!) или Ремизова за пользование сказкой.⁴ Я уезжал на Кашинские торжества,⁵ когда приняли обвинение Ремизова и, забрав корректуру письма, доказывал, что не стоит его давать. Добился только того, что смягчили выражения. Моя роль в газете вообще незначительна.

Письмо против Вас настойчиво усиливался провести какой-то господин (его фамилия и была подписана), много раз приходивший в редакцию, приносивший какой-то старый сборник для сличения и намозоливший глаза.⁶ От него сначала отделялись, но потом сдались, сократив его письмо в пять раз и выбросив ругательства. Вы знаете, что с такой точки Шекспир и Гоголь — сплошь плагиаторы. Но это, право, не обидная компания. Душевно желаю Вам доброго.

Искренне преданный А. Измайлов.

¹ Вероятно, речь идет о присланных Измайлову книгах Сологуба, в том числе только что выпущенных издательством «Шиповник» очередных томов собрания сочинений.

² *Гаккебуш Михаил Михайлович* (1874—1929) — журналист, редактор «Биржевых ведомостей» и журнала «Огонек».

³ В статье «Чарованья красных вымыслов» Измайлов писал о творчестве Сологуба: «Однородность литературных явлений иногда рождается не из обязанности и моды, но от однородного биения сердец. <...> У нашего поэта, не читающего по-французски, иногда вдруг мелькает стих, какой можно принять за плагиат из поэта, никогда им не слыханного. Некоторые наши современные писатели не произвели бы диссонанса, родившись во Франции. Как вехи, они сближают страны. В них сошлись лучи тех солнц, которые ярче всего горят для современного века. Один из таких писателей у нас — мне кажется, Сологуб» (Литературный Олимп. М., 1911. С. 327).

⁴ См.: *Мих. Мирос <Чуковский К.—?>*. Писатель или списыватель (Письмо в редакцию) // БВ. Веч. вып. 1909. № 11160, 16 июня. С. 5. В публикации установлена буквальная текстологическая соотнесенность сказок Ремизова «Мышонок» и «Небо пало» с фольклорными источниками, приведены фрагменты из кн.: *Ончуков Н. Е.* Северные сказки; (Архангельская и Олонечская губернии). СПб., 1908 (Зап. имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. 33) (сказки № 190 и 216).

⁵ Речь идет о торжествах в честь прославления святой Анны Кашинской, отмечавшихся в июне в Кашине с 1909 г. А. Измайлов, присутствовал на празднике, посвятив событие ряд репортажей. См.: Прославление св. Анны Кашинской // БВ. Веч. вып. 1909. № 11150, 10 июня. С. 2; Собираются старцы // Там же. № 11154, 12 июня. С. 2; Русь болящая (впечатления о Кашине) // Там же. № 11156, 13 июня. С. 3; С народом (впечатления о Кашине) // Там же. № 11158, 15 июня. С. 3.

⁶ А. Измайлов ссылается на заметку, подписанную Ник. Картер (см. примеч. 4 к письму 8).

10

25 марта (7 апреля) 1910.

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

На днях послал Вам мой портрет и мой автограф. Надеюсь, Вы их получили? Хотя я не получил от Вас ответа на мое письмо, и потому не знаю, не опоздал ли я с рассказом,¹ но все-таки он будет завтра (т. е. в пятницу 26 марта) утром отправлен в Редакцию „Бир-

жевых ведомостей“ для передачи Вам. В нем должно быть около 260 строк. Гонорар за него очень прошу прислать теперь.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о рассказе «Земной рай»; см. примеч. 2 к письму 8.

11

26 марта (8 апреля) 1910.

«Земной рай» получил. Сердечно благодарю.

Вероятно, сегодня, дорогой Федор Кузьмич, Вы получите мое, вчера посланное письмо. Я ваше второе сегодня тоже получил. — О деньгах буду просить сегодня же.

Искренне Ваш

А. И.

На визитной карточке. Датируется по содержанию.

12

Около 1 (14) апреля 1910.

Дорогой Александр Алексеевич,

Гонорара за «Земной рай» я все еще не получал. Будьте добры передать кому следует, что я буду ждать присылки мне денег в понедельник 5 апреля, если же деньги не будут присланы, то я, имея надобность в деньгах, принужден буду передать этот рассказ в другое место.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

13

21 ноября (4 декабря) 1910.

21 ноября

Дорогой Федор Кузьмич,

Раньше невероятная суэта толстовских дней,¹ вчера моя глазная болезнь лишили меня возможности присутствовать при чтении Вашей пьесы.² Мне делаются вспрыскивания в глаз, который, вероятно, потерял, и в такие дни я лежу в темной комнате один и в тоске.

Между тем мне очень хотелось бы познакомиться с Вашей пьесой. Я был бы счастлив, если бы оказалось возможным получить ее хотя бы на один вечер, — на такой, когда я с глазами, я прислал бы к Вам своего человека и наутро вернул бы корректуры или рукопись с ним же.

Хотелось бы, если это не противоречит Вашим взглядам, в общих чертах познакомиться с Вашей пьесой читателей «Русского слова» и Биржевки.

Позвольте завтра утром, до часу, побеспокоить Вас по телефону, чтобы услышать возможно ли исполнение моей просьбы.

Душевно преданный Вам

Измайлов.

¹ Ежедневно с 31 октября в течение месяца в прессе, в том числе и в «Биржевых ведомостях», печатались подробные отчеты об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны, его болезни и смерти.

² Речь идет о пьесе «Заложники жизни» (впервые в альманахе «Шиповник», 1912, кн. 18).

14

22 ноября (5 декабря) 1910.

22 ноября 1910

Дорогой Александр Алексеевич,

Извините, что экземпляр, который посылаю, не очень удобен для чтения, так как прошкуриван цензурою. Но другого нет, кроме черновика. Возвращением этого списка торопиться не надо: пожалуйста, держите, сколько Вам понадобится времени.

Ваш Федор Тетерников.

15

27 ноября (10 декабря) 1910.

27 ноября

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, что я так задержал вашу пьесу. Я позволил себе это только потому, что в Вашем письме нашел разрешение изменить своему слову об одних сутках. Во всяком ином случае в моих сутках действительно 24 часа.

И этот год для меня прямо год напастей, — так простудился, что весь день вчера не сходил с постели, глотая всякую аптечную дрянь, и сегодня, встав, подобен трости, ветром колеблемой.

Простите, ради Бога.

Прилагаю пересказ содержания из «Русского слова».¹

Искренно Вам благодарный

А. Измайлов.

Р. С. Я не пишу Вам ничего о пьесе только потому, что едва держу перо в руках.

¹ См.: <Измайлов А.>. Новая пьеса Ф. Сологуба «Заложники жизни» // Русское слово. 1910. № 272, 25 нояб. (8 дек.). В заметке сообщалось о чтении драмы «Заложники жизни» на литературном собрании у Сологуба, был представлен пересказ содержания и краткая характеристика пьесы, отмечены авторские новации; в частности, Измайлов обратил внимание на особую функцию авторских примечаний и ремарок, в которых, как и в пьесах Г. Гауптмана, «сообщается о героях нечто такое, что невозможно выразить сценически, о том, что произошло в промежутках действий».

16

4 (17) декабря 1910.

4 декабря 1910

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Я собираю книгу критических статей и заметок о Ф. К. Сологубе.¹ Уже от всех намеченных мною авторов получила разрешение. Не будете ли Вы так любезны разрешить мне перепечатать две статьи Ваши: «Северный сфинкс» и «Чарованья красных вымыслов».² Они, кажется, вошли в «Литературный Олимп», но я думаю, что это не помешает, ибо мой сборник специально о Сологубе, да и по размеру они не могут, кажется, вызвать претензий издателя. Хотелось бы, чтобы в этом сборнике, куда войдет все мало-мальски характерное и значительное о Сологубе (исключая ругани, которая вне искусства и вне литературы) появились и Ваши интересные заметки. С приветом

Анс. Чеботаревская.

¹ О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки / Сост. Анс. Чеботаревская. СПб., 1911.

² Впервые: Измайлов А. Северный сфинкс (Федор Сологуб и его писательство) // ВВ. Утр. вып. 1910. № 11599, 6 марта. С. 2.

17

Декабрь 1910.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Лично я могу только чувством благодарности ответить на Ваше предложение о перепечатке в Вашем сборнике моих статей о Ф. К. Я не думаю, чтобы издатель мой мог бы иметь что-либо против. Книга уже достояние всех. Тем более Вы намерены взять не все статьи целиком, вошедшие в «Олимп», а только две. Может быть, для пущей крепости и из этих статей можно сбросить по страничке, чтобы не было впечатления прямой перепечатки. Впрочем, это уже не обязательно. У меня была некогда напечатана, но у меня не сохра-

нилась статья о «Мелком бесе», высоко сочувственная автору.¹ За-
теряв оригинал, я не мог ввести ее ни в какую книгу. Вот не сохра-
нилась ли она у Вас случайно среди вырезок «бюро»?² Она бы стояла
предпочтительного помещения. Напечатана она была в «Русском
слове» и по размеру — тамошний обычный фельетон.

На днях, по получении веленевых экземпляров «Олимпа» при-
шло его Ф<едо>ру К<узьми>чу, еще раз благодаря его за любезную
присылку портрета и автографа.

С сердечным приветом

А. Измайлов.

Датируется по содержанию.

¹ Измайлов А. Измельчавший русский Мефистофель и передоношница. «Мелкий
бес» — роман Ф. Сологуба // Русское слово. 1907. № 167, 21 июля.

² Имеется в виду служба «Бюро газетных вырезок».

18

20 июня (3 июля) 1911.

20 июня 1911

П. о. Меррекуль, д<ача> Раутса

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич.

Только что прочла Вашу заметку о злключениях несчастного
нашего поэта Фофанова и после его кончины,¹ и, разделяя Ваше бла-
городное возмущение, хочу отсюда позать Вам руку, как истинному
«другу писателей» — отзывчивому, сердечному, для которого я и пи-
шу эти строки. В самом деле, как все это возмутительно, как жесто-
ки, слепы и беспощадны люди — эти «люди-братья» — эта смерть
Щеглова, описанная Вами тоже² — это судьба Фофанова; эта ужас-
ная травля друг друга, это недоброжелательство, разобщенность,
какое-то вечное и безысходное сиротство среди массы, казалось бы,
близких людей! Сколько раз я проектировала какое-нибудь общест-
во, ну, хотя бы профессиональную Лигу для взаимоподдержки то-
варищей, но, кажется, корни этого зла слишком глубоки и не в об-
ществах спасение. Если бы Вы когда-нибудь взглянули только на
вырезки из газет, которые получает Ф. К. — чего там только нет! —
Все бранные слова, все обвинения, которые можно предъявить к
тяжкому преступнику.

А сейчас Мейерхольд, заинтересовавшись «Заложниками жизни»,
пытается их провести на Александринскую сцену и, Боже мой! какая
уж вокруг этого поднялась травля!³ Какие гадости, карикатуры, по-
лучает он и Ф. К. Подумаешь, что это не идейные «попытки», а
какие-то покушения на «Общественную безопасность».

Вот я и расписалась, и места не хватило! Пожалуйста, многоува-
жаемый Александр Алексеевич, примите это письмо как товарищес-
кий отклик на ваши гуманные и чуткие строки. Ф. К. шлет Вам свой
сердечный привет, я — тоже. На днях послала Вам книжку статей о

Сологубе. Вот еще будут меня чествовать за нее! Но я охотно переложу на свои плечи часть той тяжести, которая ложится таким незаслуженным бременем на плечи человека, вся вина которого в том, что его единственная радость — творчество.

С искренним уважением

Анс. Чеботаревская.

Удриас, дача Раутс

¹ См.: *Измайлов А.* Камаринская на могиле // Русское слово. 1911. № 135, 14 (27) июня. С. 2. В статье критик выражал свое возмущение по поводу содержания газетных сообщений о смерти Константина Михайловича Фофанова (1862—1911), в которых преобладал глумливый, оскорбительный тон. Памяти Фофанова посвящены также публикации Измайлова: *Памяти К. М. Фофанова* // БВ, Утр. вып. 1911. № 12327, 18 мая. С. 2; Веч. вып. № 12328, 18 мая. С. 3; *Памяти К. М. Фофанова* // Русское слово. 1911. № 114, 19 мая. С. 2, а также позднее статья «Заколдованный царевич (Памяти К. М. Фофанова)» (Русское слово. 1913. № 113, 17 мая. С. 2).

² См.: *Измайлов А.* Кончина И. Л. Щеглова // Русское слово. 1911. № 128, 5 (18) июня. С. 6. Измайлов писал об одиночестве, нужде и болезни Ивана Леонтьевича Щеглова-Леонтьева (1856—1911), оказавшегося для современников «забытым» писателем еще при жизни («Прощаясь с этой жизнью, он мог не жалеть о том, что покидает»).

³ В ноябре 1910 г. Сологуб предложил «Заложников жизни» к постановке в московском театре К. Незлобина, на сцене которого успешно были поставлены в 1910 г. его трагедия «Победа смерти» и инсценировка романа «Мелкий бес». Однако в январе 1911 г. после прочтения пьесы в незлобинской труппе режиссер театра К. Марджанов написал автору о невозможности постановки «Заложников жизни», поскольку пьеса «не укладывается в рамки сценического исполнения» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 484, л. 16). Сологуб познакомил с пьесой Мейерхольда, состоявшего в то время режиссером Александринского театра. Однако Театрально-литературный комитет во главе с Ф. Д. Батюшковым, занимавшийся репертуаром императорских театров, отклонил возможность включения «Заложников жизни» в репертуар (за постановку выступил только Д. С. Мережковский). Намерение Мейерхольда, тем не менее, было поддержано директором Императорских театров В. А. Теляковским, он добился разрешения включить пьесу Сологуба в репертуар Александринского театра, минуя Батюшкова, через московское отделение Театрально-литературного комитета. Официальное сообщение о постановке «Заложников жизни» было напечатано в январе 1912 г. в журнале «Театр и искусство» (№ 1. С. 3), Мейерхольд приступил к репетициям только весной 1912 г., однако задолго до этого началась газетная травля его и Сологуба. В. А. Теляковский писал в мемуарах: «„Петербургская газета“ следила за каждым шагом дирекции и, помимо статей критического содержания по поводу постановок, исполнения, репертуара, помещала и разные слухи, сплетни и интервью с артистами. <...> Помещались карикатуры на артистов, режиссеров и чиновников дирекции. Карикатуры эти иногда были остроумны и забавны, причем я изображался в вицмундирном фраке с большими шпорами и с высоким крахмальным воротничком» (*Теляковский В. А.* Воспоминания. Л.; М., 1965. С. 192). Подробнее о перипетиях постановки «Заложников жизни» и освещении в прессе работы Мейерхольда см. в статье Ю. Е. Галаниной «Вокруг мейерхольдовской постановки „Заложников жизни“ Ф. Сологуба» (находится в печати).

27 июля (9 августа) 1911.

27 июля

Мне переслали в деревню Ваше милое письмо, душевноуважаемая Анастасия Николаевна. (Если я грехом перепутал Ваше отчество, — простите великодушно: «книг со мною нет»). Мне был так дорог Ваш отклик, как человека, стоящего у самого водоворота дела и горько чувствующего зло, и тем более, что задетые в фельетоне уже излили на меня ушат грязи, играя не на том, конечно, что они правы в своем хулиганстве, и мертвого надо шельмовать, а на том, что я оскорбил всю провинциальную печать, обвинив ее всю в невежестве и хамстве.¹ Воображаю, что, действительно, выпадает на долю Ф. К. рядом с триумфальными восхвалениями. Славы не прощают. Вы были бы очень добры, если бы когда-нибудь дали мне возможность использовать этот материал, — я вернул бы Вам каждую вырезку.² Жду с нетерпением «Книгу о Сологубе». Мне ее перешлют сюда. Целую Вашу ручку и шлю душевный привет Федору Кузьмичу. Ваш искренно

Измайлов.

Волынская губ., ст. Колки, имение камергера Нестрова

¹ В статье «Камаринская на могиле» Измайлов привел большое число анекдотических и курьезных неточностей, вульгарных слухов и опечаток из статей о кончине Фофанова в провинциальных газетах (упоминал «Вестник Либавы», «Наша костромская жизнь», «Варшавское слово» и др.) и сделал заключение о провинциальной печати: «Невежество самое необузданное, махровое, карикатурное, преступное невежество <...> уморительная провинциальная хлестаковская чепуха!» (Русское слово. 1911. № 135. С. 2).

² Сологуб собирал всю печатную информацию, касающуюся его литературной деятельности; в архиве писателя имеется собрание газетных вырезок (на русском, английском, немецком и французском языках) со статьями о его творчестве и рецензиями на его книги (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 2—15); помимо коллекции газетных вырезок, сохранились составленные им альбомы с рецензиями на романы «Мелкий бес» (№ 18), «Творимая легенда» (№ 19), трагедию «Победа Смерти» (№ 20), книги стихов (№ 17).

5 (18) августа 1911.

5 августа 1911

Меррекуль, Эстл<яндской губ.>,
дер. Удриас, дача Адамса Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Имею к Вам следующее маленькое дело: не пожелают ли «Биржевые ведомости» взять у меня небольшой рассказ? Если да, то попросил бы выслать мне за него сюда, по моему дачному адресу,

250 руб., — сумма, которая мне теперь нужна. Рассказ же могу прислать когда угодно.

Ан. Ник. получала Вам свой сборник статей обо мне, как Вы его находите? Кажется, вышла интересная книга? Желая Вам радости и счастья.

Ваш Федор Тетерников.

21

5 (18) августа 1911.

Дорогой Федор Кузьмич,

М. М. Гаккебуш, ведающий сейчас приемом рукописей, сказал мне, что он будет рад приобрести Ваш рассказ. С огорчением он должен, однако, оговорить, что не имеет, за отъездом издателя, полномочий приобрести вещи выше оплатой, чем 50 копеек за строку.

Я сейчас совершенно не причастен к этому делу, и за передачу этой, несколько щекотливой, вещи Вы на меня не гневайтесь.

Книгу Анастасии Николаевны с большой благодарностью получил. Уже была послана заметка в «Русское слово», но в сегодняшних «Новых книгах» не прошла по очевидному большому размеру фельетона.¹ Выйдет после.

Напишу и в «Биржевые ведомости».²

Книга эта более, чем кому-либо, нужна была Вам, в смысле уяснения Вашей писательской личности читателю. Об этом гласит и прилагаемая заметка из провинциальной газеты, которую позволяют послать Вам, на случай, если она до Вас не дойдет.³

Всего Вам доброго и светлого.

Ваш искренно А. Изм.

Р. S. Если Вы склонны пойти на предложение М<ихаила> М<ихайловича>, то рассказ интереснее иметь чем скорее — тем лучше.

Датируется по содержанию, см.: *Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. № 180. 5 (18) августа. С. 2.*

¹ См.: *Измайлов А. Новые книги // Русское слово. 1911. № 186, 13 (26) авг. С. 2.* В своей краткой рецензии на сборник «О Федоре Сологубе. Статьи и заметки», составленный Анастасией Чеботаревской (СПб., 1911), критик отмечал: «Отрицательные мнения удалены из сборника. Может быть, это придает книге односторонний характер и подчас переводит ее почти в панегирик <...>. Десница Сологуба видна здесь ясно. Шуйца его скрыта».

² См.: *В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1911. № 12476, 13 авг. С. 5* (Измайлов писал: «Книга эта должна сослужить большую службу Сологубу. Если толпа, сама не читающая, но судящая о писателе по пародистам и фельетонистам, представляет Сологуба в неразрывном общении с лозой, одновременно с его именем вспоминает „развяжи свои подвязки“, — то по прочтении книги она может увидеть серьезное и строгое лицо подлинного Сологуба»). «Развяжи свои подвязки» — неточная цитата из стихотворения Сологуба «Расстегни свои застежки, и завязки развяжи...» (впервые: Золотое руно. 1908. № 2).

³ Речь идет о рецензии на сборник «О Федоре Сологубе»: *Лаврский Н.* Живая загадка // Приазовский край. Ростов на Дону. 1911. 2 авг.; экземпляр с владельческой пометой сохранился среди газетных вырезок в собрании Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 9).

92

9 (22) августа 1911.

9 августа 1911
Меррекуль, Эстл<яндской> г<уб.>,
дер. Удриас, дача Адама Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Ничего не имею против гонорара в 50 копеек за строку, но с тем, чтобы рассказ был напечатан теперь же, т. е. не позже сентября. Пошлю рассказ завтра, а гонорар за него прошу по получении рассказа выслать сюда. Очень благодарю Вас за любезную передачу М. М. Гаккебушу моего предложения по этому поводу. За присылаемую заметку благодарю. Пишу теперь повесть «Звериный быт», но не из звериной жизни, а из жизни городов, где и живет зверь, и от этого зверя хочется бежать.¹

Около 15 августа думаю вернуться в Петербург.

Желаю Вам радости и счастья

Ваш Федор Тетерников.

¹ Впервые: Земля. 1912. Кн. 8. В газете было дано сообщение о завершении повести «Звериный быт» и процитировано письмо Сологуба (БВ. Веч. вып. 1911. № 12472, 11 авг. С. 5); повесть содержит тематические коннотации с рассказом Л. Андреева «Проклятие зверя» (1908). В 1917 г. в кинематографе шел фильм на сценарий Сологуба «Лик зверя» (по мотивам его антиурбанистического рассказа «Звериный быт»: «основная мысль этого произведения заключается в том, что над городом царит „зверь“; под этим последним понимаются все те пороки, которые порождаются и культивируются городом: чувственность, алчность, эгоизм, жестокость. Эти пороки создают специфически греховную атмосферу города, которая и символизируется как власть „зверя“. <...> В рассматриваемой драме абстрактному понятию „зверя“ придан самый конкретный образ: это какое-то страшное чудовище, которое мерещится герою драмы в некоторые моменты его жизни. Так, оно всплывает в его глазах над городом, оно видится ему в лице господина, приникшего к устам молодой девушки; оно появляется в минуту смерти его ребенка и т. д. Надо признать, что такая конкретизация отвлеченного образа „зверя“ производит впечатление грубого кинематографического эффекта» (*Аргус. Кинолистки // Обозрение театров. 1917. № 3547, 21 сент.*).

9 (22) августа 1911.

9 августа

Дорогой Федор Кузьмич,

Гаккебуш очень благодарит Вас за согласие и с удовольствием ждет Ваш рассказ. Но очень просит Вас поступиться срочностью печатания. Сентябрьская книжка «Нового слова» уже наполовину отпечатана. По обязательству перед читателем, и в следующих двух, по крайней мере, должны пройти премированные рассказы.¹ Случайное обстоятельство (как возможное предприятие новой газеты) может сделать так, что вещь пройдет и в сентябре, но обещать это положительно нельзя. И он ходатайствует перед Вами о назначении крайним сроком напечатания — 15 января будущего года. Придется беспокоить Вас с просьбой о новой открытке.

Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

¹ В 1911 г. редакция «Биржевых ведомостей» (по случаю 40-летнего юбилея газеты) объявила конкурс на лучший рассказ или повесть, денежные премии победителям в размере 10.000 рублей назначались в зависимости от читательских симпатий (большинством голосов) и решения жюри; согласно условиям конкурса, редакция газеты обязалась опубликовать все премированные рассказы в 1911 г. в журнале «Новое слово» (бесплатное приложение «Биржевых ведомостей», издавался с 1909 г.). При рассмотрении произведений, отосланных на конкурс, предпочтение было отдано, главным образом, начинающим или мало известным авторам. Публикация рассказов победителей началась в июне (№ 6) и продолжалась до конца года (№ 12), в связи с чем рассказ Сологуба «Алая лента» был напечатан позднее (1912. № 1. С. 27—33).

28 августа (10 сентября) 1911.

28 августа 1911

Дорогой Александр Алексеевич,

Очень извиняюсь, что так не скоро отвечаю. Это произошло оттого, что когда был переписан рассказ, который я Вам собрался послать, я переменял его заглавие, потом мне захотелось его переделать кое в каких местах; я думал, что это не займет много времени, и мне казалось неловким говорить опять о рассказе еще неготовом. Теперь все мои операции с ним закончены, и завтра он будет переписан и отправлен. Хотелось бы все-таки, чтобы его напечатали, если можно, поскорее. Гонорар попрошу прислать теперь же, по получении рукописи: она будет переписана так, что подсчет строк можно произвести довольно точно.

Жаль, что Вы никогда ко мне не соберетесь. Искренно преданный Вам

Федор Тетерников.

29 августа (11 сентября) 1911.

29 августа 1911

Сегодня я послал Вам заказною бандеролью мой рассказ «Алая лента». В нем около 700 строк. Гонорар очень прошу прислать на этих днях, относительно же срока напечатания, хотя и приятнее было бы пораньше, но пусть будет как удобнее. — Анастасия Николаевна просит передать Вам ее поклон. Мы с нею будем очень рады, если Вы соберетесь навестить нас до нашего отъезда за границу, куда хотим ехать в начале сентября, числа 5—10. Не соберетесь ли к нам как-нибудь в эти дни часов около шести, к обеду? Искренно преданный Вам

Федор Тетерников.

31 августа (13 сентября) 1911.

31 августа

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Сейчас получил Ваш рассказ. Прочитал. Такова сила таланта, что мысль — явно парадоксальную — он приближает к душе и почти навязывает. Может быть, и я бы так «простил», (хотя и не благословлял «того», другого ¹), хотя вся моя обычная психология — прямо противна этому.

Удивительный вы выработали себе и прекрасный язык для лирически-патетической речи! И вторая половина рассказа мне исключительно понравилась, как редкое нравится.

Сердечно благодарю Вас и Анастасию Николаевну за приглашение. Хочу непременно Вас увидеть до Вашего отъезда. Душевно Ваш Измайлов.

Р. С. Беллетристика — прямое ведение Гаккебуша, и я надеюсь, что все Ваши желания он немедленно выполнит.

На редакционном бланке.

¹ Речь идет о персонажах рассказа Сологуба «Алая лента» — профессоре Эдуарде Ротгенфельде и его друге — докторе Бернгарде Хорне, влюбленном в супругу профессора Агнесу; Агнеса признается мужу в совершенной много лет назад измене и узнает, что профессор был невольным свидетелем происшедшего и давно простил жену и друга.

19 декабря 1911 (1 января 1912).

19 декабря

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей» намерена дать своим читателям сообщение о том, какую работою и какими замыслами заняты сейчас наиболее интересные представители нашей литературы.

Не откажите в любезном сообщении, какая литературная работа сейчас занимает Вас. Так как анкета оглашается на этих же днях,¹ а ответ не предполагается пространный (что и невозможно по техническим условиям), то Редакция позволяет себе просить Вас прислать просимое в кратчайший срок, какой только для Вас возможен.

Привет. Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Ответы на вопросы анкеты были напечатаны в «Огоньке» (1912. № 1. <С. 19>: «Кончаю работы, начатые давно: 1. Роман „Заклинательница змей“. 2. Комедию „Любовь над безднами“. Приготовляю к печати окончание романа „Творимая легенда“».

Конец декабря 1911 (первая половина января 1912).

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам ответ на анкету. Для вас лично, не для печати, скажу, что меня занимают в последнее время две темы, в общих чертах, такие:

1. Предательство. Драма о Иуде и Иисусе. Роман о современном предателе.¹

2. Исход из нашей неправой жизни к жизни неложной, разумной и прекрасной; возможность и нравственная обязательность превратить данное нам существование в прекрасную жизнь, творимую по воле.²

Был бы рад, если бы Вы захотели когда-нибудь побывать у нас.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Замысел романа о современном предателе не был осуществлен; непосредственно теме предательства посвящен рассказ «Благополучный Иуда» (Утро России. 1910. № 126, 18 апр.), который, по-видимому, явился литературным откликом на тему повести Л. Андреева «Иуда Искариот» (1907).

² Тема «прекрасной жизни, творимой по воле» — центральная в романе «Творимая легенда» (1908—1913), она объединяет все творчество Сологуба в 10-е гг. (расска-

Май 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Зная Ваше справедливое и достойное отношение к литературе вообще и литературным заслугам всех, в частности, хочу обратить Ваше внимание на весьма странную заметку, по-видимому, попавшую в Вашу газету по недоразумению. Лицо, писавшее ее, если только видело издание, не могло не видеть, что около половины всех томов переведены моей сестрой — Александрой Чеботаревской, по предложению которой и было затеяно все издание, — поэтому весьма странно, что писавший заметку не счел нужным даже упомянуть ее имени!¹ На обложке всякого тома значится «при ближайшем участии Александры Чеботаревской», есть и мое имя, но я перевела только «Милый друг» (Bel Ami) и потому о себе и принципиально не стала бы говорить, но видеть, как замалчивают — несомненно на этот раз умышленно — других, это уж очень трудно... З. Вагнерова в этом издании, между прочим, не перевела ничего, а Зайцев — самое большее один маленький рассказ.² Это просто фактические поправки к Вашему благосклонному сведению. Поверьте, что во мне говорит одна литературная справедливость.

«Навы чары» давно окончены и скоро выйдут в альманахе «Земля» (4 и 5 часть).³ Мы очень жалеем, что у Вас не было желания навестить нас этой зимой — были бы Вам очень рады. До 20-го мая будем еще здесь. Ф. К. шлет Вам сердечный привет, я — тоже.

Анс. Чеботаревская.

Датируется по содержанию.

¹ В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1912. № 12911, 28 апр. С. 5.

² В Полное собрание сочинений Гию де Мопассана в 30 томах (СПб.: Шиповник, 1909—1911) под общей редакцией Александры Николаевны Чеботаревской (1869—1925) вошли ее переводы: Т. 3. История одной жизни. Роман; Т. 6. Сказки бекаса и др. рассказы; Т. 7. Мадемуазель Фифи и др. рассказы; Т. 8. Сестры Ронодоли и др. рассказы; Т. 10. Напрасная красота и др. рассказы; Т. 16. Монт-Ориоль. Роман; Т. 20. Лунный свет и др. рассказы; Т. 21. Орля и др. рассказы; Т. 24. Туан и др. рассказы; Т. 25. Под южным солнцем; Т. 27. Милон и др. рассказы; Т. 28. Коробейник и др. рассказы; Т. 29; Воскресные дни парижского буржуа и др. рассказы. Ан. Чеботаревская перевела роман «Милый друг» (Т. 4), Ф. Сологуб — роман «Сильна как смерть» (Т. 5). Борис Константинович Зайцев (1881—1972) участвовал в переводе рассказов Т. 14 (Господин Паран и др. рассказы), в котором также участвовали В. Гофман и И. Смидович. Имена известной переводчицы З. А. Венгеровой (1876—1941) и Б. Зайцева были обозначены на титульных листах томов собрания среди имен переводчиков.

³ Речь идет о заключительной части трилогии «Творимая легенда» — романе «Дым и пепел» (Земля. 1912. Кн. 10 и 1913. Кн. 11).

23 июля (5 августа) 1912.

23 июля

Дорогой Федор Кузьмич,

Спасибо Вам сердечное за память. Письмо Ваше я получил в деревне, где тоже отдыхал месяц. Как прекрасен отдых после большого труда! завидую Вам, давно отвоевавшему себе и право писать то, что вам хочется, и право отдыхать после труда, и самый труд приближать к отдыху!

Геккебуш в отъезде. Будет дня через три-пять. Тогда я отвечу Вам о стихах, ибо ни я, ни Бонди¹ не помнят о других стихах, кроме садистки!!!²

Позволяю просить Вас дать (может быть через любезное посредство Анастасии Николаевны) сведения для «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» о Вас, Вашем лете, Ваших работах. Знаю, например, что Вы кончили «Навыи чары». Нельзя ли о них то, что Вы не считаете преждевременным?

Долго ли пойдет «Слаще яда»?³ Не могу ли получить конец несколько раньше появления его в печати?

И не откажите вместе с приветом искренно уважаемой Анастасии Николаевне передать ей следующие строки.

Я виноват, что доселе не ответил на письмо по поводу переводов Мопассана. Ради Бога, простите. Тогда был период великого утомления — никому не мог отвечать, и писем были горы.

Обидное умолчание о труде Алекс. Чеботаревской проистекло не из намерения замолчать ее труд, а из обычной газетной спешки, когда в заметках не успеваешь навести должного равновесия. Мысль была такая — „теперь переводили Мопассана писатели большого имени“. Потому попал Брюсов, переводчик чуть не одной вещицы, и др. Потому не была упомянута Александра Чеботаревская, как писательница не такой большой известности. А следовало просто прибавить, что огромная часть принадлежит А<лександр> Ч<еботаревской> и т. д. Это и позвольте мне сделать позднее, кстати, кажется, вышли новые тома Мопассана.⁴

Буду очень ждать от Вас, дорогой Федор Кузьмич, ответа на мою просьбу. Еще — Вы были бы очень добры, если бы прислали Ваш портрет — Вы на лоне природы. Чем меньше шаблона, тем журналу („Огоньку“) это было бы ценнее.

Сердечный привет Вам и А. Н. Преданный Вам

А. Измайлов

¹ Бонди Владимир Александрович (1870—1947), псевдоним — Вальди, — поэт, редактор «Биржевых ведомостей».

² Вероятно, речь идет о стихотворении «На улице кирпичной...» (7 декабря 1910) (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 3, л. 951).

³ Роман Сологуба «Слаще яда» печатался в журнале «новая жизнь» в 1912 г. с апреля по ноябрь (кн. 4—11). Замысел романа относится к 1890-м гг.; см.: Сологуб Ф. Шаня и Женя // БВ. 1897. № 133, 135—137, 140, 142—143. 17, 19—21, 24, 26—27 мая.

⁴ В развернутой рецензии на собрание сочинений Мопассана Измайлов устранил неточности, допущенные в предыдущей публикации об издании (см.: Мопассан в анекдоте // БВ. Веч. вып. 1912. № 13070, 1 авг. С. 5); в частности, он писал: «По выходе сейчас 30-го тома можно сказать, что на русском языке есть, наконец, действительно, полное собрание сочинений блестящего французского новеллиста. <...> Последний 30-й том весь посвящен жизни и творчеству Мопассана. Прежде всего, здесь дана вся книга о нем Эд. Мэниала. Она переведена Алекс. Чеботаревской — переводчицей, на долю которой выпала львиная часть труда. Свыше 15-ти томов нового издания переведено ею. Участие в переводе таких авторов, как Сологуб, Зайцев, Городецкий, в сущности, оказалось не очень значительным»; краткая рецензия была напечатана в «Русском слове» (1912. № 185, 11/24 авг. С. 2).

31

25 июля (7 августа) 1912

25 июля 1912, Мерекюль

По поручению Федора Кузьмича спешу написать Вам несколько слов о летних работах его, могущих Вас интересовать. «Навыи чары» окончены уже давно, с осени появится одновременно и в «Земле», и немецкий перевод в Мюнхене (у Мюллера) с моим предисловием,¹ которое меня просила написать переводчица, г-жа Фриш,² посылаю и его, хотя, кажется, этот роман не пользуется Вашей благосклонностью. Этот роман — утопический, пожалуй, но интересен, главным образом, ярко выявленным элементом творческого творимого, который отнюдь не должен окрашивать мировоззрение Сологуба в пессимистический цвет. «Слаще яда» — «сакраментальный» роман — история девушки, желающей подвига любви солнечного героя, — еще не закончен, конец его можно сообщить в сентябре по возвращении в город. Вдвоем мы перевели еще мистерию Эдуарда Штукена «Рыцарь Гаван», которая будет напечатана в «Русской мысли» и возможно поставлена в Новом театре Рейнеке.³ Также Федор Кузьмич инсценировал было для театра 12 картин из «Войны и мира» Л. Толстого⁴ — вышло очень эффектно, но кажется, этой работе суждено пролежать, ибо от А. Л. Толстой ответа на просьбу о разрешении нет, а в газете мы прочли, что на запрос Немировича (о нем мы не знали) получен отказ (?).⁵ Почему — непонятно. Ф. К. старался сохранить подлинные слова и «дух» романа — даже сцена беседы в плену Пьера с Каратаевым вставлена, — конечно, и часть сбора была бы предоставлена фонду имени Льва Николаевича, — очевидно, здесь приходится считаться с каким-то капризом, ибо воля писателя, желавшего, чтобы идеи и писания его были «общим достоянием» не была бы этим несколько нарушена. Во всяком случае, это очень поразительно. Сам Федор Кузьмич работает также над пьесой «Любовь над безднами»,⁶ которую закончит к сентябрю, идея ее — идеалистическая круговая ответственность любви — «кольцо любви». Я помогаю ему также в этой работе (это для Вас, но не для публики!⁷). Как и в переводе Клейста (пьесы и новеллы), который выйдет в издательстве Некрасова в начале сезона.⁸ Для этого же издательства осенью Федор Кузьмич даст повесть из дворянского быта «Барышня Лиза» (альманах, объединенный этим «Тургеневским» настроением⁹).

Кроме того, мелочи — стихи, кое-что... Как видите, Ф. К. не теряет времени и здесь, летом он так привык к работе, что говорит — не представляю себе отдыха без труда, лучший отдых — это работа, которую любишь: в ней черпаешь силы для жизни, а не наоборот... Встает он в 8 часов ежедневно, тотчас купается во всякую погоду в море и затем занимается с перерывом для обеда и прогулки — часа полтора-два. Живем довольно уединенно, в рыбацкой деревушке Удриас по Балтийской железной дороге, на самом берегу, где всего несколько домиков и никаких, к счастью, развлечений, кроме природы — лугов, леса, моря, дивных закатов (описаны в «Алой ленте»); местечко наше вполне культурное. Несмотря на свое глухое положение, почта два раза в день, население очень милое — эстонцы. Около Ямбурга, недалеко от нас, живут Мережковские, возле нас уже третий год — Рукавишников, недалеко — московский критик Гершензон; изредка выдаемся — изредка наезжает кто-либо из знаковых поэтов или художников. В прошлом году здесь же недалеко жил Вяч. Иванов.¹⁰ Мирное однообразие нашей жизни нарушил... кинематограф! явившийся сюда однажды к нам рано утром... Снимали Ф. К. и потом поехали вместе с ними к Мережковским.¹¹ Вот и все, что можно сообщить о лете Ф. К., — работа, работа, работа — вот в чем главное содержание. А ведь пора бы уж и отдохнуть — 25 лет учительства и постоянного писательства по пути, столь мало усеянному розами...

Осенью пойдут «Заложники». Ф. К. очень ободряет и радуется то, что дирекция Императорских театров оказалась в данном случае более прогрессивной, чем некоторые частные театры — ставят пьесу с любовью, не вымарав ни слова — конечно, это влияние Мейерхольда, но все же значит возможны завоевания и здесь... и это утешительно.¹²

Не сердитесь и поймите меня в вопросе о Мопассане. Сама я работаю сейчас над сборником любовных писем выдающихся (писателей, художников, музыкантов) людей искусства.¹³ «Любовный курган» окончила, также перевела Стендаля «Красное и черное».¹⁴

Кажется, я невероятно разболталась! Прошу прощения! Ваша Анс. Чебот.

Ф. К. шлет сердечный привет.

¹ *Sologub F. Totenzauber Eine Legende im Werden. Roman / Deutsch F. Frisch. München: Georg Müller, 1913.*

² *Фриш Фега (1873—1942)* — немецкая поэтесса и переводчица; помимо «Творимой легенды» она перевела также роман «Слаще яда» (*Sologub F. Süßer als Gift. München: Musarion, 1922*), пьесы «Победа смерти», «Заложники жизни» и несколько рассказов Сологуба. Сохранилось 12 писем Ф. Фриш к Ф. Сологубу (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 714).

³ *Стукен Э. Гаван. Мистерия / Пер. с немец. Ф. Сологуба и Анс. Чеботаревской // Русская мысль. 1912. Кн. 11. Штуккен Эдуард (1865—1936)* — немецкий поэт и драматург. В Русском драматическом театре К. Н. Незлобина и А. К. Рейнке (бывш. Панаевский театр) пьеса не была поставлена.

⁴ См.: Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Сологубом. Изд. журн. «Театр и искусство». СПб., 1912. Импульсом к созданию инсценировки послужили юбилейные торжества по случаю победы в Отечественной войне 1912 года; инсценировка была подготовлена совместно с Ан. Чеботаревской, о чем сохранилась помета Сологуба в материалах авторской библиографии к прозе (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

⁵ *Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858—1943) — режиссер, один из основателей (вместе с К. С. Станиславским) Московского Художественного театра. Сообщение о намерении Немировича-Данченко поставить в Художественном театре инсценировку Сологуба и отсутствии разрешения наследников «на переделку романа для сцен» было напечатано в газете «Обзрении театров» (1912. № 1799—1800, 21—22 июля. С. 7).

⁶ *Сологуб Ф.* Любовь над безднами. Драма. Изд. журн. «Театр и искусство». СПб., 1914; Шиповник. СПб., 1913. Кн. 22.

⁷ Во вступительной статье о Чеботаревской к ее книге «Женщина накануне революции 1789 года» (Пг., 1922) Сологуб писал: «Хотя ее участие в моей работе было очень велико, но она настойчиво держалась в тени, совершенно пренебрегая своими интересами и своим самолюбием» (с. 15). Совместно с Чеботаревской были написаны рассказы «Старый дом» (Земля. М., 1909. Сб. 3), «Путь в Дамаск» (Шиповник. СПб., 1910. Кн. 12), пьесы «Любовь над безднами», «Мечта-победительница», «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» (Пг., <1915>) — на обложке этого издания имена обоих авторов; многочисленные газетные статьи (более 40) и три публичных лекции Сологуба были полностью написаны Чеботаревской; рассказ Чеботаревской «Холодный сочельник» (Слово. 1908. № 661, 25 дек.) был напечатан за подписью Сологуба; полные сведения об авторстве статей Чеботаревской, подписанных Сологубом, содержатся в «Библиографическом указателе к прозе», составленном писателем (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546); см. приложение в конце нашей публикации.

⁸ Речь идет о совместной работе Сологуба и Чеботаревской над переводом трагедии «Пентезиля» (1808) немецкого писателя Генриха фон Клейста (1777—1811); впервые перевод был опубликован в журнале «Русская мысль» (1914. № 8/9. Отд. 1. С. 150—240). Подробнее о планировавшемся, но не осуществленном издательством Константина Федоровича Некрасова (1875—1940) собрании сочинений Клейста см. в публикации А. В. Лаврова: Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской // Незданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 348, коммент. к письму № 53.

⁹ 18 октября 1913 г. К. Ф. Некрасов спрашивал у Ан. Чеботаревской: «Что делать с „Барышней Лизой“ — не знаю. Я уже писал, что по-моему мнению теперь поздно издавать Альманах. Время ушло. Но решение зависит от Федора Кузьмича» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 179). План издания альманаха, объединенного «стургеневским настроением», осуществлен не был; повесть Сологуба «Барышня Лиза» была напечатана в сборнике «Сирий» (1914. Кн. 3); отдельным изданием: Берлин: Геликон, 1923.

¹⁰ Летом 1912 г. Мережковские отдыхали на даче в Верино под Ямбургом; Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930) проводил лето в Эстляндской губернии в поселке Мерреколь в 1909 и 1910 гг.; в 1911 и 1912 г. Михаил Осипович Гершензон (1869—1925) отдыхал с семьей в Силламягах (Эстляндской губернии (поблизости от Мерреколя); там же летом 1911 и 1912 г. отдыхал Вячеслав Иванович Иванов (1866—1949) вместе с падчерицей В. К. Шварсалон (1890—1920) и М. М. Замятниной (1865—1919), подругой покойной жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и домоправительницей семьи Иванова.

¹¹ Летом 1912 г. кинематографисты предприняли ряд съемок из серии «Литераторы на даче»; в частности были отсняты и показаны перед зрителями ролики с участием Л. Андреева, И. Бунина, Б. Зайцева, И. Телешова. См.: И. С. Литераторы на даче // Русское слово. 1912. № 167, 20 июля (2 авг.). С. 2. З. Гиппиус вспоминала: «Кончив хлопоты, мы переехали в именье Верино, недалеко от Ямбурга, где очень недурно провели лето. <...> приезжало много народу, приезжал даже поэт Сологуб с женой и с каким-то человеком из синема, — он снял нас всех на фильм» (*Gippius-Merezhkovskaya* З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 199); на даче у Мережковских был сделан фотграфический снимок — З. Гиппиус и Ф. Сологуб за столом в саду (музей ИРЛИ; опубликован в журнале: Наше наследие. 1990. № 4. С. 63).

¹² См. примеч. 3 к письму 18.

¹³ Речь идет о работе Чеботаревской над книгой «Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века» (М., 1913).

¹⁴ Ан. Чеботаревской принадлежит первый полный русский перевод романа Стендаля «Красное и черное», вышедший в издательстве К. Ф. Некрасова (М., 1915).

9 (22) августа 1912.

9 августа

Меррекуоль, Эстляндской губ.,
деревня Удриас, дача Адама Раутса

Дорогой Александр Алексеевич,

Спасибо за любезное внимание. Анастасия Николаевна уже писала к Вам после Вашего письма. Был у нас фотограф Оцуп и сделал снимки, которые появились в «Огоньке» и «Утре России».¹ По моему, снимки неудачны. Ан. Ник. послала Вам любительскую фотографию: не знаю, хороша ли она; кажется, тоже неважная. Если случится что лучше, пришлю. Летом я занялся, как Вы уже знаете, инсценировкой 12 картин из «Войны и Мира». (Мне кажется, что такие великие произведения, как «Война и Мир», «Братья Карамазовы» и прочие должны быть источниками нового творчества, как древние мифы были материалом для трагедии. Если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них и такие подробности, которых не имел в виду их создатель?). Впрочем, в данном случае я покорно следовал за автором, не дерзая присоединять свое. Сегодня я получил согласие Александры Львовны на эту работу.³

«Навы чары» окончены еще в прошлом году. Их окончание пойдет в альманахе «Земля» в двух книгах. К сожалению, здесь у меня нет рукописи — оставлена в городе. При первой возможности пришлю ее Вам для ознакомления. Это две последние части романа имеют вид отдельной повести (романа) и носят общее название «Дым и Пепел».

«Слаще яда» еще не окончено. Как только напишу последнюю строчку этого романа, так немедленно пришлю Вам все, что еще к тому времени не будет в печати.

Сердечно Вам преданный

Федор Сологуб Тетерников.

¹ Фотография Петра Оцупа «Ф. Сологуб с женой на даче в деревне» была напечатана в журнале «Огонек» (1912. № 5, 18 авг. С. 12).

² Аналогичную мысль ранее высказывал М. А. Волошин в статье «„Братья Карамазовы“ в постановке Московского Художественного театра» (Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 7. С. 153—165); наряду с Достоевским и Толстым к творцам трагических мифов русской культуры Волошин причислял и Сологуба (Волошин М. Имел ли Художественный театр право инсценировать „Братьев Карамазовых“? — Имел // Утро России. 1910. № 280, 22 окт.); см. об этом также в примеч. А. В. Лаврова в кн.: Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 701—702.

³ В письме от 5 августа 1912 г. А. Л. Толстая сообщила Сологубу: «Милостивый Государь, согласно Вашему желанию, выраженному в письмах ко мне от 17 и 29 июля, разрешаю Вам инсценировать выбранные Вами места из „Войны и мира“» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 681, л. 1).

10 (23) августа 1912.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна,

Очень, очень благодарю Вас за все Ваши любезности мне и газете. Посылаю Вам вырезку «Русского слова» о летнем отдыхе Ф. К.¹ Благодарю за снимки. К сожалению, снимка в смысле поправки в «Огонек» дать нельзя. Тут вина уже не столько нашей цинкографии, сколько фотографа. Вы упали бы в обморок, если бы увидели себя на этом снимке! Может быть, я когда-нибудь покажу Вам его для смеху. Удачные снимки я пошлю в «Русское слово».

Желаю Вам всего доброго и прошу передать мой искренний привет Федору Кузьмичу. Душевно преданный Вам

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Писатели на летнем отдыхе // Русское слово. 1912. № 181, 5 (18) авг. С. 7. В публикации были использованы факты, изложенные в письме Ан. Чеботаревской от 25 июля (см. письмо 31).

18 (31) августа 1912.

Дорогой Федор Кузьмич,

На всякий случай посылаю Вам вырезку из «Русских ведомостей».¹

Может быть, сочтете нужным возразить?

Не посердитесь, что взял из Вашего письма несколько строк для газеты.

Искренно Ваш А. И.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду: *Козловский Л.* Отклики жизни. *Sauve qui peut!* (О севшем на мель корабле и смелом прыжке г. Сологуба) // Русские ведомости. 1912. № 189, 17 авг. С. 2. Автор статьи рассматривает обращение Сологуба к инсценировке «Войны и мира» как сигнал истощенности и угасания символизма и возвращения к реалистической традиции. Козловский писал: «<...> время „творимых легенд“ прошло, их минутный успех кончился: это не подлежит сейчас никакому сомнению. Корабль, везший новых аргонавтов, искателей „золотого руна“, сел на мель, далеко не уехав <...> творцам этих „легенд“ ничего не остается, как броситься в воду и плыть к старому берегу. <...> в том, что автор „Навях чар“ стремится под сень великого Толстого, я вижу признаки того, что в душе, уставшей от бесплодных вычур „творимых легенд“, бледных безжизненных признаков и неестественных образов проснулось желание отдохнуть на лоне простоты и правды настоящего воссоздающего жизнь искусства».

Август 1912.

Меррекуль

Дорогой Александр Алексеевич,

Большое спасибо Вам за милое внимание, за привет и сочувствие моей последней работе. Мне было очень приятно, что вы напечатали эти строки из моего письма;¹ бывают случаи, когда такого рода авторские объяснения бесполезны. Статья в «Русских ведомостях» довольно прискорбна.² Охота же людям во всем видеть корыстные мотивы! Льва Толстого я всегда читал с волнением и почитанием. Еще в 1898 году, в статье, напечатанной в венском журнале «Zeit» и потом вошедшей с небольшими изменениями в 10 том моих сочинений, я выразил свое отношение к Толстому.³ Стало быть, мне незачем было прыгать с корабля, чтобы вырнуться под сень Толстого.⁴ Я столь долгие годы провел в неизвестности и непризнании, что на 50-м году жизни мне поздно делать что-нибудь для привлечения к себе кого-нибудь. Вообще я стараюсь не возражать на газетные статьи, но на этот раз изменил своему обыкновению, я послал письмо в редакцию «Русских ведомостей» в духе этих строк.⁵

У нас погода мокрая, вчера и сегодня над морем и среди деревьев очаровательный туман. Скоро придется ехать в Петербург. Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В заметке «„Война и мир“ в инсценировке» (БВ. 1912. Утр. вып. № 13093, 16 авг. С. 3) был приведен фрагмент письма Сологуба от 8 августа 1912 г. со слов «Мне кажется, что такие великие произведения...»

² Речь идет о статье Л. Козловского «Sauve que peut (О севшем на мель корабле и смелом прыжке г. Сологуба)».

³ Die Welt Leo Tolstojs. Feier seines siebenzigsten Geburtstages Von Fjodor Sologub (Petersburg) // Die Zeit (Wien). 1898. № 206, 10 September. S. 167—168. Статья была заказана редакцией «Ziet» (Вена) в августе 1898 г. по случаю 70-летнего юбилея Толстого (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 90, л. 19). Алекс Браунер (*Al. Brauner* — редактор «Ziet», автор нескольких немецких переводов Сологуба, в течение ряда лет был тесно связан с редакцией журнала «Северный вестник», в 90-е гг. активно знакомил европейских читателей с творчеством русских символистов) после получения статьи писал Сологубу: «Вы оказали этим немецкой литературе прямо услугу, так как до сих пор не появлялась ни одна статья о Толстом, в которой бы не смотрелось на его последние философские и литературные труды, как на нечто старческое. Что все его сочинения только звенья одной абсолютно логической цепи, этого здесь никто не понимает. Немцам — я говорю о настоящем большинстве — слишком чужд этот идеально-чистый, индивидуально-внутренний мир святого старика. Что Вы, как никто другой, верно понимаете глубокую философию, которая прячется в сочинениях Толстого, было для нас ясно еще до статьи, и мы Вас благодарим за ту радость, которую доставила нам Ваша статья» (Там же, л. 20). Статья Сологуба «Единый путь Льва Толстого» была помещена в 10 томе собрания сочинений (СПб.: Шиповник, 1910. С. 189—202).

⁴ Сологуб приводит цитату из статьи Л. Козловского.

⁵ См. ответ на статью Козловского: *Сологуб Ф.* Письмо в редакцию // Русские ведомости 1912. № 194, 23 авг. С. 5 и, там же, ответный полемический выпад Козлов-

ского, в котором, в частности, говорилось: «Сологубу, конечно, лучше знать, приятна ли ему сень Толстого, но, глядя со стороны, видишь зато, чего, должно быть, не заметил г. Сологуб, что от этой сени в своей литературной деятельности он ушел очень далеко».

36

23 августа (5 сентября) 1912.

23 августа

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Позвольте обратить Ваше внимание на этот перл художественного самооплевления, который принадлежит перу одного из известных беллетристов... увы «товарища» нашего по перу...¹ Мы читали это произведение с чувством глубокой горечи и возмущения — ведь это гадко, низко дешево... Неужели писатель, уважающий себя, пишущий не для рынка, а свое сокровенное, выношенное, пережитое, выстраданное и передуманное тысячи раз, может давать себе сам публично оплеухи и расписываться в собственном хулиганстве всенародно? Арцыбашева всегда окружала очень дурная компания — я это знаю, потому что, приехав несколько лет тому назад в Петербург после учения за границей и только что начав работать в литературе, я попала в «Журнал для всех» и тотчас принялась организовывать молодежь около журнала — устроила кружок, существовавший два года для чтения и обсуждения литературных произведений, но затем с горечью отошла от него, — столько грубости, мелочности, завистливости и антисоциальности проявляли его члены... Но обжегшись этот раз, я никак не могла перенести этого мнения на всех прочих литераторов, среди которых тот же Миролубов² был прекрасной, идеалистически настроенной личностью; да взять из ближайших, не говоря о Ф. К., которого я считаю человеком самым чистым, благородным и беззаветно преданным своему делу (пусть я пристрастна!); Мережковские — люди истинно-культурные, живущие исключительно запросами духа, Ремизов — почти буквально голодающий,³ но не способный ни на минуту изменить своему знамени, тот же Рукавишников — пусть он графоман, часто дикарь, но это человек положительно заслуживающий уважения за свое отношение к литературе, променявший на нее миллионы своего рода,⁴ живущий почти в нищете, ничего от этой для него мачехи не видящий, кроме пинков и гогота. Эрберг (Сюннерберг) скромнейший, милейший человек, изнывающий на службе в министерстве и по вечерам пишущий статьи об эстетике и искусстве,⁵ много еще других, о которых хотелось бы когда-нибудь рассказать Вам, если уж выносить какие-либо общие приговоры нашей братии. Но как тяжело среди этой грызни, среди этой братоубийственной брани, особенно обострившейся в виду этого книжного кризиса, который многие не хотят признать за явление, порожденное столько же экономическими причинами (голодом, крахами промышленными), сколько и завалом рынка ужасной переводной и прочей пинкертоновщиной — публика

растеряна, не знает, что брать — лучше ничего — лучше переждать... Нет, кто только не писал и не издавал чего только за годы подъема — вспомните. Но литераторы наши не хотят с достоинством перешагнуть этот, конечно тяжелый момент, — взгляните, например, на социал-демократов и пр., произведения которых сейчас гниют в сотнях тысяч складах, разве они унижаются до того, чтобы обвинять друг друга в неумении угодить публике, разве Маркс унижен тем, что сейчас его бессмертный „Капитал“ лежит камнем на полках лавок, да и один ли он, ведь сейчас ту же участь делят и Белинский, и Гоголь, и Герцен, и Добролюбов, — значит, причины далеко не личного характера. А это злорадство, с которым наши газетчики, вроде некоего г. Абрамовича (газ. «Руль», на днях) ⁶ спешат, без всякого стеснения «заколотить в гроб» еще живых и вчерашних своих господ, перед которыми они же ползали.

Нет, за границей иное отношение, иное мерило вещей. Неужели позволяют травить какого-нибудь Гауптмана, написавшего более слабую вещь, чем предыдущая, Метерлинка, Мирбо,⁷ которые, как и все смертные, имеют свои чередующиеся часы подъема и упадка, силы и слабости, но достойны уважения и признания в общем итоге своей, конечно, общественной — в смысле служения — деятельности.

Когда читаешь ежедневно порцию литературы вроде присланного Вами перла — охватывает, несмотря на мою личную огромную энергию и непоколебимую уверенность в ценности известных мне вещей, какое-то безысходное отчаяние, хочется уйти, скрыться навсегда куда-то, жить только для дела, которому будем верить до последнего издыхания, и друг для друга, предоставить все остальное столь неприязненному миру. Простите за столь минорный тон, дорогой Александр Алексеевич, я разболелась, пишу Вам как другу, хотя бы внешне далекому, заочному. Скоро уже в город — ох, как не хочется! Будьте здоровы и счастливы!

Ваша Анс. Чеботаревская.

¹ См.: А. Ш. М. П. Арцыбашев о распаде интеллигенции // Утро России. 1912. № 192, 21 авг. С. 2. В беседе с сотрудником газеты писатель «с горечью констатировал полный развал интеллигентской мысли и творчества во всех сферах искусства и общечеловечности»; очевидно, Чеботаревскую возмутили смелые обобщения Арцыбашева, сделанные по отношению ко всем литераторам, например: «Слабые и глупые, сами отнюдь не культурные, не имеющие в голове ни единой оригинальной мысли, не умеющие дать не только истинного художественного произведения, но даже и писать-то занимательно не могущие, чему же мы научим, чем развлечем или облагородим? Кроме двух-трех человек, современные литераторы не думают ни о чем, кроме личного успеха, газетного шума, генеральского чина и гонорара. Это орда прихлебателей по природе <...>. Теперешняя интеллигенция изжила себя <...>».

² *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — редактор-издатель «Журнала для всех»; после окончания Русской Высшей школы общественных наук (основ. М. М. Ковалевским) в Париже и возвращения в Россию осенью 1905 г. Чеботаревская работала в редакции журнала; неразделенное чувство к В. С. Миролюбову «явилось для нее причиной мучительных переживаний» (*Лавров А. В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб*. С. 292).

³ Имеется в виду широко известный в литературной среде факт материальной и бытовой беспомощности Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957).

⁴ Иван Сергеевич Рукавишников происходил из богатого помещичьего рода; в начале 1910-х гг. получил наследство в виде родового имения (Лазарево Нижегородской губ.); однако в 1900-х гг. отношения Рукавишника с богатыми родственниками были напряженными, в результате произошедшей ссоры с ними ему пришлось отказаться от назначенного ему содержания, переселиться в Петербург и жить на литературный заработок. Эти биографические подробности были известны Анс. Чеботаревской, собиравшей книгу биографий современных писателей (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 73, л. 172).

⁵ *Конст. Эрберг* (Сюннерберг Константин Александрович, 1871—1942) — эстетик, критик, поэт, переводчик; с начала 1900-х гг. посещал поэтические собрания («воскресенья») Сологуба (см.: Воспоминания Конст. Эрберга о Федоре Сологубе / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979).

⁶ Речь идет о статье Николая Яковлевича Абрамовича (1881—1922, критик) «Книга отъезжающих (О „концах“ и „началах“ в литературной современности)» (Руль. 1912. № 364, 20 авг. С. 2). Автор статьи причисляет Сологуба (наряду с Горьким, Л. Андреевым, Куприным) к писателям, чье творчество, по его мнению, исчерпало себя («„Мечта-победительница“, пьеса грубо тенденциозная и вызывающая смех своим бессилием, своей мелочностью. Вот вторая часть „Навях чар“, где талантливые страницы тонут среди художественно ненужных и бездарных. А вот, наконец, „Слаще яда“ — такой длинный, такой скучный, такой нелепый роман о босоногих девочках и сентиментальных мальчиках. <...> Он блеснул маленьким метеором, в своем Передонове он нечаянно коснулся реальности и коснулся метко и остро. О том, что произошло это „нечаянно“, свидетельствует книга о Сологубе, в которой помещено лишь то, что одобрено и признано правильным как бы с точки зрения самого автора».

⁷ Чеботаревская сравнивает Сологуба с европейскими писателями, находившими в центре внимания публики, критики и журналистики — Гергардтом Гауптманом (1862—1946), Морисом Метерлинком (1862—1949) и Октавом Мирбо (1848—1917); ею были сделаны переводы на русский язык пьес Метерлинка «Там внутри», «Монна Ванна», «Пелеас и Мелизанда», «Принцесса Мален», а также переводы произведений Мирбо «Осенние силуэты», «Париж ночью», «Голгофа», «Дневник горничной», «Себастьян Рок», «Деревенские рассказы».

Сентябрь 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Мы вчера приехали в город, — прямо в дождь и осень. Надеемся, что хоть теперь, в этом сезоне, Вы нас навестите. Вчера же из цензуры получили «Войну и Мир» без всяких изменений (Ф. К. боялся за картину — убийство Верещагина, и даже заготовил две картины «запасных», так что получилось всего 14 картин, — в случае необходимости режиссер сумеет «сократить»)¹ Требуют пьесу пока в провинции, в Александринском, несмотря на желание Мейерхольда, которому инсценировка очень нравится, еще не решили — везде свои интриги и «политика»; Теляковский² принципиально высказался «за», говорят, что хорошо бы не ограничиваться постановкой «официальной»,³ но он человек сам по себе нерешительный, очень поддающийся разным влияниям, впрочем, прислушивается и к прессе, так что, с этой стороны, хорошо бы поместить заметку, поощряющую его к такому шагу, а то вроде странно, если отзовется на «Войну и Мир» не «образцовый» казенный, а частный Суворинский театр.⁴ На днях Ф. К. пошлет Вам переписанный экземпляр «Войны и

мира», чтобы узнать лично Ваше мнение, которым он дорожит и интересуется. Пока просит Вам передать сердечный привет, так же как и я. Анс. Чеботаревкая.

Р. S. Тогда, в горячую минуту, я, кажется, написала Вам чересчур «яростное письмо» по поводу Арцыбашевской статьи, кажется, не стоило так волноваться.

Датируется по содержанию.

¹ В машинописном экземпляре текста инсценировки «Картины из романа „Война и мир“ Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом» имеется 14 картин, две из которых — «У старого князя Болконского» и «Наташа и Пьер. Чтение Манифеста» помечены автором как резервные (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 187).

² Теляковский Владимир Аркадьевич (1861—1924) — в 1901—1917 Директор Императорских театров.

³ 11 августа 1912 г. В. Э. Мейерхольд писал Ан. Чеботаревской: «Дорогая Анастасия Николаевна, если Ф<едор> К<узьмич> никому не отдал „Войны и мира“, убедительно прошу прислать эту пьесу мне. Тотчас по приезде Влад. Арк. Теляковского (он уехал по делам в Москву и скоро вернется), я прочитаю ему пьесу. Дело в том, что, как сегодня узнал, Дирекция Императорских театров не хочет ограничиваться постановкой Бахметьевской пьесы в память Двенадцатого года, так как эта пьеса крайне не удовлетворительна. Дирекция Императорских театров, задумав торжественный спектакль, с самого начала мечтала об инсценировке Толстовского романа, но не имела подходящей переделки» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 160, л. 11). 23 августа Мейерхольд сообщал Сологубу: «Сегодня рукопись „Войны и мира“ передана Вл. А. Теляковскому. Принципиально он высказался за <...> Вл. А. Теляковский считает необходимым играть переделку великолепного произведения Л. Н. Толстого» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 452, л. 57). Несмотря на усилия Мейерхольда, Теляковского и заведующего репертуаром Александринского театра Н. А. Котляревского (см. его письмо к Сологубу от 31 октября 1912 г. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 355, л. 1) инсценировка «Войны и мира» Дирекцией Императорских театров была не одобрена к постановке (официальный отказ был отправлен Сологубу 17 января 1913 г. — см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 878), а 26 августа 1912 г. на Александринской сцене состоялась премьера пьесы «Двенадцатый год. Историческая хроника в 11 картинах» Алексея Ивановича Бахметьева (1860—1917), и в этот же день в Москве в Малом театре (отд. изд.: СПб., 1912); в Петербурге пьеса выдержала 13 представлений.

⁴ Малый театр или театр Литературно-художественного общества, владельцем и руководителем которого с 1899 г. был журналист и издатель газеты «Новое время» Алексей Сергеевич Суворин (1834—1912).

16 (29) сентября 1912.

16 сентября

Дорогой Федор Кузьмич,

Позвольте обеспокоить Вас просмотром обещанной мною корректуры.¹ Вторая половина уже набрана и, ради выигрыша времени, посылаю ее в рукописи. Буду очень благодарен, если Вы найдете что-либо нужным прибавить и, между прочим, вставить название Вашей новой пьесы, которое я забыл.² Роман Ваш уже читаю.³ Досадую, что всякие срочные мелочи не дают заняться им всецело и прошу у Вас извинения, если чуточку задержу рукопись против обещания.

Сегодня получил фотографии от Булла.⁴ На этот раз вышло превосходно, удобно для воспроизведения, и я надеюсь, что Анастасия Николаевна, коей прошу засвидетельствовать мое глубокое уважение, на этот раз не будет недовольна.

Снимки и при них краткое описание пойдет через номер в «Огоньке». Статья на этой неделе пройдет в вечернем издании.⁵

Душевно преданный Вам А. Измайлов.

¹ Имеется в виду корректура статьи: *Аякс <Измайлов А.>*. У Ф. К. Сологуба // БВ. 1912. № 13151, 19 сент. С. 5—7; № 13153, 20 сент. С. 5—6.

² Речь идет о пьесе «Любовь над безднами» (опубликована в альманахе „Шиповник“. 1912. Кн. 18).

³ Имеется в виду заключительная часть трилогии «Творимая легенда» — роман «Дым и пепел»; позднее Измайлов познакомил читателей с содержанием роман, см.: *Аякс. „Дым и пепел“* (Новый роман Ф. К. Сологуба) // БВ. Веч. вып. 1912. № 13175, 3 окт. С. 5—6; № 13177, 4 окт. С. 4.

⁴ *Булла Карл Карлович* (1853—1929) — известный фотограф, владелец ателье на Невском.

⁵ См. примеч. 1.

39

7—10 (20—23) октября 1912.

Дорогой Александр Алексеевич,

На этот раз фотограф оказался более удачливым;¹ снимки получились хорошие. А вот в описание вкралась ошибка: ковер сделан Судейкиным, а не Кустодиевым.² На днях видел Вас издали на «Бегстве Габриэля Шиллинга»,³ но почему-то не удалось подойти. Надеюсь, что Вы захотите пойти на «Заложников Жизни», пойдут они после 15 октября.⁴ Репетиции уже возобновились. На днях я был у Головина, смотрел эскизы и те декорации, которые уже готовы; все это очаровательно. На днях слушал музыку Каратыгина к этой пьесе; она мне очень понравилась.⁵

Жму Вашу руку.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ В «Огоньке» (1912. № 39, 23 сент.) были помещены три фотографии: «Ф. К. Сологуб с супругой в столовой», «В гостиной» (Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская); «За рабочим столом» (Ф. Сологуб).

² В заметке «Писатель Ф. К. Сологуб у себя» (Огонек. 1912. № 139, 23 сент. С. 8) была допущена неточность: упомянутый ковер-панно был изготовлен Ольгой Афанасьевой Глебовой-Судейкиной (1885—1945) по эскизу ее мужа, театрального художника Сергея Юрьевича Судейкина (1882—1946); в настоящее время хранится в музее А. Блока (С.Петербург).

³ Пьеса Г. Гауптмана «Бегство Габриэля Шиллинга» осенью 1912 г. шла в Русском драматическом театре (А. Рейнке) в постановке А. Таирова, премьера состоялась 24 сентября 1912, подробный отчет о премьере отражен в рецензии Измайлова (см.: *Смоленский. Русский драматический театр. «Бегство Габриэля Шиллинга»* Г. Гауптмана // БВ. Веч. вып. 1912. № 13161, 25 сент. С. 4).

⁴ Премьера «Заложников жизни» в постановке В. Э. Мейерхольда состоялась в Александринском театре 6 ноября 1912 г.

⁵ Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875—1925) — композитор и музыкальный критик, автор музыки к пьесе «Заложники жизни».

40

19 октября (2 ноября) 1912.

19 октября 1912

Дорогой Федор Кузьмич,

Промаялся ночь с зубом, — никуда не гожусь. Едва смог приехать в редакцию — обусловить неявку в ближайшие дни.

Простите великодушно и верьте искренности.

Посылаю Вам заметки из «Нового слова» о Ваших вещах.¹

Ваш искренно А. Изм.

¹ Измайлов А. Новый роман Ф. К. Сологуба «Слаще яда». Узоры «творимой легенды» // Новое слово. 1912. Октябрь. С. 113—119.

41

16 (29) декабря 1912.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Читали ли Вы сегодня в «Русском слове» фельетон Горького,¹ где под видом «Сказки» таится гнуснейший пасквиль на Ф. К. и на меня (между прочим, я никогда и в глаза не видела Горького!).² Читаешь подобные вещи и просто руки опускаются; какую же мерзость надо иметь в душе, чтобы извлечь из нее подобную вещь — ведь это какой-то ком злости, зависти, грязи, которая никогда и на ум не придет человеку, не отравленному всеми этими ядами... Но в чем же моя вина? В том, что я позволила себе написать между прочими другими статьями (я ведь уже семь лет сотрудничаю в разных петербургских и московских газетах и журналах) написать статью о Ф. К. в «Золотом руне»³ и собрала в книгу все более или менее — не хвалебные, а чем-нибудь оригинальные статьи, облегчив эту задачу будущего историка литературы. Писала же я рецензии и в частности даже на стихи Ф. К. еще в первом году, 1905, моей литературной деятельности в Петербурге, когда еще я и в глаза не видела Ф. К.⁴ Да наконец, в чем же все-таки преступление, за которое знаменитый и идейный писатель позволяет себе возводить на меня клеветы — заведомо лживые (даже говорить против!), за которые обычно вызывают на дуэль или публично бьют?⁵ Неужели право эмигранта⁶ дает ему эту привилегию? Вы знаете, насколько Ф. К. чужд рекламе и суетности — если я сообщаю для печати иногда что-либо, то только факты, восстанавливающие истину или буквально ей отвечающие;

я очень рада, конечно, всякому доброму и справедливому слову о Ф. К., но Вы сами знаете — настаивала ли я или домогалась чего-нибудь подобного? Когда Вы написали осенью о нашей жизни в квартире,⁷ мы были, клянусь Вам, этим очень смущены и удивлены, потому что считали ваше посещение просто за дружеский визит. Единственная моя задача возле Ф. К. — создавать ему благоприятную обстановку для работы, но ведь и я человек, и не надо удивляться, когда и я могу выйти из себя, видя постоянную, систематическую травлю человека, чище, кротче и лучше которого я не видела на свете. Поймите, Александр Алексеевич, — ведь это трагедия — знать, быть убежденным, что этот человек мухи не обидел в жизни и ничего не имеет в мыслях, кроме труда и искусства, — и за что, почему, каждое утро он должен проглатывать 20—30 штук ругани, не выпадающей даже на долю отъявленного злодея и палача. Но я чувствую, что говорю бледно, неубедительно, — для этого нужны образцы огромной силы, чтобы убедить в трагичности подобного положения, а я могу только это чувствовать. Но скажите мне, почему Данте мог воспевать Беатриче, Петрарка — Лауру, Рафаэль, Рубенс, Рембрандт и прочие сотни раз изображать своих возлюбленных,⁸ знаменитый Никиш — аккомпанировать своей жене,⁹ неважный певец, — каждый актер, певец, музыкант может и имеет право выдвигать и помогать близким им по профессии и по духу, не делая никому отчета в своих интимных и частных отношениях, а в нашей среде, не защищенной нигде от выпадов личной злобы или зависти, и это подвергается клевете и инсинуациям! Ведь неужели надо объяснять, что только идейная близость влечет за собой близость внешнюю, а не наоборот, в жизни людей сознательных и интеллектуальных? Как реагировать на подобные «сказки», я, право, не знаю, — тут дело осложняется тем, что я женщина и не в состоянии ответить на это тем, чем полагается. Пишу Вам все это, чтобы облегчить свою душу.

Ваша Ан. Чебот.

Датируется по содержанию.

¹ Сказка III из цикла М. Горького «Русские сказки» была напечатана в «Русском слове» 16 декабря 1912 г. (№ 290); в ней Горький высмеивает создателей так называемой «кладбищенской литературы», в том числе и Сологуба, в творчестве которого тема смерти занимала выдающееся место (подробнее см. в кн.: *Звенцов И.* Сила сарказма. Сатира и юмор в творчестве М. Горького. Л., 1973. С. 243—254).

² Прямые указания на Сологуба и Чеботаревскую в сатире Горького отсутствуют, однако, в «стильном» быте поэта Смертяшкина и ревнующей о его славе супруги, Нимфодоры Завальяшкиной (персонажи сказки), угадываются весьма прозрачные намеки на гостиную четы Сологуб на Разъезжей, широко известную в литературно-художественном мире Петербурга, а также на ее хозяйку, «взявшую курс на внешнее поддержание <...> известности мужа» (*Эрберг К.* (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 140). Свообразным намеком на Чеботаревскую (составившую сборник критических статей «О Федоре Сологубе». СПб., 1911) служит также упоминание о том, что Завальяшкина «тщательно собирала все рецензии о стихах мужа и, уничтожая неодобрительные, — похвальные издавала отдельными томиками» (*М. Горький.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 10. С. 454); указание на Сологуба, вероятно, содержалось уже в первых строках сказки Горького: «Долго жил

Евстигней Закивакин в тихой скромности, в робкой зависти и вдруг неожиданно прославился» (там же. С. 449); как известно, вплоть до появления отдельного издания романа «Мелкий бес» (1907) Сологуб оставался «в тени» литературной славы и популярности.

³ *Чеботаревская Ан.* «Творимое» творчество // Золотое руно. 1908. № 11—12. С. 56—62.

⁴ Ан. Чеботаревская вернулась в Россию из Парижа осенью 1905 г. и вскоре стала работать в редакции «Журнала для всех» и в газете «Товарищ»; ее знакомство с Сологубом состоялось весной 1907 (подробнее об истории их взаимоотношений см.: *Лавров А. В.* Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—302).

⁵ Возмущение Чеботаревской было вызвано тем, что она полностью отождествила себя с героиней горьковской сказки, восприняла образ Нимфодоры Завалашкиной не как сатирическое обобщение, а как «гнуснейший пасквиль», обращенный к ней лично; особенно оскорбило ее упоминание в сказке о любовнике Нимфодоры — Прохарчуке, «домашнем» критике Смертяшкина, воспринятое ею как «возведение клеветы».

⁶ М. Горький покинул Россию в январе 1906 г., после поездки в Америку в октябре 1906 обосновался на Капри, вернулся в Россию 31 декабря 1913 г.

⁷ Имеется в виду заметка «Писатель Ф. К. Сологуб у себя» (Огонек. 1912. № 39, 23 сент. С. <8>).

⁸ Имеется в виду портрет Фарнарины, возлюбленной Рафаэля Санти (1483—1520), отдельные черты Фарнарины были запечатлены также в образе Сикстинской Мадонны; на многих полотнах Петера Пауля Рубенса (1577—1640) изображены его возлюбленные — первая жена Изабелла Бранд и вторая жена (и натурщица) — Елена Фоурмен; Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) посвятил несколько полотен изображению Саскии ван Эйленбюх (наиболее известное из них — «Даная», 1636 г.).

⁹ *Никиш Артур* (1855—1922) — венгерский дирижер, композитор и музыкально-общественный деятель; с 1899 г. вместе с Берлинским филармоническим оркестром неоднократно гастролировал в России, большую известность получил в качестве дирижера в первых постановках опер Вагнера на московской и петербургской сценах; жена Никиша — Амелия Хейснер, певица и композитор.

42

24 декабря 1912 (6 января 1913).

Только что от Вас узнал о смысле фельетона Горького, который, не читая, отложил в сторону. И только теперь, после этого, прочту его. Это я говорю к тому, чтобы Вы знали, как в сущности не всеобъемлющи и узки явления литературного дня, кажущиеся иногда страшно значительными для тех, кто прямо в них задет. Вращаясь почти сплошь в литературном мире, я не слышал также, чтобы кто-нибудь навел меня на этот разговор. Не могу судить, не читав фельетона, но не считал бы невозможным, что сюда вкралось простое недоразумение. Горького я знаю так мало, но ото всех слышал, что он чрезвычайно прямой и правдивый человек.

Все, что Вы пишете о Федоре Кузьмиче, я считаю истинной правдой. Всегда с нежным и радостным чувством я вижу те немногие дружбы и любви, какие еще сохранились нам в ужасный век. На них отдыхает душа, и так всегда я мыслил о Вашем союзе.

Позвольте мне, во имя благополучия человека, которого Вы любите, дать вам один непрошенный совет. Убедите Вы его, чтобы он отказался от выписки вырезок.¹ Это отвратительное бюро следовало бы взорвать на воздух — оно специально рассчитано на разжигание

в человеке самолюбия, и на одну радость несет сотню огорчений. Неужели Федору Кузьмичу не надоело каждодневно глотать жаб! Некогда я тоже состоял в бюро. Сейчас рад, что не состою. Андреев говорил мне, что он увидел свет, когда выписался из этого учреждения.² От этого может быть трудно отказаться сразу, как курящему от табаку, но это должен сделать человек, у которого есть воля и который хочет освободить себя от каждодневных заноз.

Р. С. Прочел сказку. Да, Вы правы. «Правдивый человек» скрипелся. Но Вы знаете, за что он может иметь тут против Ф. К.!

Ваш А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ См. примеч. 2 к письму 19. Мнение Измайлова разделял и В. В. Розанов, знавший о коллекции газетных вырезок Сологуба. 17 апреля 1911 г. он писал Ан. Чеботаревской: «Для чего же такую незстетическую дрянь, как „газетные вырезки“, Вы допускаете в квартиру, вероятно, огромную! <...> У меня есть нумизматика, и на меня они не действуют; у Фед<ора> К<зьмича> нет такого „отвлекающего“ занятия, и Вы его раздражаете и, может быть, измучиваете этой дрянью. Женино дело не допускать их в дом <...> Писатель должен быть пустынным; никаких „голосов“ о себе не знать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 234, л. 1).

² Корреспондент «Биржевых ведомостей» писал по поводу отказа Л. Андреева от услуг «Бюро печатных вырезок»: «Вырезки поступали бочками сороковыми. <...> Теперь с утренней корреспонденцией писатель не воспринимает обычной порции литературной касторки, не знает, что сочиняют о нем. <...> нужно большое обладание волей, чтобы устоять против соблазна и одинаково закрыть уши для газетных комплиментов и брани» (В литературном мире // БВ. Веч. вып. 1910. № 11668, 16 апр. С. 3).

43

Декабрь 1912 (январь 1913).

Дорогой Александр Алексеевич,

Ан. Ник. показала мне Ваше письмо, и мне хочется написать Вам кое-что о двух предметах:

1) О вырезках. Я совершенно искренне не понимаю, как могут эти вырезки кого-нибудь серьезно огорчать или радовать. Знать же чужое мнение о себе, хотя бы оно иногда было и глупое, всегда полезно. Суд глупца подобен «аггелу сатанину», который мне «пакости деет, да не превозношуся».¹ Просматриваю эти вырезки я не очень внимательно и затем храню их как интересный во многих отношениях материал. Но все-таки могу сказать, что из них вижу, что провинция растет, и кое-что из провинциальных рецензентов разбирается в художественных произведениях неплохо.

2) Вопрос о фельетоне Горького расценивается таким образом. Лично я, насколько он меня касается, совсем им не задет, и не обратил бы на него внимания, если бы он не появился в газете, которая желает моего сотрудничества.²

Р. С. Прочитал этот фельетон я не в вырезках; бюро вырезок мне его не прислало, да и не могло прислать, — там нет моего имени. «Русское слово» получаю.

Реакция дала мне объяснения, из которых видно, что она не думала, что это на мой счет. Но там изображена и жена Смертяшкина, и это уже нехорошо; нехорошо потому, что есть клевета. Редакция была введена в заблуждение, и мы редакцию не виним.

А Максиму Горькому я написал, что его поступок считаю нехорошим и несоответствующим его положению в литературе, поскольку этот поступок касается не Смертяшкина, а его жены.³ Что касается того, что у М. Горького могли быть основания сердиться на меня, скажу следующее: в главах, которые я не включил в текст «Мелкого беса» и напечатал отдельно в «Речи» нынче весною,⁴ есть, правда, кое-какие намеки на Горького (речь в буфете), но есть много такого, что на образ Горького не натягивается. Списаны эти два писателя не с Горького, а с двух литераторов, с которыми я встретился в Крестцах в 1884 году, и уже потом прибавлено из позднейших наблюдений.⁵ Ничьих жен я не трогал, и никому облыжных любовников не приписывал, так что М. Горький, конечно, перешел пределы мотивированного отмщения; да и притом это уж очень простонародный способ мести — рассердившись на Закивакина, обругать Нимфодору, его жену.⁶ Впрочем, общее мнение, прочитавших фельетон: «Скучно, беззубо, бездарно». Очень благодарен за Ваше постоянное доброе ко мне отношение. Сердечно Вам преданный

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ То есть: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручить меня, чтоб я не презноснился» (II Кор. 12.7).

² В 1912 г. в «Русском слове» у Сологуба были напечатаны: рассказ «Смутный день» (№ 6, 8 янв. С. 4); очерк «Приятная беседа» (№ 80, 16 апр. С. 2); историческая фантазия «Сдавшиеся» (№ 297, 25 дек. С. 6); кроме того, писателем был отдан в редакцию написанный совместно с Ан. Чеботаревской рассказ «Венчанная» (1913. № 87, 14 апр. С. 7).

³ 18 декабря 1912 г. Сологуб писал Горькому: «Вы, как искренний и большой человек, не станете отрицать, что ваша „сказка“, помещенная в „Русском слове“ 16 декабря, метит в меня. Если бы это было только против меня, я и не возражал бы. Но Вы захотели говорить о жене Смертяшкина... вспомните, что над тусклым кипением ничтожных и пошлых чувств, из которых возникла Ваша прискорбная сказка, есть мир возвышенный и чистый... и я уверен, что на этой высоте Вы найдете в своей душе такую силу осуждения Вашего поступка, с которой не могут сравниться намеренно сдержанные слова моих упреков. Я не понимаю, зачем Вы это сделали?» (*М. Горький. Полн. собр. соч.*: В 25 т. М., 1971. Т. 12. С. 578). Подробно об истории конфликта между Горьким и Сологубом, возникшего по поводу сказки о Смертяшкине, см.: *Никитина М. А. М. Горький и Ф. Сологуб (К истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 185—203.*

⁴ В апреле 1912 г. в газете «Речь» (№ 102, 15 апр.; № 109, 22 апр.; № 116, 29 апр.) были напечатаны главы из романа «Мелкий бес», не вошедшие в опубликованный текст романа. Эти главы имеются в рукописи (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 96; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки ф. 724, № 2—3) и были исключены Сологубом из текста в период печатания «Мелкого беса» в «Вопросах жизни» (1905, №№ 6—11) под давлением со стороны редакции журнала.

⁵ Подробно см. в нашей публикации: Из творческой истории романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (отвергнутый сюжет «Сергей Тургенев и Шарик» и его место в художественном замысле и идейно-образной структуре романа) // *Русская литература. 1997. № 2. С. 138—154.*

Декабрь 1912 (январь 1913).

Любезный Александр Алексеевич!

Спасибо за добрые слова. И хотя это совсем не праздничная тема, но позвольте Вам сказать, что Ф. К. никогда на Горького не только не писал пародий (он вообще против этого жанра и вышел из Смертяшкина потому же). Но постоянно защищал его от хоронивших его некогда¹ — вопреки общему мнению, его последние вещи («Городок Окуров») не хуже его первых. Ведь в этом образе, который принято считать почему-то за пародию, — ничего нет Горьковского, кроме одной злосчастной фразы,² написано это было в другое время, и ничего нет здесь личного, никакого залезания в частную жизнь — в чужие, наконец, постели, как это уже разрешил себе Горький. Если видеть здесь пародию, то скорее на «декадентствующих» пошляков, но повторяю, это вообще не пародия — или если таковая, то на образ, а не на личность, каковой является весь пасквиль Горького (другого слова не нахожу). Ничем другим, кроме злобы, зависти и эмигрантской скуки, я объяснить этого не могу, и согласитесь, что только терпящая все бумага да нравы литераторов, которым чужды понятия истинной любви, верности, чести, могут санкционировать подобные выступления. В «Русском слове» дали простое объяснение: «Горькому спешно понадобилась 1000 рублей!» Но никакие эксцессы злости не отвлекут меня от моей задачи — до последней минуты жизни буду служить этому делу, идеальные устремления которого положили начало и внешнему моему сближению с Ф. К.

Ваша Анс. Чеб.

А теперь — позвольте Вас поздравить с праздником и сердечно пожелать всего, всего лучшего!

Датируется по содержанию.

¹ В очерке «Конец ли Горькому», помещенном в специальном выпуске журнала «Заря» (1914. № 5), приуроченном к возвращению Горького в Россию, Сологуб писал: «Все толки о каком-то „конце Горького“ ни на чем не основаны. Он сохранил свои силы, — крупные силы и, несмотря на долговременное отсутствие из России, ощущение русской действительности нисколько у него не пострадало. Говорят, что роман его не отражает жизни... Но от художника разве требуется фотографичность? <...> Конечно, случается, что писатель дает одну вещь получше, другую похуже. Но нельзя же отсюда кричать об упадке таланта и тем более — о „конце“. Правда, Горькому мешает публицистика, в которую он любит вдаваться. Но она, ведь, везде мешает художественности» (с. 5); аналогичные суждения Сологуб высказывал и в очерке «Каким Горький уехал» в первом выпуске своего журнала «Дневники писателей»: «Каким Горький уехал, таким и вернулся. Талант — топор, как было сказано о Некрасове. Рубит фигуры из слов, как Ерзя из мрамора. Но главное — превосходный рассказчик»

(1914. Март. С. 17). Более ранние печатные высказывания Сологуба в защиту Горького не выявлены.

² В опубликованных Сологубом главах «Сергей Тургенев и Шарик» содержится целый комплекс биографических, портретных и цитатных указаний на Горького, послужившего прототипом Шарика; возможно, Чеботаревская имела в виду восклицание Шарика о Передонове: «Это выше Формы Гордеева!», явившееся непосредственной отсылкой к прототипу. Подробно см. в нашей статье «Из творческой истории романа Ф. Сологуба „Мелкий бес“».

45

Январь 1913.

Дорогой Александр Алексеевич,

С прискорбием прочитал я Ваш «Дым и Жупел». ¹ Не понимаю, зачем это Вам понадобилось. Вам не нравится мой роман? но для выражения своих мнений есть критические статьи, и Ваше отрицательное отношение к моему роману Вы уже не раз выражали. ² А вот пародии зачем писать и печатать их в том журнале, где иногда печатаются и мои рассказы, ³ это мне непонятно. Одно из двух — или Ваш журнал признает меня вообще в качестве писателя, и тогда по отношению ко мне надо соблюдать известные приличия; или Ваш журнал считает меня плохим писателем и недостойным уважения писак — тогда зачем же печатать мои стихи и мою прозу? Издеваться над своим сотрудником! А рисунок над Вашей статьей! Какая-то пошлейшая харя с моими, однако, чертами, сидящая в непристойной позе — какая-то голая баба с розгами! ⁴ Все это очень прискорбно. Вот, Вы господа критики, нападаете на меня за то, что я, будто бы, не люблю жизни. Любить без разбора вообще не стоит, и жизнь нужно любить только достойную любви. А вот эта жизнь, где не отличишь друга от врага, где люди издеваются друг над другом, где (цитирую Ваши слова обо мне) «серьезное, грустное, прекрасное лицо брата по душевным переживаниям» ⁵ служит для него плевательницей, — о, эта жизнь! С какою отрадою думаешь о том, что путь этой жизни уже не так долгов!

Желаю Вам счастья и радости.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ *Измайлов А.* «„Дым и жупел“ (Творимая легенда в 6 частях да еще с терцинами)» // *Огонек.* 1913. № 3, 20 янв. (2 фев.). <С. 13>; под названием «Пепел и жупел» в кн. «Осиновый кол (2-й томик „Кривого зеркала“)» (Пг., 1915. С. 84—88).

² См., например, статьи и рецензии А. Измайлова: Что нового в литературе? // *БВ.* 1908. № 10296, 12 янв. Новый роман Ф. Сологуба // *Русское слово.* 1909. № 11, 15 янв.; На ковре самолете (Роман Ф. Сологуба «Королева Ортруда») // Там же. 1909. № 170, 25 июля; На отмели (Итоги литературного года) // *БВ.* 1909. № 11469, 16 дек.; У стола клиники (Патологическая беллетристика) // *Помрачение божков и новые кумиры.* М., 1910. С. 176—182; Загадки Сфинкса // *Измайлов А.* *Литературный Олимп.* М., 1911. С. 309—325, а также пародию на «Королеву Ортруду»: *Новый век* // *Измайлов А. А.* *Кривое зеркало. Пародии и шаржи.* СПб., 1912. С. 125—126.

³ Сологуб сотрудничал в «Огоньке» с 1912 г.; в 1912—1913 гг. были опубликованы рассказы: «Легенда белой ночи» (1912. № 21, 19 мая), «Мышеловка» (1913. № 22, 2 июня), «Прачка с длинною косой» (1913, № 25, 23 июня).

⁴ Сологуб имеет в виду помещенный над пародией шарж Пьер-О (Сергея Васильевича Животовского, 1869—1936).

⁵ Цитата из статьи А. Измайлова о творчестве Ф. Сологуба «Загадки сфинкса» (Измайлов А. Литературный Олимп. М., 1911. С. 309).

46

25 января (7 февраля) 1913.

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите карандаш, — я неделю болен и пишу лежа. Мне искренно больно, что я причинил Вам огорчение, и я очень благодарю Вас за то, что Вы со всею открытостью высказали Ваше недоумение перед моим поступком.

Ко мне усиленно предъявляют просьбы — давать пародии, памфлеты и т. п. Это не Бог весть какой жанр, но его любят, и — не одна толпа. Вы знаете, что Пушкин пародировал Жуковского («Послушай, дедушка...») и Карамзина.¹ Это свойство умов давать литературную карикатуру на то, что ей поддается. Форма «Творимой легенды» настолько необычна, что пародия напрашивалась мне давно. Я не хочу сказать, что безотчетно я пошел на предложение. Я знал, что делал. Знал, что автору доставить удовольствие это не может. Но никогда не думал, что это могло вызвать чувство обиды, раздражения и недоумения.

Вы совершенно правы — критическая статья есть употребительный способ обсуждения литературного произведения. Но позвольте защитить право оценивающего пользоваться, если он хочет, и другими методами. В литературе имеет право быть шутка. Критика должна быть благородна и доброжелательна, но она не есть непротавление злу, а именно борьба всякими (кроме бесчестных) способами с тем, что кажется злом, аномалией, ошибкой, неудачным в литературе.

Вы правы, заметив, что «Творимая легенда» вообще произвела на меня впечатление невыгодное. Очень может быть, что я нередко ошибаюсь, что за этим жанром будущее и так далее, но я не могу осмыслить его и мне искренно кажется, что такой труд совершенно недостойн Вашего прекрасного таланта. Если бы я имел право убеждать Вас оставить этот жанр, я бы умолял Вас об этом. Если бы вся Ваша литературная деятельность грозила свестись к нему — я бы оплакивал Вас. Если бы я писал обычную критическую статью о «Дыме и Пепле», я должен был бы напрямки сказать самые неприятные вещи об этом произведении колоссальной сказки; в целом не сказка и не была, не сатира и не памфлет. Именно потому, что мне не хотелось так прямо выразить простое сожаление, что Вы потратили столько времени и труда на неудачное, я предпочел бы не писать статьи, а отшутиться шуткой, серьезный смысл которой понятен. Вы были так добры, что дали мне рукопись до печатания. Я сделал два

пересказа,² и Вы, если видели их, не упрекнете меня в том, что я позволил себе в них хотя бы одно роняющее роман слово.

Здесь вообще, может быть, уместно отлепить мое всегдашнее отношение к Вам. Много добрых и сердечных проявлений Ваших и Ан. Н. сделали то, что к уважению к Вам во мне присоединилось чувство и более теплое и ласковое. Достаточно видеть, как вы двое любите друг друга, как Вы благородно скромны в тот час, когда судьба позволила Вам безнаказанно быть рекламно-шумным, как д'Аннунцио,³ чтобы Вас полюбить. В ряду (к сожалению) мелочей Вы видели, что я хотел бы фактически заявить мое искреннее доброжелательство к Вам. Что до литературы моей, то со всею восторженностью я писал о Вас, как о поэте, восторженно приветствовал «Мелкого беса». Вы скажете, — совершенно также откровенно осуждал «Навыи чары». Да, именно потому, что уже составил о Вас такое представление, что Вы отделите личное от общественного, дружественного человека от мнения литератора.

Я не думаю, что Вы вообще против пародии. В литературе можно не только священнодействовать, но и шутить. Если у Белинского почти всегда серьезное лицо, то оно смеется у Добролюбова постоянно. Даже аскетично служивший ей Владимир Соловьев писал пародии.⁴

С видоизменением литературных форм, я думаю, впереди этот жанр юмористической оценки завоеует еще большие права гражданства, и это не потому, что вкусы падают и газетные формы торжествуют, а потому, что это один из благородных способов борьбы за свои понятия. У меня есть известная книжка пародий. Были и неприятные, ибо оригинал мне вовсе не нравился. На «Сына Человеческого» Андреева я написал пародию,⁵ какую считаю самой язвительной. Автор не обиделся, что это — зло. Конечно, это не доставило ему приятности, но он верно чувствовал, что это право тех, кому эта вещь не нравится.⁶

Я не хочу сказать, дорогой Федор Кузьмич, что это отношение обязательно для всех. Но я хочу подчеркнуть примером, что в Вашем ощущении может быть вполне естественная авторская возбудимость. Если читатель, знающий «Дым и Пепел», найдет совершенное несоответствие пародии с романом, он скажет только: «Какую глупость написал А. И.» — и автор романа не проиграет ни йоты. Если он скажет: «Да здесь же просто переложен роман Сологуба в явно карикатурном рисунке!» — пародист не виноват за то, что контур романа так поддается карикатуристу. Что вышло грубо, о чем я жалею и за что прошу извинения, — это за последние строки, где имя автора поставлено рядом с Поприщиным.⁷ Это низменно — но карикатура всегда груба и завершительный штрих ее часто собачка, совершающая неприличие и т. п. Иллюстрация художника — это его дело. Но ведь карикатура засыпает и Толстых, и Ибсенов, и Эдисонов.⁸ Выбросьте шутку и анекдот из жизни, и жизнь станет пресна, как солома.

Что оттенка оскорбления не предполагалось в этой штуке, этому свидетельство — и спокойное настроение Бонди, редактирующего «Огонек» и, конечно, в высшей степени дорожащего Вашим сотрудничеством. Если бы он спросил меня: «А не поссоримся с Ф. К.?» —

я бы искренно ответил: «Да разве он не понимает шуток? Юшкевич,⁹ конечно, обиделся бы, но Сологуб!..»

Если мне удалось сколько-нибудь уверить Вас в чисто литературном происхождении пародии, может быть, сделанной без достаточной чуткости к Вам, но без отдаленнейшего желания обиды, — я не напрасно писал сейчас. Может быть, Вам уже трудно поверить, но свидетельствую совестью, — я буду писать о Вас с радостью, восторженно, при первом же случае субъективной удовлетворенности, даже если Вы откажетесь от меня, снимете с Ваших писем дорогое мне обращение и просто отвернетесь от меня. И если еще мой голос что-нибудь значит для Вас, дорогой Федор Кузьмич, оставьте этот жанр, который стал привычен для Вас, и тем не менее, пошлите к дьяволу и волшебные напитки,¹⁰ и тех неискренних людей, которые говорят Вам, что это хорошо, испытывая недоумение, может быть, более остро, чем мы. Дайте нам радость любить Вас прежнего и не огорчать Вас выходками, которые, может быть, дерзки и неумелы, но в основе которых лежит хорошее чувство огорчения за ошибки Ваши против Вашего большого таланта. Если вы не делали секрета от А. Н. из Вашего письма ко мне, утрудитесь ей прочитать мое. Ее любовь к Вам и женская чуткость уловит в моих строках нечто в мое оправдание.

Будьте здоровы и благополучны и забудьте меня с глупой пародией.

Ваш А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о пародии А. С. Пушкина «Послушай, дедушка, мне каждый раз...» 1818 г. (начальные стихи взяты из стихотворения В. А. Жуковского «Глennость» 1816 г.) и эпиграммах на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина: «Послушайте, я сказку вам начну...» 1816 г. и «В его „Истории“ изыщность, простота...» 1818 г.

² Аякс «Дым и пепел» // БВ. Веч. вып. 1912. № 13175, 3 окт. С. 5—6; № 13177, 4 окт. С. 4; Аякс У Ф. К. Сологуба // БВ. Веч. вып. 1912. № 13135, 20 сент. С. 5—6.

³ Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский поэт, прозаик и драматург, пользовавшийся большой популярностью в Европе и России в начале века.

⁴ Философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) был автором широко известных пародий на стихи сборников «Русские символисты»: «Горизонты вертикальные...», «Над зеленым холмом...», «На небесах горят паникадила...» (1895, впервые в рецензии Вл. Соловьева на последний, третий выпуск сборника: Вестник Европы. 1895. № 10).

⁵ Измайлов А. Сын человеческий или роковой граммофон // Измайлов А. Кривое зеркало. Пародии и шаржи. СПб., 1912. С. 13—21.

⁶ Творчество Л. Андреева нередко служило мишенью для язвительных острот и критических замечаний Измайлова, однако, писатель относился к литературной продукции известного пародиста вполне одобрительно, о чем писал ему: «Никогда не думайте, что я могу обидеться — пишите неодобрительно, пишите резко, ругайте, и я все же ни на минуту не усомнюсь в добром Вашем отношении» (Тяпков С. Н. Л. Андреев в зеркале критика и пародиста А. Измайлова // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1978. С. 86).

⁷ В заключительной части пародии «Дым и жупел» Измайлов сделал отсылку к герою повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» — Поприщину, возмнившему себя испанским королем:

А между тем, народ во вкусах груб,
До новой власти непомерно хищен,
Вопил: «Да правит нами Сологуб!»
И кто-то крикнул: «Фердинанд Поприщин!»

⁸ Эдисон Томас Алва (1847—1931) — выдающийся американский электротехник.

⁹ Юшкевич Семен Соломонович (1868—1927) — прозаик и драматург; см. пародию А. Измайлова на рассказ С. Юшкевича «Король» и драму «В городе» (Измайлов А. Кривое зеркало. 4-е изд. СПб., 1914. С. 155—156).

¹⁰ Критик ссылается на эпизод из «Творимой легенды», в котором Триродов и Елисавета под действием волшебного напитка переносятся на планету Ойле.

47

26—29 января (8—11 февраля) 1913.

Дорогой Александр Алексеевич.

Вы пишете, что пародии любит не одна толпа и что пародии писал сам Пушкин. Но дело в том, что Пушкин знал меру вещей и слов, а в наши дни эта мера утрачена. Писать пародии — это значит вступать на опасный путь, потому что в наши дни спешная работа приучила нас к очень небрежному отношению со словом, и мы не видим границ. Автору пародируемого произведения пародия не может понравиться, — а кому же она может понравиться? И какого свойства доставляемое ею удовольствие? По-моему, писателям нет никакого резона изображать перед толпою клоунов, обменивающихся дружескими оплеухами; едва ли это зрелище способствует повышению уважения к литературе. Ведь если почитать все эти пародии и сопоставить их с тем, как пишут о лицах других профессий, то получится впечатление, что хуже писателей в России и людей нет, и нет никакой разницы между Сологубом и Поприщиным, оба одинаково ничтожны и безумны. Пушкин умел сказать поэту: Ты — Царь!¹ А вот избрать в цари поэта — журналисту наших дней это кажется такою же смешною нелепостью, какою казалось русскому правителю конца 70-х годов кандидатура Ивана Аксакова на болгарский престол.² Самое отношение Ваше к моему роману определяется двумя моментами: 1) Я не понимаю, стало быть, чепуха. 2) Форма не указана в учебнике словесности, стало быть, опять же ЧЕПУХА.³ Просто и неубедительно. По учебнику я никогда не писал и писать не собираюсь. Для меня интересно сказать то, что я свободно представляю, а какой это выйдет жанр, это меня не занимает. Один закон для поэта — свобода творчества; других законов не надо. Что касается непонятого, так я думаю, что ничего непонятого в моем романе нет. И меня даже удивляет, что Вы, говоря обо мне все Ваши приятные для меня слова, при этом не хотите признать, что этот роман — плод добросовестной и вдумчивой, многолетней работы, и заслуживает потому попытки понять его, что всегда просто, если подойти к художественному произведению просто, без предвзятости. Вы защищаете право шутки в литературе. Я их тоже признаю. Эпиграммы Пушкина очень хороши. И отчего не смеяться над тем, что скверно, пошло, вредно? Но у нас принято

писать пародии только на то, что является плодом большого, искреннего, ищущего, самоотверженного труда. Пушкин поражал эпиграммами Булгарина, Каченовского, Александра,⁴ — а мы высмеиваем Л. Андреева, Станиславского, Гордон Крега,⁵ Мейерхольда. И это несправедливо. Начал я это письмо в понедельник, кончаю в четверг, — не осудите. Вас лично я по-прежнему люблю, потому и огорчаюсь.

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...») 1830 г.

² В 1878 г. прогрессивно настроенная болгарская молодежь выдвинула кандидатуру Ивана Сергеевича Аксакова (1823—1886) на болгарский престол в благодарность за его деятельность в Московском славянском обществе в период обострения политической обстановки на Балканах и, в частности, за его выступление в июне 1878 г. против решений Берлинского конгресса, направленного против раздела Болгарии и передачи части ее под власть Турции (см.: *Димбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.* М., 1978. С. 241—246).

³ Многочисленные нападки критиков на роман «Творимая легенда» побудили писателя сделать некоторые пояснения художественных особенностей трилогии; в сентябре 1912 г. в интервью, данном А. Измайлову для «Биржевых ведомостей», Сологуб говорил: «Те понятия о творчестве, к которым я сейчас пришел, говорят мне, что никто не вправе стеснять писателя в его творческом устремлении. Ему нельзя предначертывать каких-нибудь определенных программ, реальных или фантастических. Он никого не хочет вводить в обман, потому что, когда он фантазирует, всем совершенно ясно, что он фантазирует. Разве всякий читатель, дойдя до того места, где рассказывается, что известный напиток переносит человека в блаженную землю Ойле, не чувствует, что реальный рассказ кончился и начинается рассказ фантастический? Кто же мешал читателю и критику совершенно ясно понять, где реально и где вымысел? Никто не хочет в самом деле его уверить, что существуют волшебные напитки, блаженные земли, добрые волшебники и всяческие чудеса. Если меня упрекают в смешении стилей, в том, что этот роман не есть всецело реальный и не есть всецело фантастический, то и этого упрека я не признаю резонным. Почему же такое смешение стилей мы признаем в сказке Толстого, в сказке Андерсена? В рассказе „Чем люди живы?“ сейчас вы в реальнейшей обстановке жизни сапожника, еще минута — и перед вами сошедший с неба ангел. Так точно обстоит почти со всеми сказками Андерсена. Почему же читатель не хочет допустить такого смешения стилей у меня, где в одной главе идет речь о реальном человеке Триродове, а через несколько страниц вы уже в царстве королевы Ортруды?» (*Аякс <Измайлов А.>. У Ф. К. Сологуба // БВ. Веч. вып. 1912. № 13151, 19 сент. С. 5—7.*)

⁴ Сологуб имеет в виду эпиграммы А. С. Пушкина на Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789—1859; писатель, журналист, агент III отделения): «Не то беда, Авдей Флюгарин...» и «Не то беда, что ты поляк...» 1830 г.; на Михаила Трофимовича Каченовского (1775—1842; издатель «Вестника Европы»): «Клеветник без дарованья...» 1821 г. и «Там, где древний Кочерговский...» 1829 г., а также эпиграммы на Александра I — «Властитель слабый и лукавый...» в начале X главы «Евгения Онегина», «Воспитанный под барабан...» (1823—1825) и т. д.

⁵ *Крэг Генри Эдуард Гордон* (1872—1966) — известный английский режиссер, театрик театра; в 1911—1912 гг. на сцене Московского Художественного театра, совместно с С. К. Станиславским и Л. А. Сулержицким поставил «Гамлет», с участием В. И. Качалова; премьера состоялась 23 декабря 1911 г.; постановка вызвала бурное обсуждение в прессе, резким нападкам подверглось оформление спектакля (абстрактные декорации).

26 января (8 февраля) 1913.

Дорогой Александр Алексеевич, Ф. К. показал мне письмо Ваше и мне хочется снова перебраться с Вами несколькими словами. Когда принесли Вашу пародию, Ф. К. лежал тяжело больной. Я видела, как он весь передернулся, хотя, это обыкновенно, не показал виду, что расстроен. На другой день ему стало хуже, и как всегда в такие мрачные минуты, у меня мелькнула мысль, что единственный день, когда его никто не обругает, будет днем, когда друзья и недруги придут к нему в последний раз... «Как не прославлять смерть, — воскликнул он недавно, в разгаре травли его Батюшковым,¹ — ведь только перед ее величавым и серьезным лицом смолкают все земные — о, какие земные пересуды и вражды».

Я часто думаю о смерти, и думаю, если бы люди почаще вспоминали о ней, — они, по совету Метерлинка, были бы «тише, нежнее, вдумчивее».² Дело, конечно, не в осуждении, а в форме его; форму пародий Ф. К. не признает для серьезных, хотя бы и неудавшихся вещей. Он говорит, что те, кто знают всю тягость и муку истинного творческого труда, «не в силах над ним издеваться». Вы говорите, что пародия всегда заключает зерно истины, — ну, а пародия Горького (Сказка?) тоже имеет *raison d'être*?^a Подумайте — какой это скользкий путь! Что касается „Навях чар“, я лично тоже не считаю эту вещь удавшейся, но, по-моему, иногда вещь несовершенная ценнее многого совершенного: да и кроме того, я не в состоянии говорить с Ф. К. «языком врагов», я только про себя страдаю в таких случаях. Он просто очень утомился — отдохнет, если дадут, и напишет что-нибудь прекрасное. А пока подождите, не отпевайте заранее... Верю в Ваше сердечное отношение, верю в любовь к Ф. К., потому — не осудите, дружески Ваша Анс. Чебот.

Приходите к нам как-нибудь: мы на первой неделе уезжаем в провинцию недели на две; Ф. К. читает реферат «Искусство наших дней» в Киеве, Харькове и т. д.³

Датируется по содержанию.

¹ Чеботаревская подразумевает конфликт, возникший между Федором Дмитриевичем Батюшковым (1857—1920; литературный критик) и Сологубом в связи с постановкой на сцене Александринского театра «Заложников жизни». В апреле 1911 г. Театрально-литературный комитет, занимавшийся репертуаром императорских театров, который возглавлял Батюшков (имевший симпатии исключительно к пьесам реалистического направления), отверг пьесу Сологуба для постановки на Александринской сцене; при этом, Батюшков рекомендовал Сологубу: «Если же и дирекция, к^{ото}рая может не считаться с особыми мнениями в Комитете, не предполагает включить в репертуар Вашу пьесу, то может быть Вы сочтете излишним и вообще представлять ее на рассмотрение даже осенью» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 56, л. 10). Возникший между сторонами конфликт усугубился в 1912 г. при рассмотрении в Театрально-литературном комитете представленной Сологубом инсценировки «Войны и мира», которая также не была принята для постановки (такая же участь постигла

^a право на существование (франц.).

его пьесы — «Венец надежд», «Камень, брошенный в воду», «Любовь над безднами»). В сентябре 1912 г. со статьями против казенной репертуарной политики, проводимой Батюшковым в петербургском отделении Театрально-литературного комитета, выступил Д. В. Философов; в частности, в статье «Казенно-театральное» он коснулся скандала, возникшего в связи с проведением на сцену, с помощью вынужденных интриг, «Заложников жизни» (см.: Казенно-театральное // Речь. 1912. № 252, 14 сент. С. 7; № 258, 20 сент.). Отвечая в печати Философову, упрекнувшему комитет за пренебрежение современной драматургией, Батюшков заметил: «Г. Философов» в упрекает театральный комитет за то, что он „заседает“, т. е. читает пьесы. А что другое ему делать? Не выступать же в роли босоножки в какой-нибудь пьесе Сологуба <...?» (Речь. 1912. № 257, 19 сент. С. 2). На следующий день Сологуб парировал выпад Батюшкова, поместив в «Биржевых ведомостях» ответное «Письмо в редакцию», в котором заявил: «В своем письме, напечатанном 19 сентября в газете „Речь“, г. Ф. Батюшков, полемизируя с Д. Ф., счел нужным сделать выпад против меня и заявил, что не выступать же ему в роли босоножки „в какой-нибудь пьесе Сологуба“. Не понимаю, как возникла у г. Ф. Батюшкова такая мысль; ни о чем подобном я его никогда не просил; напротив, если бы мне привелось узнать, что г. Ф. Батюшков изъявляет желание исполнить роль босоножки в моей „какой-нибудь“ пьесе, то я настойчиво просил бы режиссера и дирекцию не потворствовать такой фантазии и дать дорогу молодым силам» (БВ. Веч. вып. 1912. № 13153, 20 сент. С. 8); письмо Сологуба было напечатано также в газетах «Театр» (1912. № 23, 21 сент.) и «Обозрение театров» (1912. № 1856, 21 сент. С. 11).

² Центральная мысль книги Метерлинка «Сокровище смиренных» (1896) и ряда пьес («Там внутри», «Слепые» и др.).

³ В марте-апреле 1913 г. Сологуб совместно с Ан. Чеботаревской и Игорем Северянином находился в турне по городам России с чтением лекции «Искусство наших дней» и стихотворений; писатель посетил Минск, Вильно, Харьков, Екатеринослав, Одессу, Полтаву, Ростов на Дону, Екатеринодар, Симферополь, Баку, Тифлис, Кутанс и Батум. Текст лекции «Искусство наших дней» написан в соавторстве с Ан. Чеботаревской, опубликован за подписью Сологуба в журнале «Русская мысль» в 1915 г. (№ 12. С. 35—62). Обозреватель газеты «День» рассказывал о поездке: «В Киеве местная администрация не допустила чтения лекции, о чем губернатор известил бумагой, в которой сообщалось, что „ходатайство Ф. К. Сологуба с участием Анаст. Чеботаревской и Игоря Северянина в прочете“ художественных произведений губернатором отклонено. Вообще, Сологубу пришлось несколько раз столкнуться с противодействием местной администрации. Так, в Екатеринодаре после первой лекции к Ф. Сологубу обратился местный клуб приказчиков с просьбой повторить чтение в клубе. Но градоначальник воспретил повторение лекции. <...> В Батуме, начальница гимназии не разрешила воспитанницам побывать на чтении, но, просидев первую половину лекции, запрещение отменила. <...> В Вильно и Екатеринославе учащиеся также не были допущены. <...> Лекцию посещали, главным образом, учащаяся молодежь и местная интеллигенция, а также рабочие. Если у светской публики первых рядов и наблюдалось простое любопытство, как к личности лектора, так и предмету чтения, то у демократической публики был исключительно жадный интерес к лекции, как к литературному явлению» (В. Т. Федор Сологуб о своей поездке // День. 1913. № 112, 28 апр.); в своем интервью для газеты «День» Сологуб говорил: «Мне интересно было посмотреть на своего читателя. Из этого знакомства я вывел заключение, что читатель в массе относится более непосредственно и, пожалуй, даже глубже к писателю, чем критика. <...> поездкой я очень доволен. Цель моей поездки была — выступить хоть однажды перед публикой без посредства прессы и критики» (там же). В провинциальной печати выступления Сологуба в период его первого турне получили преимущественно одобрительные и восторженные отклики (См., например: Минский голос. 1913. № 1003, 5 марта; Южный край (Харьков). 1913. № 11294, 9 марта; Одесские новости. 1913. № 8970, 12 марта; Русская молва. 1913. № 90, 12 марта; Кубанский край. 1913. № 75, 31 марта; Полтавский вестник. 1913. № 3088, 24 марта; Крымский вестник. 1913. № 94, 12 апр.). О последующих культуртрегерских поездках Сологуба по городам России 1914—1916 гг. с лекциями «Искусство наших дней» и «Россия в мечтах и ожиданиях» и обзор провинциальной печати см. в статье А. В. Лаврова «Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская» и в его публикации «Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской» в сб. «Неизданный Федор Сологуб».

Конец января (первая половина февраля 1913.—?)

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Я была это время не совсем здорова, и не могла откликнуться на Ваше милое, сердечное письмо. Благодарю, благодарю. О, если бы все люди поняли только друг друга, подошли бы друг к другу просто, по-человечески, — какой красотой просияли бы их отношения — зажегся бы весь мир... А то вместо того, чтобы «дублицинировать» жизнь (говорю словами Ф. К.) мы ее «альдонсируем» — пародиями, злословием, враждою... А жизнь ведь — только раз.

Еще раз благодарю... Ф. К. сердечно Вас приветствует. — Зашли бы к нам — а то скоро уедем и надолго.

Ваша Анс. Чеботаревская.

Датируется по содержанию; возможно, это ответ на не сохранившееся письмо А. Измайлова.

27 апреля (10 мая) 1913.

27 апреля

Дорогой Федор Кузьмич,

С приездом! Благодарю за беседу о кабарэ с нашим сотрудником.¹

В. А. Бонди очень просит Вас не отказать ему в одном или двух маленьких рассказах для «Огонька». Не можем ли надеяться. Рассказы будут иллюстрированы.

Привет Анастасии Николаевне. Душевно Ваш

А. Изм.

¹ См.: *Nolens*. Ф. К. Сологуб о своем кабарэ // БВ. Веч. вып 1913. № 13519, 27 апр. С. 4. В своем интервью Сологуб рассказывал: «Создать кабарэ по типу мюнхенских, мечта сия зародилась у нас давно <...>. Наше желание — создать настоящее кабарэ, где бы артисты, художники, поэты, музыканты могли бы творить все, что им вздумается. Без программы, ограничений и условности. И это, так называемое „волево“ искусство, должно стать принципом нашего дела. <...> В настоящее время городской житель, слишком узко специализировавшийся в своей области, стремится к тому, чтобы в коротких переживаниях и в короткое время пройти всю гамму человеческих чувствований. Он должен услышать и увидеть в один вечер стих, музыку, драму, легкую комедию, шансонетку, ужас, рисунок, пародию. <...> он имеет возможность видеть в один вечер то, на что пришлось бы ему затратить несколько вечеров. Наше кабарэ будет стремиться к тому, чтобы дать эту гамму всех переживаний, всех человеческих чувствований. Доступ в него будет для всех открытым. <...> Если кому не понравится наша затея, мы останемся в своем кружке и будем упорно проводить свои принципы, независимо от поддержки и внимания широкой публики. Коммерческих выгод мы не преследуем никаких. За небольшую плату и без обязательного кухонного меню мы предлагаем дать современному городскому жителю, что дано в некоторых кабарэ Запада». Идею открытия собственного артистического кабарэ Сологуб не осуществил.

4 (17) июня 1913.

4 июня 1913

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич!

Сердечно благодарю Вас за милые строки о моей книге.¹ Она мне мила и дорога всем своим содержанием — я работала над ней с любовью и увлечением, и не моя вина в некоторых погрешностях издания (грубоватая обложка, бумага, корректурные ошибки — и в датах и пр.). Ведь составляла, переводила и собирала я всю ее на свой страх и риск, не имея никакого издателя — (или отказы многих) — помню иные даже смеялись надо мной. Но я всегда довожу до конца начатое, и трудности только еще разжигают меня, — так и это довела, хотя и не в той далеко форме, как мечтала. Все же привет Вам от меня и Ф. К. из глухой эстонской деревушки, куда забралась для работы.

Анс. Чеботаревская.

¹ См.: А. Изм<айлов>. Квитанция любви («Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX веков») // БВ. Веч. вып. 1913. № 13571, 29 мая. С. 5—6.

23 апреля (6 мая) 1914.

Глубокоуважаемая Анастасия Николаевна,

Благодарю за «Дневники».¹ Получил и второй номер. Грустно мне убеждаться, что при всем желании я не могу выполнять даже самых ясных насущных моих желаний: быть у Федора Кузьмича и у Вас так мне и не удалось. Сейчас несколько дней сижу, зарывшись в Салтыкова. Необходимо писать к юбилею.² Не могу и думать куда-нибудь зайти даже на полчаса. И мысль под гнетом.

Позвольте поэтому заочно пожелать Вам счастливой поездки и доброго лета. Да будут к Вам благосклонны боги.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о первом номере ежемесячного журнала «Дневники писателей», издававшегося под редакцией и на средства Ф. Сологуба с марта 1914 г., всего вышло три номера журнала.

² В апреле 1914 г. отмечалось 25-летие со дня кончины М. Е. Салтыкова-Щедрина, по случаю юбилея А. Измайловым были напечатаны статьи «Пророческие карикатуры» (БВ. Утр. вып. 1914. № 14123, 27 апр. С. 2) и «Сатирик XX века (Из фантастической лекции будущего ученого)» (Русское слово. 1914. № 97, 27 апр. С. 4).

Август 1914.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам бандеролью две вещицы — одну, для вашего личного ознакомления, пьесу «Проводы», и другую, рассказ «Правда сердца»¹ на тот случай, если он пригодится для «Огонька» или для «Биржевых ведомостей». Пьеска переделана из этого рассказа, и, само собою разумеется, самостоятельного значения не имеет, так что, если рассказ появится в одном из Ваших изданий, то пьеса печататься не будет, разве только в специальном для театров литографском издании.² Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Рассказ «Правда сердца» был напечатан в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1914. № 14372 и № 14374, 14 и 15 сент.) и в сборнике Сологуба «Ярый год» (М., 1916).

² См.: Федор Сологуб. Проводы. Драматический этюд. СПб., 1914.

21 сентября (4 октября) 1914.

21 сентября

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, если на Вас произвело дурное впечатление, что я так усиленно просил у Вас стихотворения на это воскресенье, но — в это воскресенье прошло другое. Редакция обязала меня заботиться о воскресных номерах. Стихотворение должно было там быть. Вы почти обещали, но оставляли возможность неудачи. Меня обязали в тот же вечер дать что угодно, хоть свое, но непременно.

Не буду Вам лгать. Ваши стихи были получены вовремя и могли быть поставлены в номер. Но М. М. Гаккебуш поставил мои стихи, ссылаясь на то, что они уже потеряют смысл через неделю.¹ Простите, если я невольно вызвал Ваше неудовольствие.

И позвольте очень и очень вновь просить Вас помочь нам по воскресным, в частности, номерам. Беспokoю Вас этим и как личной моей просьбой и личным мне одолжением. Кабы знали, как трудно наладить дело, как все обещают и не исполняют, как просто, например, Куприны говорят да, заведомо в эту минуту решая нет!

Не дадите ли нам статьи, фельетона, беллетристического наброска * — на всякую тему, какую Вам угодно, лишь бы с (логическим) касанием психологии страны, переживающей ужасную войну.² Не смею надоедать Вам телефонными звонками, но беру смелость беспокоить Вас письмом, ободряемый Вашей любезной припиской в последнем письме — о незабывании.

Искренно Ваш

А. Измайлов.

* Стихов очень просит и Бонди для вечернего издания.³

¹ Имеется в виду стихотворение А. Измайлова «Реймский звонарь», поводом к написанию которого послужило сообщение о разрушении Реймского собора во время сентябрьского наступления германской армии на Реймс; в эпиграфе: «...Во время разгрома Реймса старый звонарь бил в колокол до тех пор, пока под бомбами не рухнула башня вместе с ним. (Из телеграмм)»; см.: БВ. Утр. вып. 1914. № 14386, 21 сент. С. 3. Предназначавшееся для этого номера стихотворение Сологуба «Еще сражаться надо много...» было опубликовано в утреннем выпуске газеты (БВ. № 14392, 24 сент. С. 2).

² В последующих номерах «Биржевых ведомостей» (утренний выпуск) за 1914 год Сологуб опубликовал стихотворения: «Вильгельм второй» («Он долго угрожал, безумно смел...») / (№ 14418, 7 окт. С. 3); «Братьям» («На милый край, где жизнь цвела...») / (№ 14422, 9 окт. С. 3); «Олегов щит» («Олег повесил щит на медные ворота...») / (№ 14454, 25 окт. С. 2). «Часовой» («Я один на перекрестке...») / (№ 14458, 27 окт. С. 2); «Осенняя могила» («Осень холод привела...») / (№ 14484, 9 нояб. С. 2); «Дождь и сон» («Мы могучи и упрямы...») / (№ 14512, 23 нояб. С. 5); «Св. Георгий Победоносец» («Идолам не поклонимся...») (№ 14518, 26 нояб. С. 2); «Побеждайте» («Побеждайте Сатану...») / № 14526, 30 нояб. С. 2); «Дух Берлина» («Ты ли, пасмурный Берлин...») (№ 14540, 7 дек. С. 2); рассказы: «Обручальное» (№ 14428, 12 окт. С. 2); «Танин Ричард» / (№ 14498, 16 нояб. С. 3); «Сними траур» / (№ 14575, 25 дек. С. 3); Ответ на анкету «О будущих русско-польских отношениях» (№ 14430, 13 окт. С. 4); статью «Мира не будет» (№ 14462, 30 окт. С. 2).

³ В вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» с сентября по декабрь публикаций произведений Сологуба не было.

55

Конец сентября (первая половина октября) 1914.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам три стихотворения с просьбою употребить их для утр<енних> или вечерн<их> «Биржевых ведомостей». Третьего дня послал Вам статью «Мира не будет», пригодна ли она?

Ваш Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

56

29 ноября (12 декабря) 1914.

Дорогой Федор Кузьмич,

Душевно благодарю за приятнейший мне подарок.

Редакция очень благодарит за стихи. Газета Вам идет с первого декабря.

Дочую Вам с просьбами бесконечно, но это уже от С. М. Пропера.¹ В пользу солдат («Елка в окопах») устраивается (в десятых числах декабря) грандиозный вечер, где писатели будут читать свои вещицы (на эту темку), а певцы петь. Не позволите ли надеяться, что Вы откликнитесь и на это Вашим всегдашним добрым согласием?² Дело благое.

Вещицу сию хотелось бы потом провести через «Б<иржевые> ведомости». Душевно Ваш

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ *Проппер Станислав Максимилианович* (1855—1931) — владелец и издатель газеты «Биржевые ведомости» и журнала «Огонек».

² С 12 ноября 1914 г. «Биржевые ведомости» и «Огонек» печатали объявление о благотворительном вечере «Елка в окопах» для сбора пожертвований на фронт. Согласно опубликованному в газете списку, Ф. Сологуб был включен в состав Организационного Комитета для устройства вечера и сбора средств. В специальном Рождественском (благотворительном) выпуске газеты он поместил рассказ «Сними траур» (БВ. Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек. С. 3).

57

6 (19) декабря 1914.

6 декабря 1914

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей», желая помочь читателям суждениями выдающихся умов современности в настоящий тяжелый день, имеет честь покорнейше просить Вас не отказать ей в участии в анкете¹ на тему:

Есть ли достаточные основания считать нынешнее Рождество последним кровавым Рождеством для человечества.

Заранее принося благодарность за любезное согласие, редакция просит принять выражение глубокого уважения и совершенной преданности.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вместо ответов на редакционную анкету в Рождественском номере «Биржевых ведомостей» (Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек.) были напечатаны произведения (по преимуществу оптимистического, жизнеутверждающего пафоса) — А. Блока, З. Гиппиус, А. Ремизова, Д. Мережковского, И. Ясинского, А. Измайлова, Л. Андреева и других авторов, в том числе и рассказ Ф. Сологуба «Сними траур» (с. 3). Незадолго до предполагавшегося опроса, Сологуб написал статью «Мира не будет», в которой прозвучал его прогноз по поводу войны на ближайший год (БВ. Утр. вып. 1914. № 14462, 30 окт. С. 2); своеобразным откликом на вопрос анкеты можно считать также стихотворение «Новый год» 29 декабря 1914 г., которое, по-видимому, предназначалось для праздничного выпуска газеты (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 5, л. 1799):

Уходит год, упорный и кровавый.
Ему на смену светлый год идет.
Увенчана багряной бранной славой
Россия с радостью победы ждет.

Конец декабря 1914 (первая половина января 1915).

Дорогой Александр Алексеевич,

Поздравляю Вас с Новым Годом и шлю Вам наилучшие пожелания.

Просьбу имею к Вам: будьте добры замолвить слово, чтобы мне в этом году высылали «Биржевые ведомости» и «Огонек».

Вчера случилось какое-то недоразумение в конторе: я послал горничную с запиской получить гонорар за рассказы «Сними траур» и «Сердце сердцу»;¹ в них более 800 строк; выдали почему-то только 195 рублей; в чем дело, я не мог справиться по телефону, так как было уже поздно. Будьте добры, при случае справиться. Полученная цифра такова, что за один из этих рассказов ее мало, за другой много; как будто контора рассчитывает мою прозу по 25 копеек, а не по 50 копеек. В таком случае очень прошу Вас сказать, чтобы остальное мне дослали; да и за предыдущие маленькие рассказы не было ли такой же расценки; нельзя ли проверить.

Простите, что обременяю Вас этим вздором. Сердечно Ваш

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Рассказ Сологуба «Сердце сердцу» был напечатан в «Огоньке» (1914. № 52, 25 дек.), «Сними траур» — в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. 1914. № 14575, 25 дек. С. 3); оба рассказа вошли в сборник «Ярый год».

8 (21) января 1915.

8 января 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Биржевых ведомостей» имеет честь покорно просить вас не отказать в участии Вашем в анкете по вопросу, считаете ли Вы необходимым формальный союз России и Англии.¹ Отсутствие Вашего суждения среди мнения лучших представителей современной мысли глубоко огорчит редакцию.

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ В качестве ответа на вопрос анкеты Сологуб написал статью «Мировая громада» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14638, 28 янв. С. 3), в которой высказался за необходимость союза России и Англии и при этом сделал следующие пояснения: «<...> при всем не-

сходстве учреждений и обычаев есть многое, что делает для нас Англию более близкою, чем всякое иное западное государство. Более чем всякий другой народ в Европе англичане очарованы стремлением к мировым просторам. Быть в пределах им тесно и скучно, им надобно приобретать земли <...>. Преодолевать пространства, расточать энергию, — вот свойства, в наибольшей чистоте удержанные от времен былых кочеваний только русскими и англичанами. От этих неутомимых кочеваний, от этого щедрого рассеяния дух английского народа в большей степени, чем дух всякого иного западного народа, сроднился с мистическими откровениями древнего Востока. <...> Достойным для величия русского народа союз с Англией представляется мне потому, что союз этот ведет к объединению народов под знаменем истинной, духовной культуры мистического Востока. Единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада.

60

Конец февраля (первая половина марта) 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам мою книгу и рассказ «Красавица и оспа» (для «Огонька»?).¹ В рассказе не больше 300 строк. Простите за некоторое опоздание. Знаю, что звонили ко мне, и сам несколько раз пытался созвониться с Вами, но неудачно. Сердечно Вам преданный

Федор Тетерников.

Р. С. Насчет «Пузырей земли»² позвольте прислать Вам письмо особо.

Датируется по содержанию.

¹ Вероятно, речь идет о книге стихотворений Сологуба «Война». (Пг.: Изд. журнала «Отечество», 1915), вышедшей в начале года и отосланной Измайлову для газетного обзора или рецензии (см.: Батальная поэзия // БВ. Утр. вып. 1915. № 14652, 5 февр. С. 6). Рассказ Сологуба «Красавица и оспа» появился в «Огоньке» от 22 марта 1915 (№ 12) и в сб. «Ярый год».

² Имеется в виду статья А. Измайлова «Пузыри земли» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14690, 24 февр. С. 2).

61

6 (19) апреля 1915.

Дорогой Федор Кузьмич,

В самом деле, это — жуткое пророчество. Хорошо, что это не было напечатано, да и сейчас это немислимо печатать. Если бы и можно было, то не нужно: в больной и безумный век живем.

Возвращаю вам документ, а копию позвольте оставить себе и, насколько возможно, коснуться в заметке.¹

Очень ждем от Вас стихов и рассказов.

А. Измайлов.

На редакционном бланке; датируется по почтовому штемпелю.

¹ Содержание этого письма не ясно; возможно, речь идет о статье «Встреча с Распутиным» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 257), в которой автор рассказывает о впечатлении, произведенном на него Распутиным (Григорий Ефимович Новых, 1872—1916) и, в частности, приводит «пророчество» «старца»: «<...> на вопрос, — долго ли продлится война, — заметил: — По-божески давно уж пора перестать? а по-человечески еще все воевать будем, и друг друга перережем, и все конца не будет» (л. 3); вероятно, статья не могла быть напечатана по цензурным соображениям.

Возможно также, речь идет о каком-либо из документов, связанных с государственной политикой по отношению к евреям в военный период. В архиве писателя в папке «Материалы к еврейскому вопросу» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 33) сохранилась, например, машинописная копия циркуляра под грифом «Секретно» (л. 204—205) от 23.7.1915 товарища Министра внутренних дел В. Ф. Джунковского — «Погромная агитация», а также ряд других бумаг аналогичного содержания. Будучи одним из инициаторов создания «Русского общества по изучению еврейской жизни» и одним из редакторов (совместно с М. Горьким и Л. Андреевым) сборника «Щит» (М., 1915), материалы которого были объединены темой защиты еврейства, Сологуб мог обратиться к Измайлову с просьбой привлечь общественное мнение к антисемитским действиям правительства.

62

22 июня (5 июля) 1915.

22 июня

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечно благодарю Вас за привет и память. Завидую Вашему благословенному отдыху и сельской природе. У нас уже становится жарко и худо.

Посылаемые цензурные гранки с запрещением вас не порадуют, но объяснят, почему газета не напечатала статейки.¹ Не забывайте нас и стихами. Может быть, пришлете и рассказец для „Огонька“ и для нас — познавательнее и пофабульнее. Скучает по Вас и хроника.

Сердечный привет Анастасии Николаевне. Ваш искренно

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вероятно, речь идет о статье «Цена одному»; см. примеч. 2 к письму 63. В архиве Сологуба сохранились гранки с цензурным запрещением статьи «Гадания», на карточке авторской библиографии имеются пометы Сологуба: «БВ. 7 мая, 1915, ценз., опубли. БВ. <19>15. 14919. 22 и <ю>н<я> у<тр>.»; пометы о цензурном запрещении имеются также на статьях «Вечный жид» (опубл.: Русские ведомости 1915. № 184, 11 авг.), «Горение души» (опубл.: Русские ведомости. 1915. № 111, 16 мая) и на нескольких статьях конца 1915 г. (подробнее см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

31 июня (13 июля) 1915.

31 июня 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция очень просит у Вас рассказа, во-первых, не такую шалость, как «После драки»,¹ которую весьма приятно почитать и засмеяться, но даже нельзя послать в цензуру, потому что там примут это за глумление, и во-вторых, без таких «объективностей», как в посылаемой статье «Цена одному», где Вы признаетесь, что «не враг германскому народу»² и т. д. Цензура требует, чтобы писали о Германии, как враги, и эту статью М<ихаил> М<ихайлович>³ просил у меня вернуть Вам. Мы так давно уже не получали от Вас рассказа, что Вам не грех нас побаловать.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Рукопись заметки «После драки» (23 июня 1915) в архиве писателя не сохранилась, в материалах к библиографии, составленной Сологубом, сообщается, что она предназначалась для публикации в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 27 июля 1915 (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).

² В статье «Цена одному», публикация которой предполагалась в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» 9 июля 1915 (отражено в материалах к библиографии), Сологуб писал: «Что касается нас, русских, то мы определенно знаем, что германскому народу в целом мы не враги. Мы не хотим вреда Германии, — нам ненавистны воинственные планы, коварно и тайно проводимые немногими властными и влиятельными германцами» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 504).

³ М. М. Гаккебуш.

После 18 (31) июля 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Я очень огорчен тем, что Вы написали в «Биржевых ведомостях» в вечернем выпуске 18 июля.¹ Целый год печатали Вы все эти рассказы и стихи, и вдруг объявили, что все это — ужасная дрянь.² А самое удручительное — это Ваши слова о том, что мы кому-то хотели угодить патриотизмом.³ Вы хорошо знаете, что патриотизмом в России угодить никому нельзя, не только левым, но даже и правым. И почему Вы считаете всех нас такими продажными? Я думал, что вы лучшего мнения о Ваших сотрудниках, и, в частности, обо мне. Никогда в моей жизни не думал я кому-нибудь угождать, не старался нравиться никому. Никто из нас не думает писать Илиады и не хочет состязаться со Львом Толстым,⁴ это уж просто такая манера бить нас нашими предшественниками; будет время, может

быть, и нами будут кого-нибудь бить. Если бы каждый из нас был гениальнее Шекспира, то и тогда мы не могли бы давать каждый год гениальные произведения: не всякий овощ вызревает быстро; к чему же такая поспешность как можно скорее указать наши недостатки, да еще елико возможно преувеличивать их? Вы отметили, что многие из нас занимаются одною и тою же темою, преображение людей войной, и что это от того, что мы очень плохи.⁵ А я думаю, это потому, что тема существенная, и обойти ее не приходится. Для всех нас эта война трагична, потому что она поразила в нас нашу влюбленность в германскую культуру и потрясла в нас национальное чувство. Вопросы об отечестве, о государстве, о патриотизме, о путях культурного развития очень болезненно встали в нас и привели в нас истинное чудо преображения. Для того, кто любит творимую легенду, чудо это радостное, и мы говорим о нем не потому, что душа наша пошла продаваться, а потому, что душа наша потрясена и великою скорбью, и великою радостью. На Льва Толстого и на Гомера нам оглядываться не приходится, потому что мы говорили о чуде нашем, о преображении нашем, о том, что в очень малой степени было темою Льва Толстого: он не верил, развенчивал, низводил, и, при всей гениальности, делал это с упорной тенденциозностью. Какой же из его рассказов не был сочинен на тему? Он был типичный русский интеллигент с нигилистическою закваскою, вечный спорщик, пытавшийся все на свете рационализировать. В какой бы степени мы не были бездарнее Толстого, это не дает основания заподозрывать самые мотивы наших писаний; такое заподозрение лучше оставить на долю кислых злючек, вроде З. Гиппиус да Колтоновской.⁶ От Вас слышать это огорчительно.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Измайлов А. Литература и драма // БВ. Веч. вып. 1915. № 14972, 18 июля. С. 4.

² В качестве отрицательных примеров произведений на военную тему в статье были названы: «Мое сердце» Б. Лазаревского, «Душа человеческая» В. Ленского, «Пастырь воинский» М. Кузмина, «Война» и «Еврей» М. Арцыбашева, драмы Л. Андреева, повесть Сологуба «Острие меча» (сборник «Лукоморье. Военные рассказы». СПб., 1915) и «Проводы. Драматический этюд» (СПб., 1914).

³ Обозревая военную беллетристику, критик высказывал пожелания авторам: «Так хочется предпочесть простые рассказы на тот же военный сюжет, чаще драматический, иногда юмористический, когда в них никто не перерождается, когда автор никому не собирается патриотически угодить».

⁴ Сологуб ссылается на высказывание Измайлова: «Когда Толстой писал „Севастопольские рассказы“, он не ставил перед собой никаких теоретических заданий. Едва ли он хотел показать, как война перерождает людей, какое она зло и так далее».

⁵ В обзоре говорилось: «Большинство наших рассказчиков вменили себе в обязанность теорию, которую бы обосновали их рассказы. Надо всеми иными сейчас господствует одна „умственная“ идея — война перерождает. <...> Но почему обязательен этот психологический примитив. Почему ничто более оригинальное, более сложное не приходит в творческие умы беллетристов».

⁶ Сологуб имеет в виду статью З. Гиппиус «Раненая муза» (Голос жизни. 1915. № 24. С. 1—2) и статью Е. Колтоновской «Военные рассказы» (Речь. 1915. № 162, 15 июня. С. 3); в обеих статьях военная проза Сологуба получила отрицательные отзывы.

25 июля (7 августа) 1915.

Дорогой Федор Кузьмич,

У всякого пишущего о литературе, если это не Пильский,¹ существует оглядка на будущее. Меня по крайней мере она часто удерживает от резкостей и ограничивает в похвале. Я думаю о том случайном читателе, которому мимоходом попадет под руку старая статья. Он прочтет ее ради курьеза и, увидя, кого мы тащили на пьедестал, засмеется над бедным Измайловым. Этого я не хочу, и вот почему в статьях, подписанных и в особенности обобщительных, где есть попытка дать синтез хотя бы последнего года, где каждый автор, в частности, видит, какую строгою меркою его время судится — меркою вечного искусства, и потому не может обижаться лично, — я ставлю перед собою критерии подлинного, строгого, «остающегося» у людей искусства. Когда я стану перед горним престолом, я смогу, прямо глядя в Божьи глаза (если, разумеется, Он захочет говорить со мною о таких пустяках), сказать ему по вопросу о современной литературе только то, что написал в той беглой и бедной, суетливо-срочной статейке,² — ни больше, ни меньше. Она ничем не инсперирована, писана отнюдь не ради озорства, — разве так пишется для озорства! — со всем желанием по возможности не уколоть личностей, когда тут дело общее, а не отдельных личностей. Писана даже вяло, в виде отписки на просьбу, которой лично я даже не сочувствовал, — что за рubeжи годовщин вовсе случайных и искусственных! Положа руку на сердце, разве не правда, что сейчас нельзя назвать ни одного произведения, создавшегося за год, которое останется, которое приходит в голову прямо, когда заговорят об этом периоде? Простите нескромность, в этом периоде есть Ваше и деятельное участие, есть Ваши хорошие рассказы, но это не то, что «останется», и я всегда вслух говорил и буду говорить это. Но «Мелких бесов» нельзя рождать каждый год.

В моей статейке, не стоящей такого внимания, — мало ли частных мнений у людей, а это только и есть частное мнение за подписью! — засвидетельствовано положение, которое может разделить читатель, знающий прекрасные образцы прошлого: пока опыты злободневной литературы, литературы к моменту, — скорее отрицательные. Сколько слышу, таков общий голос, и сколько читаю, кажется, частное мнение мое совпадает со мнением других частных обозревателей. Зачем Вы говорите о каком-то моем обвинении писателей в продажности? Не хочу перечитывать свою статью, но убежден, что там этого не сказано ни прямо, ни между строк, ибо такой мысли у меня не было, и нет, и я решительно не смог бы в самой интимной беседе назвать кого-либо теперь продающегося. Говорить об этом там, где есть хотя бы упоминание Вашего имени, для меня просто чудовищно невероятно. Не понимаю, как Вы могли это подумать. Я говорил не о продажности, не о патриотической угодливости, а только о „книжности“ настроений, диктующих авторам хотя бы этот обязательный перелом и переворот. Это может

быть очень искренно, но это почему-то давало мне впечатление деланности. Это ведь от нас не зависит, и по своему бледному опыту в писательстве я знаю, как это иногда трагически не удается передать другим то, чем болишь вполне искренно. Мне в высшей степени огорчительно, что я доставил Вам неприятную минуту. Плюньте на это — со всеми мнениями не пересчитаешься. Что в особенности меня укололо, это Ваша сноска на то, что, печатая целый год рассказы Ваши и Ваших собратий, редакция в лице моем совершает вроде как бы предательство, сводя так с ними счеты. Дорогой Федор Кузьмич, зачем это? Моя роль в газете одна из самых скромных, по постановке почти оскорбительных, ни единой вещи принять без чужих санкций я не могу, власти никакой не имею, голос мой в качестве обозревателя терпят — не более. Ваши вещицы, которых я всегда по поручению редактора всегда настойчиво просил от Вас (просил бы и настойчивее, если бы сам был редактором) и которые Вы любезно давали нам, были, конечно, всегда лучшими из того, что у нас давалось. Позвольте и впереди на них надеяться. Но — не сердитесь на мою искренность, теперь почти не принятую, — перед судом вечности, куда Вы предстанете с большими писателями, — это не было то, с меркою чего я подходил к нынешней литературе в своей статье.

Простите, что написал много и неубедительно, написать коротко и ясно не было времени. И в доказательство того, что Вы не очень на меня сердитесь, пришлите в «Биржевые ведомости» новый рассказ. У нас ничего Вашего нет.

Сердечный привет Вам и Анастасии Николаевне.

Простите.

Ваш А. Измайлов.

На листе отметка Сологуба о получении — 27 июня; в написании даты, по-видимому, им была допущена описка.

¹ Пильский Петр Моисеевич (1876—1942) — литературный критик и фельетонист.

² Возможно, эти слова (а также, в целом, мысли, высказанные в письме Измайлова) навеяли позднейшие стихотворные строки Сологуба «Когда меня у входа в Парадиз // Суровый Петр, гремя ключами, спросит: // „Что сделал ты?» («Я испытал прератности судеб...» 1919).

Конец июля (первая половина августа) 1915.

Песочное Ярославской г. село Красное, усадьба Тихменевых

Дорогой Александр Алексеевич,

Два Ваших письма получил.¹ Благодарю за Ваше дружеское и любезное внимание. Рассказ на днях пришлю. То, что Вы пишете в ответ на мое письмо, очень искренне и трогательно; я не хотел бы с Вами спорить. Но кое-что все-таки позвольте Вам сказать. Я ведь писал Вам не только о себе, но и обо всех нас, которые «приняли заказ», идущий не только от некоего чуждого нам потребителя, но

и от нашей души. Монах-живописец, исполнявший по заказу образ Мадонны, действовал в области искусства, потому что он верил в то, что изображал. Источником его веры были благочестивые книги, которым он верил так же, как мы верим научным книгам и газетам? Может быть, мы даже слишком верим газетам, больше, чем надобно. Вот, например, в «Биржевых ведомостях» мы прочли, что Метерлинк поступал в бельгийскую армию, а вскоре прочли и то, что он ранен. Это дало толчок фантазии Леонида Андреева, и возникла пьеса,² и я думаю, что осуждать эту пьесу с точки зрения вечного искусства, отрешившись от истории ее происхождения, нельзя. Да и что такое вечное искусство? Где его незыблемые каноны? Я не знаю, принадлежит ли «Мелкий бес» к области вечного искусства, но я хорошо знаю, что за этот роман меня третируют, как каналью, и что этим романом я навлек на себя ненависть и презрение. Всякий считает себя в праве отождествлять меня лично с тою частью Передонова, ходячее имя которой подлец.³ Нет такой критической статьи о «Мелком бесе», в которой не говорилось бы преимущественно об отрицательных сторонах романа. Этот роман, мало изученный критикой и мало читаемый публикой, доставил мне только удовольствие слышать, что кроме него я ничего путного не сделал. А если бы я написал завтра же нечто лучшее «Мелкого беса», то, думаю, прием был бы не любезнее, его все бранили бы, чтобы через три года опять говорить, что все остальное плохо. Вот так-то живет и работает автор «Мелкого беса!» И теперь более он дорожит теми немногими друзьями в печати, как Вы, которые к нему благосклонны.

Преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Местонахождение второго письма неизвестно.

² Пьеса Л. Андреева «Король, закон и свобода» (Пг., 1914); фрагмент ее (4-я картина) был напечатан 20 октября 1914 г. в «Биржевых ведомостях» (Утр. вып. № 14444).

³ Один из первых это мнение в критике высказал А. Г. Горнфельд: «Передонов — есть борьба с передоновщиной — и для тех, кто знаком с литературными признаниями автора, совершенно ясно, где Сологуб ощутил ее больше и всего страшнее: в самом себе. Передонов это Федор Сологуб, с болезненной страстностью и силой изображенный обличителем того порочного и злого, что он чувствовал в себе» (Недотыкомка // Товарищ. 1907. № 242, 14 (27) апр.; Книги и люди. СПб., 1908. С. 35); в смягченном виде эта мысль прозвучала в статье А. Блока «Театр В. Ф. Комиссаржевской» 1907 г. (Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 5. С. 125—126).

Около 30 августа (12 сентября) 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Вчера послал Вам заказною бандеролью пьесу «Семья Воронцовых», плод совместного моего и Анастасии Николаевны труда.¹ Будьте добры прочесть пьесу, и при случае сообщите мне Ваше мнение; я был бы очень рад узнать Ваше мнение, если бы Вы не поле-

нились написать мне. На днях я получил из Англии том моих рассказов в переводе Джона Курноса, под заглавием «Старый дом и другие рассказы».² Книга вызвала в Англии большое сочувствие. Вообще Англия все более и более интересуется русским искусством. Вышел в Англии и другой перевод моих рассказов, Стивена Греама, известного корреспондента Times'a, под названием «Благоуханное имя»,³ но перевод Курноса гораздо лучше. З. А. Венгерова пишет мне, что эти переводы произвели полную сенсацию, отзывы печати все чрезвычайно благосклонные.⁴ Джон Курнос отлично знает русский язык, — он и родом из России, но ребенком попал в Америку и по воспитанию и жизни — американец. Он — очень литературный, чуткий человек, пишет художественным стилем. Он написал для *Fortnightly* статью обо мне, и она появится (если еще не появилась) в ближайшей книге этого журнала.⁵ — Вот пока все мои новости литературные. Из темных впечатлений: очень огорчен я гнусною выходкою «Речи»; 18 августа она напечатала, что я стоял в рядах злейших антисемитов.⁶ Я был так поражен этою подлою ложью, что просто руки опустились. Ан. Ник. написала Милюкову,⁷ но передал письмо Гессену, Гессен ответил Ан. Н., что напечатает заявление о том, что это неверно, но пока не печатает, и я с ужасом думаю о том, что опять понадобится встретять в какую-то историю.⁸

Пробудем здесь еще недели полторы, около 15 вернемся в город.
Душевно преданный Вам

Федор Тетерников.

Датируется по содержанию.

¹ Сологуб Ф., *Чеботаревская Ан.* Камень брошенный в воду (Семья Воронцовых). Драматические сцены в 4-х действиях. Пг.: Театр и искусство, 1915.

² *Solodub Fedor. The Old House, and Other Tales / Translated from the Russian by John Cournos.* London: Martin Secker, 1915. XII, 294 s. В переводе Джона Курноса (John Cournos) вышли также романы «Мелкий бес», «Творимая легенда», трагедия «Победа смерти» и сборник рассказов; см.: *The Created Legend / Authorized translation by John Cournos.* London: Martin Secker, 1916. 318 s.; *The Little Demon / Authorized translation by John Cournos and Richard Aldington.* London: Martin Secker, 1916. XV, 349 s.; *The Victory of Death.* 1916; *Little Tales / An Authorized translation by John Cournos.* Cleveland (Ohio): The Clerk's Private Press, 1917. 28 s. В архиве Сологуба имеются 5 писем переводчика (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 380) и одно письмо к нему Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 29). В одном из писем 1915 г., переведенном З. А. Венгеровой и отосланном ею Сологубу, Д. Курнос сообщал: «...я питаю величайшее преклонение перед Вашими произведениями, и мое настоячивое желание ознакомиться с ними английских читателей. Я давно уже тщательно обдумал ту сторону „Мелкого беса“, которая побуждает Вас отложить издание романа в Англии. Для того, чтобы предупредить толкование книги в узком смысле, я решил объяснить в предисловии общечеловеческое значение типа, представленного в герое, настаивая на том, что ни один из русских не должен льстить себя уверенностью, что он вполне свободен от Передоновщины. <...> Один очень известный валлийский писатель обращается ко мне за сведениями, справедливо отмечает, что Передонов мог бы вполне быть валлийцем <...>. Мне очень хочется ознакомиться их <английских читателей, — М. П.> с некоторыми из Ваших изысканных стихотворений» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 124, л. 13—14 об.).

³ *Sologub Fedor. The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales. Fables and Stories / Ed. by Stephan Graham.* London: Constable, 1915. XI, 240 s.

⁴ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1876—1941) — переводчица, критик и историк литературы. В июле 1915 г. Венгерова сообщала Сологубу из Лондона: «Во-первых, поздравляю Вас с Вашей английской славой. Вышли одновременно два перевода Ва-

ших рассказов и произвели полную сенсацию. У меня множество отзывов печати — все чрезвычайно восторженные. Я их храню для вас и пошло, предварительно используя некоторые из них для статьи, кот<орую> на днях посылаю в „Аполлон“ о Вашем успехе в Англии» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 124, л. 4); статья Венгеровой в «Аполлоне» не появилась.

⁵ *Cournots J. Feodor Sologub // The Fortnightly Review. 1915. № 97. S. 480—490.*

⁶ В редакционной статье «Печать» в связи с обсуждением циркуляра о частичной отмене черты оседлости во время войны сообщалось: «„Бир<жевые> Вед<омости>“ высказываются о циркулярах, как о полумере, и даже Сологуб, прежде стоявший в рядах злейших антисемитов, теперь глубоко убежден, что наша политика против евреев гибельна для всей России» (Речь. 1915. № 226, 18/31 авг. С. 2).

⁷ *Милюков Павел Николаевич (1859—1943)* — историк, публицист, один из основателей конституционно-демократической партии и член ее Центрального Комитета, редактор газеты «Речь».

⁸ Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943; редактор-издатель «Речи») писал Сологубу 5 сентября 1915 г.: «Задержка в напечатании Вашего опровержения произошла лишь потому, что я ждал Вашего согласия на предложенную Вам форму. Теперь, разумеется, не замедлю ее напечатать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 178, л. 5). Опровержение появилось в печати на следующий день (см.: Речь. 1915. № 245, 6 сент.).

68

30 августа (12 сентября) 1915.

30 августа 1915

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Обращаюсь к Вам с весьма неприятной и для меня и для Вас, вероятно, просьбой: у М. М. Гаккебуша уже два месяца лежит моя ин принятая статья «В защиту военной литературы». ¹ За эти два месяца она уже порядком устарела, и так как нет надежды, что до нее дойдут редакторские руки, то нельзя ли — или двинуть ее в ход, или вернуть мне теперь же. Как я ни крепилась до сих пор относительно «Лукоморья», но придется прибегнуть к этому не слишком симпатичному журналу ² — он хоть просит ему давать вещи.

Лето мы провели, если Вы этим интересуетесь, очень тихо, в уютной старинной усадьбе на Волге, которая дала много новых впечатлений; хозяин ее проливает за нас сейчас кровь на фронте, но и здесь события давали себя знать, и Ф. К-чу порядком мешали работать. Получая десять газет — значительная часть времени уходит на их чтение; все же успели вдвоем (поверьте этому всерьез) написать пьесу, которая только что закончена и переписывается, «Семья Воронцовых»; действие — из настроений и событий 1914 г. — происходит в дворянской усадьбе на берегу Волги — война как бы фон лишь для семейных и иных переживаний героев пьесы. Я еще работала у Ярославского издателя К. Ф. Некрасова, составила ему несколько книжек для лубочных изданий — переложений и переводных. ³ Также доканчивала рассказ, принятый в «Русскую мысль», ⁴ и мои книжки, уже печатающиеся сейчас у В. М. Ясного «Россия в родных песнях» — 100 стихотворений, объединенных обще-народным и истинно-патриотическим (не в вульгарном смысле) настроением и

«Война в русской поэзии» — избранные стихотворения за эпохи русских войн всего прошлого и нынешнего века.⁵

Наше художественное общество «Искусство для всех»⁶ пока получило «формальный» отказ, но будем еще пытаться по приезду в город — к 15 сентября его все же организовать. Могу Вам сообщить приятную для нас новость. В Лондоне появились на английском языке две книги Сологуба. Одна — сборник новелл, под общим названием «Благоуханное имя», а другая — тоже сборник, объединенный заглавием одного рассказа «Старый дом» («The old house»), перевод John Cowgros, изд.: Martin Secker. Обе книги, как пишет З. А. Вангерова, пользуются большим успехом, и переводчик второй уже просил у Ф. К. разрешение на перевод одного из его больших романов.⁷ Всего приятнее, что совершилось это без всякого нашего ведома и участия.

Еще из литературных новостей. Летом мы виделись, здесь, на Волге, с И. С. Рукавишниковым, который принципиально решил составить с осени литературно-художественный альманах «Луна», при участии Ф. К., Блока, Л. Андреева, Ремизова, Вяч. Иванова, Бальмонта, Шестова, Бердяева и Волошина.⁸

Р. С. Простите, что я так разболталась. Впрочем, это не так часто случается. Прошу Вас принять от меня и Ф. К. глубокое почтение и привет.

Анс. Чеботаревская.

¹ Статья Чеботаревской «В защиту военной литературы» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15249, 4 дек. С. 2) содержала ответ авторам статей, обвинявших «военную» беллетристику в мертворожденности, пошлости, национализме и антиобщественности; эти упреки были высказаны М. Неведомским (М. П. Миклашевский) (Что случилось с нашей литературой (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5. С. 253—279); З. Гиппиус (Раненая муза // Голос жизни. 1915. № 24), Е. Колтоновской (Военные рассказы // Речь. 1915. № 162, 15 июня), Ожиговым (А. Ашев) (О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. С. 159—160). Отстаивая правомерность и подлинность «военной» литературы (произведений Сологуба, А. Блока, А. Ахматовой, Н. Гумилева, К. Бальмонта, М. Кузмина, А. Ремизова, Вяч. Иванова, Северянина), Чеботаревская, в частности, высказала замечание: «Мне понадобилось недавно перечитать стихи „военного времени“, писанные по поводу отечественной и крымской кампании. Между ними есть множество слабых, — даже у известных поэтов — Жуковского, Майкова, Полонского... но с каким живейшим чувством наслаждения я перечитывала эти памятники минувшей эпохи. Пусть эти стихи и несовершенны, как искусство, но это дань великому моменту (и хоть бледный блеск величия живет в них), поэтическая лепта на алтарь отечества, которую каждый волен дать по мере своих сил. А в чем заключается „лепта“ г-д Неведомских?».

² «Лукоморье» — еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, издавался в 1914—1917 гг. (первый номер вышел в апреле 1914); редактор — А. М. Селитренников (А. Ренников, 1882—1957), издатель — М. А. Суворин; Сологуб начал печататься в журнале в 1914 г., в № 31 он поместил стихотворение «Вражий стан» («Он стережет враждебный стан...»); в течение 1915 г. в «Лукоморье» были напечатаны его рассказ «Незамерзающий мальчик» (№ 1. С. 4—10) и стихотворения: «Весенним дождиком разнежен...» (№ 22. С. 15); «В ночной воде купаться мало...» (№ 24. С. 9); «Тебя Господь накажет...» (№ 26. С. 6); «Отчего у тебя утомленные руки?...» (№ 27. С. 7); «Не сказал мне ласкового слова...» (№ 29. С. 8); «Надоело уж нам, зеркалам...»; «Наперекор осенней скуке...» (№ 34. С. 8); «Вот наше озеро: широко...» (№ 39. С. 10); «Я пришел к тебе в порфире...» (№ 41. С. 5); «Признать, что все на свете благо...» (№ 43. С. 7). 30 октября 1915 г. Сологуб в числе одиннадцати авторов вышел из состава журнала и заявил в печати о невозможности дальнейшего участия в этом

издании, в заявлении говорилось: «Мы участвовали до тех пор, пока чисто литературная и, в общем, приемлемая физиономия этого журнала не возбуждала в нас принципиальных сомнений. <...> в последнее время „Лукоморье“ приняло нежелательную для нас тенденциозную окраску, доказательством чего служат статьи Бурнакина и портрет Буренина» (Письмо в редакцию // БВ. Утр. вып. 1915. № 15179. С. 5). *Буренин Виктор Петрович* (1841—1926) — один из ведущих критиков «Нового времени»; *Бурнакин Анатолий Андреевич* (?—1932) — критик и журналист, с 1910 постоянный сотрудник редакции «Нового времени». 31 октября обозреватель газеты «День» откомментировал это литературное событие следующим образом: «Я не помню, как вошли господ писатели в „Лукоморье“, сплошной ли колонной и сомкнутыми рядами, или редкой цепью, в перебежку. Кажется, вошли колонной. Но вошли решительно и молча, и никаких манифестов и воззваний к публике при этом не было. Всем было ясно, что идут писатели в лоно суворинское, куда уже давно, еще со времен чеховского ухода, заросла честная литературная тропа. Немногие решились бы сразу перешагнуть в „Новое время“, и нарядное „Лукоморье“ было как бы чистой „дворянской“ половиной при суворинском издании. <...> Одиннадцать писателей возмущаются статьями Бурнакина... Но что же тут притворяться и наивничать? Знали они, куда идут, и знали, с кем встретятся. Михайловский предостерегал в своем время: не пей из колодца, — плонуть придется. Одиннадцать писателей пили из суворинского колодца, а теперь туда же и наплевали. Право же, колодец не виноват, и Бурнакин с Бурениным не заслуживают упрека. Они верны себе и так же неприличны теперь, как неприличны были всегда» (*Homunculus*. Экс-лукоморье // День. 1915. № 300, 31 окт.). В ответ на эту публикацию Сологуб заявил: «Как и во время моего сотрудничества, так и сейчас я убежден, что ничего предосудительного в печатании стихов или рассказов в чисто-литературном журнале „Лукоморье“ не заключается. Статья Бурнакина о литературе ничем не хуже многого, появляющегося на страницах наших „прогрессивных изданий“» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15180. 1 нояб.); в материалах авторской библиографии к прозе (№ 546) отмечено, что это письмо в редакцию было написано Ан. Чеботаревской. Инцидент и позиция Сологуба по отношению к «Лукоморью» получили широкое освещение в прессе.

³ В издательстве К. Ф. Некрасова у Ан. Чеботаревской вышел первый полный перевод романа Стендаля «Красное и черное» (М., 1915), кроме того, Сологубом и Чеботаревской были подготовлены переводы для собрания сочинений немецкого писателя Генриха фон Клейста, к изданию которого Некрасов намеревался приступить в 1914—1915 гг. и которое осуществлено не было (подробнее см. в публикации А. В. Лаврова: Федор Сологуб. Письма к Анастасии Чеботаревской // *Неизданный Федор Сологуб*. С. 322—323 и 348) и в письмах К. Ф. Некрасова к Ан. Чеботаревской (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 179).

⁴ Рассказ Ан. Чеботаревской «На чужбине» был напечатан в «Русской мысли» в 1915 г. (№ 10. С. 95—101).

⁵ Чеботаревская составила антологию (с предисловиями Сологуба): «Россия в родных песнях» (Пг., 1915), «Война в русской поэзии» (Пг., 1915), вышедшие в издательстве М. А. Ясного (бывш. Михаила Васильевича Попова, 1836—1907), а также «Думы и песни» в издательстве «Польза», В. Антик и К. (М. <б. г.> в серии «Универсальная б-ка» (№ 559). *Ясный Владимир Михайлович* — сын книгопродавца Михаила Авраамовича Ясного.

⁶ Основанное в 1915 г. общество «Искусство для всех» (внесено градоначальником в реестр обществ Петрограда 10 ноября 1915 г. за № 941) явилось одной из форм культуртрегерской работы Сологуба и Чеботаревской (наряду с лекционными турне по городам России в 1913—1916, изданием журнала «Дневники писателей», попыткой устроить собственное «демократическое» кабаре — см. письмо № 50 и примеч.); первые сообщения в печати об этой инициативе четы Сологуб появились в мае 1915 г. (см., например: «Искусство для всех» // Утро России. 1915. № 130, 13 мая); цель новообразованного общества — распространение и развитие всех родов искусств в широких народных массах (в программе: организация общедоступных вечеров, концертов, лекций, посещений музеев, памятников старины и пр.); в состав общества вошли И. Е. Репин, Л. Андреев, М. Горький, Ф. Ф. Зелинский, Тэффи (Н. А. Бучинская) и др. Общество открыло свою деятельность 19 декабря 1915 г. вечером героического искусства в Тенишевском зале. «Искусство для всех» было задумано Сологубом и Чеботаревской по образцу французского общества «Art pour Tous», образованного вес-

ной 1901 г. в Париже по инициативе Жеро Ришара с целью культурно-просветительской деятельности в рабочих кварталах. См. также брошюру: Устав Художественного Общества «Искусство для всех» (Пг., 1915), а также протоколы заседаний и другие связанные с деятельностью общества архивные материалы (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 29).

⁷ 27 июля 1915 г. Джон Курнос писал Сологубу из Лондона: «Я преисполнен желания ознакомиться с Вашим творчеством Англию, которая все более и более интересуется русским искусством. Мне хотелось бы чувствовать, что моя работа встретит в Вас сочувствие, я был бы счастлив, если бы Вы написали мне, что даете Ваше согласие (авторизацию) на перевод некоторых других Ваших сочинений — если возможно, прежде всего романа „Мелкий бес“, а потом „Творимой легенды“. Я бы больше всего хотел перевести „Мелкий бес“. Я глубоко разделяю Ваши идеи и преклоняюсь перед Вашим талантом» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 380, л. 4—5, — перевод письма Курноса З. А. Венгеровой, приложенный к оригиналу, л. 2—3).

⁸ В мае 1914 г. И. С. Рукавишников сообщал Сологубу, что давно вынашивал идею издания собственного журнала, в котором бы по контракту в течение ряда лет печаталась небольшая группа литераторов, в том числе Ф. Сологуб, А. М. Ремизов, А. Блок, сам Рукавишников и др. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 598, л. 29—30). Сологуб не приветствовал это начинание. В 1915 г. отчасти по инициативе Ан. Н. Чеботаревской Рукавишников планировал издание альманаха; 28 марта он сообщал Сологубу: «Анастасия Николаевна писала мне про сборник. Давайте же издадим на пробу, листов 10—15. Вы дадите прозу и стихи. Да? А кто еще? Хорошо бы, чтоб Блок, Ремизов. <...> Если издавать сборник, то так хочется, чтоб это был первый камень чего-то, быть может, прочного и большого» (там же, л. 50); 12 июля Рукавишников вновь писал Сологубу о планируемой им книжке: «что касается привлечения еще новых лиц для сборника, то мне бы этого не хотелось. По правде говоря, и вообще отдел статей мне не кажется необходимым. Если же будет статья Шестова и Вяч. Иванова, то это в виде приятного исключения возможно. Иначе, если предположить, что сборник не последний, трудно удержаться будет от полемики и разных иных счетов, неизбежно влекущих за собою художественно-литературную несвободу» (там же, л. 50). В октябре 1915 г. для сборника были присланы материалы Сологуба, Чеботаревской и Л. Андреева, однако, их объема было недостаточно для издания книжки; 17 октября Рукавишников отправил Сологубу письмо, в котором выразил сомнение в целесообразности затеянного издания в связи с отсутствием рукописей, а также вздорожанием бумаги (там же, л. 60).

69

2 (15) сентября 1915.

2 сентября 1915

Дорогой Федор Кузьмич,

Пока, отлагая ненадолго речь о Вашей пьесе и только выражая Вам глубокую благодарность за ее присылку, — обращаю к Вам покорнейшую просьбу: Редакция «Биржевых ведомостей» очень просит Вас не отказать в возможно скорой присылке одного, а, если возможно, и двух, небольших рассказов. Она не стесняет Вас никакими темами, не требует касаний войны, и просит только иметь в виду, что сложившийся у нее размер рассказа 300—350 строк.

Очень благодарю Анастасию Николаевну за сведения, которые уже пошли в набор.¹

Ваш искренно

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Вероятно, имеются в виду сведения, сообщенные в письме Чеботаревской к Измайлову от 30 августа (№ 68).

70

27 сентября (10 октября) 1915.

Глубокоуважаемый Александр Алексеевич,

Я, кажется, поступила очень необдуманно, послав Вам сведения и пьесу, в которых Вы совершенно не нуждаетесь.¹ Я думала, что так как раньше Вы проявили к этому интерес, то он сохранился и теперь, *malgré tout*^a — судила по себе и себе близким. Простите великодушно, и не откажите в любезности переслать нам обратно пьесу. Уважающая Вас

Анс. Чеботаревская.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Упрек, высказанный в письме Чеботаревской по адресу Измайлова, вероятно, был вызван тем, что, в отличие от традиционных развернутых очерков о литературной работе и творческих планах Сологуба, сведения о которых она регулярно посылала в редакцию для печати, «Биржевые ведомости» на сей раз поместили лишь сообщение в несколько строк об окончании работы над пьесой «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» (БВ. Веч. вып. 1915. № 15106, 23 сент.) и одновременно пересказ содержания пьесы (Фрид С.: «Камень, брошенный в воду (Семья Воронцовых)» // БВ. Веч. вып. 1915. № 15111, 26 сент.); подробная информация о последних творческих работах четы Сологубов, сообщенная Измайлову Чеботаревской в письме от 30 августа 1915 г. не нашла отражения в заметках (см. выше письмо № 62).

71

Сентябрь—октябрь 1915.

Дорогой Александр Алексеевич,

Может быть, теперь уже несколько поздно писать Вам по поводу Вашей статьи «Пузыри земли».¹ Но так как многие простодушные люди, вроде г. Ожигова в «Современном мире» всерьез приняли самохвальство футуристов по поводу моего участия в сборнике «Стрелец», то я напишу Вам несколько слов по этому поводу. То, что я дал стихотворения и переводы из Рембо г. Беленсону, не поленившемуся несколько раз приехать ко мне с просьбами об этом, никак не может служить доказательством того, что я признал правду футуризма и пришел будто бы к ним.² Какая зеленая ерунда! Не я к ним иду, — они находят какое-то удовольствие в том, чтобы время от времени постучаться в мои двери. Это, конечно, очень мило и

^a несмотря ни на что (франц.).

любезно с их стороны, но что за странное отсутствие самолюбия — считать победою уже и то, что от них не замыкаются и не бегут. Неумеренное ликование в среде этих жаждущих признания молодых людей по поводу того, что я дал кое-что в их сборник, показывает, как эти люди не твердо стоят на ногах и как они ценят наше одобрение. Этого одобрения я пока еще никогда никому не высказывал, хотя они иногда приходили ко мне и пытались узнать мое мнение. За исключением Игоря Северянина³ (да и какой же он футурист! он сам с презрением и негодованием отверг этих господ⁴), я считаю почти всех их людьми мало одаренными и путь их совершенно ложным. О будущем их я не берусь предсказывать, — может быть, те из них, которые пожелают поучиться и поработать, чего-нибудь когда-нибудь достигнут: путь в литературу и в журналы ни для кого не загражден. Пока же они просто неудобочитаемы и нестерпимо скучны. Вот все, что стоит о них сказать в связи с их фантазиями об одержанной над символизмом победе. Сделайте с этими моими словами, что хотите.

Преданный Вам

Федор Сологуб.

Датируется по содержанию.

¹ Статья А. Измайлова «Пузыри земли», содержала негативные отзывы о футуризме («Самая последняя и самая глупая из очередных глупостей у нас — футуризм»; «патентованная и отвратительная в своей нарочитости ерунда»), а также вышедшим в начале года литературным альманахе «Стрелец» («надо принизиться до куриного мирозерцания этих пачкунов, чтобы всматриваться в их намеренную бессмыслицу. <...> Это не бред графоманов-матоидов, которых Ламброзо насчитал, кажется, до сорока видов и которыми полны больницы для умолишенных»). Письмо Сологуба Измайлову, отчасти было вызвано его желанием ответить на высказанное критиком в статье возмущение и недоумение по своему адресу в связи с участием в альманахе; Измайлов писал: «Между Бурлюком и Маяковским здесь стоит имя Блока, между Каменским и Крученых напечатано имя Сологуба. Рядом с галиматьей Шемшурина не постыдились дать свои имена Ремизов, Кузмин, Венгерова. Вот печальнейший факт, над которым, как говорят публицисты, приходится задуматься. <...> какие основания, какая тень основания могла склонить писателей и талантливых, и пользующихся заслуженным уважением к этому решению выступить среди разбойников? <...> Неужели они думают, что вместе с этой кучкой шутов они поскачут галопом навстречу бессмертию? Неужели к ним так мало внимания, что они готовы нагнуться за всякой похвалой и выпрашивать милостивого взгляда зевак в толпе скоморохов с погремушками? <...> Неужели они не чувствуют, что весь этот шабаш футуристов не только позорен, но в нынешние дни гнусен, как хохот около покойников, как кощунство в святом месте!» (БВ. Утр. вып. 1915. № 14690, 24 февр. С. 2).

² В резкой, направленной против Сологуба статье «О беллетристической мобилизации» (Современный мир. 1915. № 9. Отд. 2. С. 122—134), А. Ожигов (Ашешов Николай Петрович, 1866—1923) писал: «Нам уже приходилось отмечать на страницах „Современного мира“ торжество гг. Маяковских и Бурлюков, сумевших переманить к себе старца-символиста и проплывавших около его имени пляску мертвецов в знак торжества над почившим символизмом, тихо скончавшегося от слабосилия в немощной борьбе с навными чарами» (С. 125). «Стрелец» — литературный альманах, издававшийся в Петрограде в 1915, 1916 и 1922 г. (всего вышло три книги) под редакцией поэта Александра Эммануиловича Беленсона (1895—1949). В первом сборнике «Стрельца» Сологуб поместил перевод 15 стихотворений в прозе из книги Артюра Рембо «Озарения» и стихотворение «Под сводами Утрехтского собора» 1914 г. (Стрелец. Пг., 1915. Сб. 1. С. 173—190), во втором — перевод стихотворения А. Рембо «Поклонение» (Стрелец. Пг., 1916. Сб. 2. С. 113).

³ Сологуб принимал участие в составлении первой большой книги Игоря Северянина (Игоря Васильевича Лотарева, 1887—1941) «Громкокопящий Кубок» (М.: Гриф, 1913), а также написал к ней восторженное предисловие («Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована она бывает приходом весны...»).

⁴ Имеется в виду стихотворение Северянина «Поэза истребления» («Меня взорвало это „кубо“...») Из сборника «Victoria Regia» (М., 1915). В марте 1916 г. во время поездки по югу России с поэзо-вечерами, в интервью, данном обозревателю газеты «Одесские новости», И. Северянин говорил: «Вы спрашиваете о футуризме и новых поэтах? Футуризма уже нет, да в сущности его и не было. Был эго-футуризм, олицетворявшийся моим творчеством, и кубо-футуризмом, представлявший собою сплошное надувательство» (Одесские новости. 1916. № 10019, 29 марта. С. 2).

72

21 ноября (4 декабря) 1915.

21 ноября 1915

Многоуважаемый Александр Алексеевич!

Ф. К. до сих пор в поездке (последние города — Витебск и Тверь), вернется 24-го. Я вернулась вчера, почувствовала некоторое утомление от трех недель тряски по поездкам, вечерам, лекциям, обедам, приглашениям, — провинция встретила Сологуба очень радушно; лекция всюду — особенно в Москве (два раза повторена), Харькове и Саратове имела очень хороший успех,¹ были, кроме того, в Туле² и Ярославле, Бологое, и имели до 20 приглашений еще в разные города, куда и поедом после небольшой передышки. Много видели учащих, которые приходили к Ф. К. небольшими группами в номер отеля, задавая всевозможные вопросы и прося стихов, автографов и пр. — все очень приятные впечатления. В Харькове, кроме того, Ф. К. прочел еще в Литературно-Художественном кружке о Современном театре,³ — теперь это же прочтет в Петрограде и в Москве. Пьеса «Камень» поставлена 19-го в Харьковском театре у Синельникова, как прошла — сведений еще не имеем, мы были на счетке только.⁴

Я передала письмо Ваше о стихах и рассказе Ф. К. и он обещал тотчас по приезде (22 или 24) прислать Вам и то и другое. А что же с моим злосчастным Фельетоном «В защиту военной литературы» — каким богам надо молиться об его помещении, ведь он лежит в «портфеле редакции» с 1-го июля.⁵ Ужели я пишу так бездарно, что нельзя меня печатать? Увы! при жизни Ф. К. я не могу и не хочу открыть той роли, которую я играю в его работе, и одно это уже, казалось бы, дает мне право на печатание, но может, когда-нибудь, когда ...«наш прах истлеет...»,⁶ тогда и мне найдут возможным уделить место.

Р. S. Между прочим, не хотели бы посетить некоторые приятные города вроде Харькова? — у нас просили местные жители порекомендовать им интересных лекторов. Кажется, у Вас есть готовое о Чехове?⁷ Пока — всего доброго!

С приветом и уважением

Анс. Чеботаревская.

Очень прошу дать в заметку о повторении лекции в «Биржевых». ⁸
Билеты пошло завтра.

¹ В Москве лекция Сологуба, состоявшаяся 5 ноября в зале Политехнического музея, имела успех (см.: Лекция Федора Сологуба // Русские ведомости. 1915. № 255, 6 нояб.); в отзыве обозревателя газеты «Южный край» о лекции, прочтенной Сологубом в Харькове 11 ноября, содержались не только одобрительные, но и критические суждения о лекции: «Читал поэт. Это чувствовалось во всем. В том, как гускло звучали упоминания о развитии государственном строе в Англии и слабости государственной идеи в России, об удуши нашего политического бытия и спекулирующих торговцах; в том, как, напротив, ярко и убедительно было все то, где сквозила опозитивированная любовь к родине, страдающей и прекрасной даже в убогости своей приниженности: это чувствовалось и в ритмичности самой речи, размеренно напевной, так живо напоминающей язык „навых чар“, рассказов-новелл. Встречались и утверждения <...> слишком захватанные и замусоленные в последнее время <...> и своею грубой обычностью они противоречили общему красивому и яркому построению и содержанию лекции; ткань ее очень нежна и эти утверждения словно разрывали ее своими острыми углами. Но целое было прекрасно. <...> Публика, переполнявшая зал Общественной библиотеки, исключительно тепло принимала писателя-лектора, провожая и встречая его долгими аплодисментами» (А. С. Россия в мечтах и ожиданиях (лекция Ф. Сологуба) // Южный край. 1915. № 13037, 12 нояб. С. 6); в Саратове лекция была прочтена 8 и 15 ноября в Большом зале Консерватории, выступления Сологуба вызвали противоречивые отклики в местной печати. «Сологуб же, автор „Творимых легенд“, — писал 17 ноября обозреватель „Саратовского листка“ (№ 248), — вдруг взял тон политического передовика, почти дипломата. Он долго говорил (читал) теми официальными тирадами, которые, признаемся, набили оскомину даже у самых усердных читателей газет. <...> Неужели теперь время ремонтировать обветшалое славянофильство с его идеализацией „мистического востока“?»; на следующий день эта же газета поместила восторженную заметку о лекции писателя (Саратовский листок. № 249. С. 3).

² Лекция Сологуба в Туле состоялась 16 ноября; тульский обозреватель отмечал: «Следует констатировать, что, отказавшись от своего своеобразного, сологубовского, лектор мало приблизился к аудитории. Сдержанная, завуалированная речь, без пафоса и эффектов, казалась монотонной и скучной, а ее четкая пластичность и скрытый ритм пропадали для непривычного уха. Сологуб остался вне понимания публики» (Д. Лекция Федора Сологуба // Тульская заря. № 266, 17 нояб. С. 3).

³ Реферат «Современный театр и вопросы репертуара» был прочтен Сологубом в харьковском литературно-художественном кружке 12 ноября (см.: Реферат Федора Сологуба // Южный край. 1915. № 13037, 12 нояб. С. 5).

⁴ Синельников Николай Николаевич (1855—1939) — актер, театральный деятель, режиссер харьковской труппы. 11 ноября после просмотра в Харьковском драматическом театре пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» Ф. Сологуб прочел на квартире А. П. Петровского пьесу «Камень, брошенный в воду». Пьеса была поставлена на сцене харьковского театра 19 ноября в бенефис артистки труппы Паулы Леонтьевны Вульф (1878—1961). Постановка получила отрицательный отзыв в харьковской прессе, рецензент из «Южного края», в частности, писал: «Но это — не пьеса, это — ряд предложений в лицах, и по поводу свободы любви и личности, и по поводу смысла и значения войны, и по поводу кооперативов и общественной организации; словом, конгломерат философии и суждений авторов, вместе с тем, что-то детски наивное, сентиментальное, беспомощно-назидательное; какая-то не настоящая, а дульцинированная жизнь-мечта, заставляющая при отсутствии гражданственности <...> воображать, что существуют пушкинские оперные крестьяне, и жизнь помещика идет так, как она шла при крепостном праве. Но, смотря на эту дульцинированную жизнь, видеть этих идеализированных людей, слушать эти предложения обо всем, а в общем ни о чем, скучно, и г-жа Вульф сделала ошибку, поставив в свой бенефис это несладкое, шитое белыми нитками, произведение г. Ф. Сологуба и г-жи Чеботаревской. Благо еще, что оно хорошо было разыграно. В нем не дурна была сама бенефициантка, давшая в Мери живое, определенное лицо» (Ф. М. «Камень, брошенный в воду». Дра-

матические сцены в 4 д<ействиях> Ф. Сологуба и Чеботаревской // Южный край. 1915. № 13054, 21 нояб. С. 6).

⁵ См. примеч. 1 к письму 68.

⁶ Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Мой прах истлеет понемногу...» 1898 г. из цикла «Звезда Маир».

⁷ А. Измайлов — автор многочисленных журнальных и газетных статей о творчестве А. П. Чехова и публикаций его творческих материалов, а также одного из первых монографических исследований наследия писателя: «Чехов. 1860—1904. Жизнь. — Творчество. — Личность» (М., 1916).

⁸ Объявление о повторении лекции в Петрограде и Москве было напечатано вместе со сведениями, присланными Чеботаревской Измайлову (Турне Ф. К. Сологуба // БВ. Утр. вып. 1915. № 15222, 25 нояб.).

73

15 (28) декабря 1915.

15 декабря 1915

Дорогой Александр Алексеевич,

Мне не хочется, чтобы наш разговор вчера, в понедельник, оставил в Вас неприятное впечатление, потому что я знаю, что Вы 1) очень хорошо ко мне относитесь и 2) и мое отношение к Вам такое же. Поэтому, считая заминку с рассказом улаженной, посылаю вам три стихотворения, для «Биржевых ведомостей». Может быть, кое-что из этого присыла для газеты не подходит, — тогда, пожалуйста, верните.¹

Душевно преданный Вам

Федор Тетерников.

¹ Задержка с присылкой материалов для газеты, вероятно, была связана с отсутствием Сологуба в столице, находившегося с ноября 1915 по март 1916 в лекционном турне по югу России. В ближайшем выпуске «Биржевых ведомостей» было напечатано стихотворение «Что в жизни мне всего милей?...» (БВ. Утр. вып. 1915. № 15281, 20 дек. С. 2); публикации произведений Сологуба в газете (утр. выпуск) возобновились после его возвращения из поездки: «Крутильда и семь других. Рассказ» (№ 15493. 10 апр. С. 1), «Стихи с пути („Когда тебя заставят, выбирать...“, „Утомительной печали...“»)» (№ 15503 и 15531, 17 апр. и 1 мая. С. 2) и т. д.

74

21 ноября (4 декабря) 1916.

21 ноября 1916

Многоуважаемый Александр Алексеевич,

Мы теперь с Вами, кажется, будто и соседи¹ — сделались островами (Васильевский остров, 9-ая линия, д. 44, кв. 19, тел. 488-41, увы! пока на лестнице!). Это дает надежду, что несмотря на Ваши многочисленные занятия, Вы найдете возможным заглянуть

к нам, хотя бы в среду 23 ноября. Ф. К. прочтет новую пьесу на сюжет «Барышни Лизы».² Хотелось бы также передать приглашение милому Владимиру Феофиловичу Боцяновскому,³ но не знаю ни адреса его, ни телефона, — может быть, будете любезны передать?

¹ А. Измайлов жил на 17-й линии Васильевского острова (д. 70).

² Речь идет о пьесе «Узор из роз» (по повести «Барышня Лиза»), пьеса была поставлена в 1920 г. во 2-ой Студии Московского художественного театра режиссером В. В. Лужиным и имела большой успех; в 1919 г. по просьбе известного театрального режиссера А. А. Санина Сологуб изготовил киносценарий повести для кинематографического объединения «Русь» (об истории создания киносценария «Барышня Лиза» см.: Нусинова Н., Цивьян Ю. Сологуб — сценарист // Киносценарии. 1989. № 2. С. 151—157); в 1927 г. В. И. Немирович-Данченко написал сценарий по пьесе Сологуба «Узор из роз» для постановки в Голливуде (сведения сообщенные в указанной статье Н. Нусиновой и Ю. Цивьян); в настоящее время пьеса «Узор из роз» хранится в машинописи в библиотеке Всероссийского театрального общества в Москве и в архиве писателя (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 183).

³ *Боцяновский Владимир Феофилович* (1869—1943) — литературный критик, историк литературы, драматург; автор статей о творчестве Ф. Сологуба («Три сестры» Чехова и Сологуба // Театр и искусство. 1909. № 27. С. 466—469; Федор Сологуб и Недотыкомка // Новое слово. 1910. № 11. С. 50—58; Из жизни и литературы // Театр и искусство. 1910. № 11. С. 240—243; О Сологубе, Недотыкомке, Гоголе, Грозном и проч. // О Федоре Сологубе. Статьи и заметки. С. 142—183; Ф. К. Сологуб и его новый роман // Вестник литературы. 1920. № 3. С. 3—5 и др.); Боцяновский жил на Екатеринбургском канале в доме 31.

75

26 ноября (9 декабря) 1916.

Искренно уважаемая Анастасия Николаевна,

Простите великодушно, что не мог быть у Вас на приветливый зов и не мог вовремя ответить. Живу на двух квартирах, и после трех дней побывки на одной даже задним числом получил приглашение. Но все равно не мог бы прибыть — живу в современной суматохе, исключающей возможность жить себя. Нигде не выаю — заезд к Л. Н. Андрееву¹ на час был исключением совершенным, да и стоившим отпущений. Завидую всем не распыляющимся людям. Сердечный привет.

Ваш искренно

А. Измайлов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В начале сентября 1916 г. в связи с работой в газете «Русская воля» Андреев переехал с семьей из Ваммельсуу на квартиру в Петрограде (наб. Мойки, д. 1), в которой жил до большевистского переворота, 26 октября он вернулся вместе с семьей в Ваммельсуу.

31 декабря 1916 (13 января 1917).

31 дек<абр> 1916

Дорогой Александр Алексеевич,

Сегодня мне доставили вырезку из «Петроградского листка» 28/XII № 357 о том, что «английская критика встречает перевод моего романа „Творимая легенда“ сдержанно».¹ Если это в самом деле из Вашей газеты, так скажу Вам, что это неверно. Я видел отзывы, мои друзья держат меня в курсе этих дел. Один критик даже сравнивал «Творимую легенду» с «Бурею» Шекспира.² Я не нахожу, что в устах англичанина это — сдержанный и холодный отзыв. Я не нахожу также, что европейские критики подобны русским. Ничего подобного, с русскою литературою англичане знакомятся без предвзятой враждебности русской критики.

Желаю счастья в Новом Году и благоволения. Преданный Вам
Федор Сологуб.

¹ В редакционной заметке «Сологуб в английском переводе» (Петроградский листок. 1916. № 357, 28 дек. С. 5) сообщалось: «В Лондоне вышел роман Сологуба „Творимая легенда“ в переводе Джона Курноса. Английская критика встречает роман сдержанно. Находит, подобно русским критикам, что в изображении Сологуба странным образом соединяется эстетический идеализм с болезненной чувствительностью».

² См.: The Task of Prospero // Glasgow Herald. 1916. November 2; рецензия сохранилась в папке Сологуба с газетными вырезками за 1916 год (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 13).

10 (23) декабря 1917.

10 декабря

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского Голоса» убедительно просит Вас не отказать в Вашей вещице для рождественского номера. Условия времени позволяют совершенно не стеснять Вас никакими формами, и мы будем благодарны за все, что бы Вы ни прислали от Вашего имени, — будет ли это небольшой рассказ, набросок, страница из дневника, статья, фельетон, стихотворение или шутка. Глубоко порадуете согласием и крайне опечалите отказом.

Покорная просьба не отказывать в любезном сообщении, можем ли мы на Вас рассчитывать.

А, может быть, мы смели бы и вообще просить Вас не побрезговать нами? Крайне порадовали бы согласием.

Сердечный привет Анастасии Николаевне. Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

17 (30) декабря 1917.

17 дек<абря> 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Все никак не мог созвониться с Вами, телефон работает отчаянно, пишу, уж не знаю, когда придет письмо. Постараюсь прислать что-нибудь для рождественского номера, если успею. А вообще дело обстоит так: мы с Вами имели приятные сношения в «Биржевых ведомостях», и я не имею основания поминать лихом наши тогдашние отношения. За последние годы я приобрел привычку высказывать мои мысли, стал до некоторой степени публицистом, и теперь, когда «Биржевые ведомости» молчат, я чувствую себя с зажатым ртом.¹ По этим двум основаниям, и по моему доверию и отношению к Вам, и по желанию высказываться, — я думаю, что мы могли бы сговориться с Вами.² Как бы с Вами повидаться? И когда прислать вещь для рождественского номера?

С приветом

Федор Сологуб.

¹ «Биржевые ведомости» были прекращены 24 октября 1917 (№ 16510), возобновились с 16 ноября 1917 г. под заглавием «Утренние ведомости», с 28 декабря под заглавием «Новые ведомости».

² Сологуб обращается к Измайлову как главному редактору газеты «Петроградский голос» (ранее «Петроградский листок», бывший «Петербургский листок»); первый номер газеты вышел 30 ноября (13 декабря) 1917 г.; Измайлов вошел в редакцию весной 1916 г.

21 декабря 1917 (3 января 1918).

21 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам статью «Широта», маленькое стихотворение,¹ и присоединяю к этому большую просьбу:

Будьте любезны напечатать две прилагаемые заметки в ближайшем номере. Очень обяжете, если похлопочете, чтобы их поместили и в «Вечернем часе».²

Будьте добры сообщить, какие сроки в Вашей конторе установлены для получения причитающихся денег?

Еще просьба: нельзя ли устроить посылку мне Вашей газеты? Очень обяжете.

С приветом

Федор Тетерников.

¹ В Рождественском номере «Петроградского голоса» была напечатана статья «Широта», в которой Сологуб размышлял об ответственности русской интеллигенции за Октябрьскую революцию, и стихотворение «Близки слуги сатаны...» (1917. № 22. 24 дек. С. 3—4).

² «Вечерний час» — ежедневная политическая и литературная газета, первый номер вышел 27 ноября 1917 г., издатель — Ф. Н. Зейлигер, редактор — известный театральный критик и публицист Александр (Авраам) Рафаилович Кугель (1864—1928), редакция газеты располагалась совместно с редакцией «Петроградского голоса» (Екатерининский канал, 31). По-видимому, Сологуб просил Измайлова напечатать объявления Союза деятелей искусства о предстоящем в помещении Академии Художеств новогоднем вечере (31 декабря) и диспуте «Искусство и политика» (4 января), см.: Вечерний час. 1917. № 23, 23 дек. С. 4; Новый вечерний час. 1917. № 2, 30 дек. С. 4. Союз деятелей искусства образовался в первых числах марта 1917 г. в Петрограде; по своим целям и задачам был ориентирован на профессиональную организацию творческой интеллигенции, призванную самостоятельно решать все вопросы художественной жизни; Сологуб возглавлял литературную курию СДИ, активно отстаивал автономии организации. В конце 1917 г. в связи с наблюдавшимися фактами разгромов и расхищений национальных художественных ценностей (по почину Сологуба, являвшегося председателем Временного Комитета уполномоченных СДИ), Союз принял решение провести среди учащихся, рабочих и солдат цикл общедоступных лекций с целью пропаганды защиты исторических и художественных памятников. Лекции устраивались с декабря 1917 г. в здании Академии художеств. Объявления Союза деятелей искусства о предстоящих вечерах и собраниях (в письмах к Измайлову Сологуб, как правило, называет их «заметками») регулярно печатались в хронике «Петроградского голоса», «Вечернего часа» («Нового вечернего часа»), а также «Новых ведомостей».

80

26 декабря 1917 (8 января 1918).

26 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Посылаю Вам статью «Совсем не политика».¹ И опять обращаю к Вам усерднейшую просьбу: будьте добры напечатать прилагаемую заметку в одном из ближайших номеров П<етроградского> Г<олоса>, — очень обяжете.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ В агитационной статье «Совсем не политика» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 469) Сологуб отстаивал необходимость созыва Учредительного Собрания на демократических началах, статья была приурочена к предстоящему открытию Учредительного Собрания (5 января) и предназначалась для публикации в номере «Петроградского голоса» от 26 декабря (см.: Сологуб Ф. Библиографический указатель к произведениям в прозе. — РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546); факт публикации не установлен.

27 декабря 1917 (9 января 1918).

27 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Будьте добры напечатать в хронике прилагаемые три заметки, очень обяжете.

Вчера я послал Вам по почте статью «Совсем не политика». Если она не дошла, пожалуйста, скажите по телефону 488.41, — пришлю или принесу сам, хотя теперь с сообщениями беда, трамваи не ходят, а извозчики свирепы, как львы.

С приветом

Федор Тетерников.

29 декабря 1917 (11 января 1918).

29 декабря 1917

Дорогой Федор Кузьмич,

Не позволите ли надеяться на большую статейку в новогодний номер, выходящий 31-го?¹ Приятно было бы также получить стихи Ваши.

Если бы я мог не огорчить Вас, то я очень просил бы — как мы и уговаривались — придерживаться маленького фельетона (от 100 до 200). Последний присланный — почти ровно 300. Наша газета по многим условиям, о которых долго писать, необходимо должна держаться этой формы. И Амфитеатров для нас вдвое сокращает размер своего фельетона. В новогоднем номере, в частности, идет много авторов, и необходимо маленькое. «Кто же они» у нас давно было непечатано — недели за три до помещения в «Звоне», и только благодаря этому никто не заметил разности подписей.²

Сердечный привет. Ваш искренно

А. Измайлов.

¹ Для новогоднего выпуска газеты Сологуб отправил статью «А все-таки!», в которой писал о надеждах на изменение политической ситуации в России и падение власти большевиков в 1918 г. (Петроградский голос. 1917. № 26, 31 дек. С. 1).

² Статья «Кто же они?» была напечатана в «Петроградском голосе» 5 декабря 1917 г. (№ 5. С. 1) за подписью Ан. Чеботаревской и в «Вечернем звоне» 20 декабря 1917 (№ 4. С. 3) за подписью Федора Сологуба. Автор статьи протестует против преступной и незаконной власти большевиков («искусных шарлатанов») и ставит вопрос относительно Ленина и Троцкого, — «кто же они?» («все мы, с тоскою и отвращением следящие за этою гибельною для России игрою во власть проходимцев и честолюбцев, ...мы, требующие моральной ответственности за поступки и слова, — мы все не можем не поставить перед собою и перед другими этого простого вопроса, от решения ко-

тогого зависит весьма многое в нашей дальнейшей оценке событий. Чему же верить? Кто же они? Честные люди или...?»).

83

31 декабря 1917 (13 января 1918).

31 декабря 1917

Дорогой Александр Алексеевич,

Позвольте предложить Вам несколько деловых вопросов:

1). Вчера вечером позвонил ко мне Гессен¹ из Вечерних Биржевых (вечерние «Наши ведомости»), и просил давать ему иногда статейки.² Как Ваше мнение на этот счет? Так как это — газета вечерняя, значит, не конкурент «Петроградскому голосу», то найдете ли возможным такое совместительство?

2). Каковы Ваши желания относительно статьи «Совсем не политика», которая вышла слишком велика (около 300 строк)?³ Хотите ли Вы, чтобы я сократил ее до 200 строк, или она Вам и по другим соображениям не подходит?

3). При личном свидании вчера забыл спросить Вас вот о какой подробности: какие сроки установлены в «Петроградском голосе» для выдачи гонорара и жалованья? Простите, что обращаюсь к Вам с таким вопросом, который касается собственно конторы, но так как в конторе я никого не знаю, то и уповаю на Ваше любезное объяснение.

4). Это уже не вопрос, а просьба: нельзя ли устроить, чтобы мне посылали газету? Буду очень признателен за эту любезность.

С приветом и наилучшими на Новый Год пожеланиями

Федор Сологуб.

¹ Гессен Николай Владимирович (Вульфович) (1899—1928) — сын известного юриста Владимира (Вульфа) Матвеевича Гессена (1868—1920), с 1922 г. в эмиграции (сообщил Валерий Юльевич Гессен); в 1918 г. издавал газету «Наши ведомости» (бывш. «Биржевые ведомости», веч. вып.).

² Предложение Н. В. Гессена было связано с возобновлением газеты (см. примеч. 1 к письму 78); в ответ на это Сологуб послал статью «Лава» (Наши ведомости. 1918. 2/15 янв. № 4. С. 1).

³ См. примеч. 1 к письму 80.

84

1 (14) января 1918.

1 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Рассчитывал повидаться с Вами сегодня днем на собрании в доме «Петроградского голоса», которое, по-видимому, обещало быть весьма симпатичным.¹ Но целый день мне мешали выбраться из дому, а когда я освободился, было уже поздно.

Усерднейшая к Вам просьба: нам пришлось перенести и наш вечер с 3 на 5, и диспут с 4 на 8 января. Будьте добры поместить две прилагаемые заметки об этом в ближайшем номере, очень нас обяжете. И рассчитываем видеть Вас на нашем вечере 5 января.²

С Новым Годом.

Всегда, во все годы преданный Вам,

Федор Сологуб.

¹ В первый день нового года в редакции газет «Петроградский голос» и «Новый вечерний час» был устроен товарищеский прием для сотрудников с участием артистического кабаре «Би-ба-бо» Н. Я. Агнивцева; на вечере присутствовали Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Измайлов, А. В. Амфитеатров, А. Р. Кугель, П. М. Пильский и др. (см.: Товарищеский праздник // Новый вечерний час. 1918. № 1, 2 янв. С. 3).

² 5 января в конференцзале Академии художеств Союз деятелей искусства устраивал «вечеринку-капустник» (вместо предполагавшейся ранее встречи Нового года) с участием артистов, художников и литераторов (среди приглашенных — А. Аверченко, М. Кузмин, И. Северянин, Тэффи и др.). 8 января СДИ организовал диспут на тему «Искусство и политика» с участием проф. Ф. Ф. Зелинского, Ф. Сологуба, П. П. Гайдебурова, А. Лурье, Н. Н. Пунина, А. А. Гизетти и депутатов Учредительного собрания. Заметка об этих вечерах была помещена в газете «Наши ведомости» (1918. № 4. С. 8).

85

3 (16) января 1918.

3 января 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечный привет с Новым годом и благодарность за память! Простите, что только сейчас могу ответить — такая беспредельная суета. Очень досадно, что не мог Вас увидеть лично, — в надежде на это я и не дал ответа Вашей посланной, заставшей меня в нездоровье.

1) Издатель ¹ — сторонник исключительного сотрудничества больших авторов в газете,² при условии жалованья. Опасаюсь, что разговор по этому поводу приведет к пожеланиям для автора стеснительным.

2) Если бы Вас не обидело, предпочтительнее заменить имеющийся фельетон более коротким.³ Вещь, рассчитанная на 300 строк утратит в ясности и яркости при сокращении на одну треть. На всякий случай посылаю рукопись. Если найдете удобным вернуть — пожалуйста!

3) Распоряжение о газете Вам сделано.

4) Вступление в жалованье обычно происходит у нас с момента вступления в регулярную работу. Об этом все-так лучше бы два слова, хотя бы по телефону.

Душевно Вам преданный

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ С 1916 г. «Петроградский голос» издавал Александр Викторович Владимирский (1894—?), сын владельца и издателя «Петербургского листка» Виктора Александровича Владимирского (1875—1915).

² В 1917 г. в литературном отделе «Петроградского голоса» были напечатаны произведения А. В. Амфитеатрова, А. С. Грина, А. И. Куприна, Н. А. Котляревского, А. Р. Кугеля, Б. А. Лазаревского, И. Н. Потапенко, А. С. Рославлева, Скитальца (С. Г. Петрова).

³ Вероятно, речь идет о статье «Совсем не политика», вместо нее была напечатана статья «Крещение грязью» (Петроградский голос. 1918. 6 янв.), объем которой не превышал требуемой редакцией нормы. (Далее ссылка на «Петроградский голос» — ПГ).

86

23 января (5 февраля) 1918.

23 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

В моем стихотворении в № 15 последние две строчки переставлены одна на место другой.¹ Если найдется местечко, пожалуйста, оговорите, а то читатель может подумать, что это — моя вычурность.

Посылаю еще статейку.

С приветом

Федор Тетерников.

Будьте добры пустить прилагаемую заметочку.²

¹ Имеется в виду стихотворение «Родине» («О, родина! Если б источники слез...») // ПГ. 1918. № 15, 23 янв.

² Возможно, речь идет о заметке на тему об отношении народа к интеллигенции — «Неблагодарность» (ПГ. 1918. 25 янв.).

87

30 января (12 февраля) 1918.

30 января 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Большая просьба — будьте добры напечатать прилагаемую заметку в ближайшем номере.¹ Посылаю статейку «Уют».² У Вас есть моя статья «Конец искусства», лежит с 23 января. Какова ее судьба?³

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Объявление о лекции «Вандализм и искусство», устраиваемой, как сказано в газете, 4 февраля (то есть 17 февраля по новому стилю; напомним, что новое время-исчисление было введено с 1 февраля 1918 г.) Союзом деятелей искусства в Академии художеств, было напечатано в «Новом вечернем часе» (1918. № 22, 31 янв. С. 4).

² Уют // ПГ. 1918. 15 февр.

³ Конец искусства // ПГ. 1918. 23 февр. В статье критикуется политика большевиков по отношению к искусству.

88

19 февраля (4 марта) 1918.

19 февраля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Будьте добры напечатать прилагаемую заметку в ближайшем номере «Петроградского голоса»,¹ очень обяжете. Посылаю Вам статейку «Спасибо».² Вчера послал Вам обращение к коллективу сотрудников литературного и театрального отделов. Желательно было бы большее сплочение вокруг нашей Литературной курии в Союзе Деятелей Искусства.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ 20 (7 по ст. ст.) февраля в «Новом вечернем часе» (№ 28) было напечатано объявление о лекции В. Г. Каратыгина «Русская народная песня», с участием хора, устраиваемой СДИ в Академии художеств 24 (11 по ст. ст.) февраля; в этом же номере была помещена заметка «Упразднение звания академика», в которой, в частности, сообщалось: «Проект нового устава Академии художеств был рассмотрен специальной комиссией, избранной на общем собрании Союза деятелей искусства. Комиссия, между прочим, нашла целесообразным лишить Академию художеств права присуждать художникам звание академика. Комиссия полагает, что звание академика, если вообще его надо сохранить, может быть присуждаемо только общегосударственным учреждением, в котором должны быть представители всех групп и течений в искусстве».

² Спасибо // ПГ. 1918. 21 февр. Статья написана в связи с юбилеем «Русского богатства».

89

30 марта (12 апреля) 1918.

30 марта 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Прилагаемую статейку очень просил бы Вас пустить поскорее. Если можно, было бы хорошо, если бы она появилась завтра, в воскресенье 31 марта. Это совпадало бы с заседанием Союза Деятелей Искусств, где будет трактоваться об этом же вопросе. И вообще следует привлечь внимание публики к этому вопиющему делу, чисто хулиганскому отношению к Академии, которое проявляют некоторые из наших товарищей.¹ Народных комиссаров это не заденет, коллегия по делам искусства² — учреждение не политическое, а просто карьерное.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Имеется в виду подготовленный в марте декрет об упразднении Академии художеств, принятый по предложению А. В. Луначарского на заседании Совета народных комиссаров 12 апреля 1918 (опубликован 14 апреля в «Известиях», № 74 и «Правде», № 72); согласно декрету, Академия художеств упраздняется как государственное учреждение, от нее отделялось Высшее художественное училище и реформировалось в свободную художественную школу, Академия лишалась всех кредитов, капиталов и имущества, которые передавались в собственность государства; музей Академии поступал в ведение Комиссариата просвещения. В преддверии принятия декрета Сологуб в знак протеста составил воззвание под лозунгом «Все на защиту искусства» (РО ИР-ЛИ, ф. 289, оп. 6, № 30, л. 56), которое было напечатано как обращение «„От временного комитета Союза деятелей искусства“ (Письмо в редакцию)» (Новый вечерний час. 1918. № 50, 3 апр. С. 4), в обращении говорилось: «Как и год тому назад, искусство России в опасности. Уже не толпа, обьятая мятежом, — теперь на искусство посягают наши товарищи. На словах они за свободу искусства, на деле требуют свободы только для себя. Они стараются уверить, что именно их искусство понравится пролетариату, что они — „левые“ в искусстве, хотя многие из них работают в весьма традиционном направлении. Все, что им не нравится, они хотят разрушить, пустить на дым. Не хотят на словах привилегированного искусства, а сами требуют покровительства одному направлению, разделяют искусство на буржуазное и пролетарское и этим демагогическим разделением, совершенно произвольным, возбуждают недобрые чувства против большей части произведений искусства. В стране, свергнувшей иго произвола, они пытаются образовать коллегии по делам искусства не на выборных началах, а по назначению. Варварские воззрения, высказываемые ими, грозят опасностью искусству, сулят разрушение автономным учреждениям, дезорганизацию художественным школам и развал художественной жизни. Все это возбуждает тревогу в любящих искусство и работающих для него. Необходимо собраться и выяснить наше отношение к этим прискорбным событиям и разрушительным тенденциям, а также немедленно создать взамен бюрократической коллегии компетентный орган на представительных началах. Временный Комитет приглашает Вас, Товарищи-Художники и Граждане, любящие искусство, на Общее Собрание Союза Деятелей искусства 7-го Апреля с. г. в конференц-зале Академии Художеств <...>». В заметке «Защита русского искусства» (ПГ. 1918. № 73, 4 мая (21 апр. по ст. ст.) сообщалось о состоявшемся 7 апреля собрании деятелей искусства, с целью протеста против закрытия Академии; на собрании выступал Ф. Сологуб с критикой вмешательства государственных чиновников в художественную жизнь и разделения искусства на пролетарское и буржуазное.

² Подразумевается учрежденная при Совете народных комиссаров Коллегия по делам искусств, которую курировал А. В. Луначарский.

90

12 (25) апреля 1918.

12 апреля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Большая к Вам просьба. Очень нужно на этих днях иметь деньги для срочных уплат. Нельзя ли получить от «Петроградского Голоса» аванс в 1000 рублей. Очень обяжете исполнением этой просьбы.

С приветом

Федор Сологуб.

Прилагаю стихи. И заметочку, с большою просьбою пустить за-втра.¹

¹ В ближайших номерах газеты были напечатаны стихотворение Сологуба «Где ты, моя Ариадна...» (ПГ. 1918. № 59, 14 апр. С. 2) и статья «Лотки с загадками» (ПГ. 1918. № 62, 18 апр. С. 2).

20 апреля (3 мая) 1918.

20 апреля 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» намерена приступить в очень непродолжительном времени к печатанию романа, коллективно написанного группой лучших современных писателей.¹ Многие из них (как А. В. Амфитеатров, В. И. Немирович-Данченко) уже выразили согласие дать ряд глав, вступая последовательно в повествование предшественника.

Редакция имеет честь покорно просить Вас принять участие в этом деле. По изъявлению Вашего принципиального согласия, позвольте беспокоить вас просьбою приехать на предварительное (единственное) совещание с собратьями по работе.

Не откажите в любезности нам сообщать о вашем согласии. (Тел. 641—69 и 132-24).

Примите уверение в совершенном уважении и искренней преданности,

Всегда Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ Имеется в виду идея написания коллективного романа, в котором предполагалось участие тринадцати писателей: в анонсе, опубликованном в «Петроградском голосе» 8 мая, было объявлено о согласии А. И. Куприна, В. И. Немировича-Данченко, Ф. Сологуба, А. В. Амфитеатрова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. Н. Потапенко, А. Е. Зарина, В. Ф. Боцяновского, А. А. Измайлова; позднее в числе будущих авторов были названы А. С. Грин и Е. А. Нагродская. В заметке «Роман тринадцати!» (ПГ. 1918. № 73, 4 мая (21 апр. по ст. ст.). С. 2). А. Измайлов писал: «13 авторов разработают общий замысел увлекательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседаниях цирковдепа и т. д. <...> Тринадцать авторов не создадут вторую „Анну Каренину“, но, вероятно, напишут живой и увлекательный роман. <...> Лет восемь назад в Берлине имел огромный успех „Роман 12-ти“. Увлекательную шалость исполнили 12 известных немецких писателей, в числе которых были Герман Бар, Бирбаум, Эрнст, Голлиндер, Вольцоген, хорошо известный у нас Эверс и т. д. <...> Писали они, не подписывая своих глав. Издательством был объявлен конкурс на премии читателям, угадавшим авторов. Число верных ответов определяло популярность каждого и знакомство публики с его манерой. Так как все они очень мало думали о том, что о них скажут, то они сошлись на общей шалости: каждый из них маскировал себя чужой манерой, как если бы, к примеру, у нас А. В. Амфитеатров постарался поймать стиль Ф. К. Сологуба, а Сологуб — стиль Амфитеатрова. В итоге получился ряд занимательных глав, где многие из писателей обнаружили не подозреваемый у них ранее талант пародии. В наш замысел это не входит и у нас читатель найдет подписи под каждой главой, так как мы ставим в центр тяжести читательский интерес, а не испытание писательской ловкости»; далее критик сообщал об аналогичном эксперименте —

коллективном фантастическом романе «Три буквы», который был предпринят в 1911 году в «Синем журнале» при участии А. И. Куприна, И. Н. Потапенко, В. А. Тихонова, А. Т. Аверченко, П. П. Гнедича, И. И. Ясинского, Анат. Каменского, Тэффи, А. Измайлова, А. Н. Будищева, В. И. Немировича-Данченко и др.: «он вызвал общий интерес, но не удержался на высоте его, выйдя из ошибочной мысли, что такое произведение есть игра писателей, победа трудностей, которые предшественник почти намеренно ставил своему преемнику, чтобы полюбоваться, как он „выкрутится“. Нам придется взять некоторый урок от прежних ошибок, и, вероятно, мы более правы уже потому, что ставил на первое место не турнир писателей, а живой интерес читателя». В статье Измайлова упоминаются немецкие и австрийские писатели: Герман Бар (1863—1934), Отто Юлиус Бирбаум (1865—1910), Пауль Эрнст (1866—1934), Феликс Голлендер (1867—1931), Эрнст фон Вольцоген (1855—1934), Гансгейнс Эверс (1871—1943).

92

23 апреля (6 мая) 1918.

23 апреля 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Простите, пожалуйста, что не ответил немедленно. Целый сноп причин: нет телефона, дела Союза Деятелей Искусства были хлопотливы и неприятны,¹ и вдобавок я все эти дни чувствовал себя скверно. Конечно, я согласен, и надеюсь, что вы истолковали мое молчание как знак согласия. Боюсь, что мое состязание с такими блестящими мастерами литературных импровизаций, как Амфитеатров и Немирович, будет неудачным, но попробую.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ 19 апреля на квартире М. Горького состоялась встреча Исполнительного Комитета СДИ с А. В. Луначарским в связи с изданием декрета об упразднении Академии Художеств, а также декрета о снятии исторических памятников («истуканов»). В качестве основного оппонента Луначарского выступил Сологуб, от имени СДИ он выразил протест против вмешательства правительства в художественную жизнь и потребовал отставки назначенной правительством «Коллегии по делам искусства» и передачи руководства всеми делами искусства Исполнительному Комитету СДИ. В ответном слове Луначарский заявил, что задачи существующей «Коллегии по делам искусства» — уничтожение отживших учреждений и облегчение тем самым бюджета государства, а также создание условий для полной автономии искусства; кроме того, по мнению Совета народных комиссаров, должны быть уничтожены памятники, «оскорбляющие народную гордость, причем они должны быть свергнуты с пьедесталов на всенародном празднике, в присутствии тысячи зрителей». Луначарский протестовал против идеи Учредительного собрания художников, выдвинутой СДИ, он сообщил, что отношение правительства к Учредительному собранию в области искусства точно такое же, как и к политическому мероприятию, имевшему место 5 января. В ходе встречи выяснилось, что согласие сторон по центральному вопросу (о ликвидации государственного контроля над художественной жизнью) не может быть достигнуто; тем не менее, Луначарский предложил еще раз собраться для обсуждения вопроса; это предложение Сологуб отклонил, Луначарский покинул заседание. Несколько ранее на заседании литературной курии СДИ было принято решение об организации Союза деятелей художественной литературы и выработан устав новой организации, образован временный комитет в составе Л. Андреева, М. Горького, Н. Гумилева, Ф. Соло-

губа, К. Сюннерберга, Анс. Чеботаревской, Вас. Немировича-Данченко и др. (подробнее см.: *Союз деятелей художественной печати* // ПГ. 1918. № 51, 4 апр. (22 марта по ст. ст.) С. 3). 21 апреля (через день после встречи с Луначарским на квартире Горького) Сологуб обратился к Наркому просвещения в качестве председателя «Союза деятелей художественной литературы» с просьбой о предоставлении помещения, субсидий и уравнивании Союза в правах с другими профессиональными организациями. 21 апреля в выступлении на заседании конференции художественных школ Луначарский представил недавнюю встречу с представителями СДИ на квартире Горького как предложение сотрудничества, а обращение Сологуба с ходатайством о профсоюзе писателей как приход «на поклон». Действия Наркома вызвали возмущение СДИ, в связи с чем на заседании СДИ было принято решение прекратить с Луначарским все сношения. Этот инцидент получил широкое освещение в печати, см.: Луначарский и Союз деятелей искусства // *Новая жизнь*. 1918. № 73, 21 апр.; *Художественная хроника* // *День*. 1918. № 24, 21 апр.; *Вен. Бор. Соглашатель* // *Петроградское эхо*. 1918. № 51, 22 апр.; *Встреча А. В. Луначарского с Союзом деятелей искусства* // *Вечерний час*. 1918. № 66, 23 апр.; *В союзе деятелей искусств* // *Наш век*. 1918. № 80, 23 апр.

93

8 (21) мая 1918.

8 мая 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Сердечным приветом поздравляю с праздником. Посылаю стихи.¹ Простите, что для праздничных дней все же докучаю делом: вчера получил в конторе гонорар, и за рассказ «Невеста Иуды»² мне дали по 30 копеек, так как это — беллетристика, то следует по 60 копеек, что на 120 строк составит разницу в 36 рублей. Будьте добры сделать надлежащее разъяснение, чтобы при следующей получке эта сумма была мне присчитана.

А гетман на Украине положительного импозантная фигура!³ Воображаю его с булавой и с длинными усами — молодец! Вот бы нам такого!

С приветом

Федор Сологуб.

¹ В ближайших майских номерах газеты были напечатаны стихотворения Сологуба: Многообещающим («Хотя б вы нам и обещали...») // ПГ. 1918. № 79, 14 мая. С. 3; „Разрушать гнезда не надо...“ // ПГ. 1918. № 86, 22 мая. С. 2.

² *Невеста Иуды* // ПГ. 1918. № 73, 4 мая. С. 2. (Пасхальный номер).

³ *Скоропадский Павел Петрович* (1873—1945) окончил Пажеский корпус, был в свите царя; в период австро-германской оккупации Украины был избран гетманом на «съезде хлеборобов» (29 апреля), инсценированном интервентами; свергнут 14 декабря 1918 г. 8 мая все газеты сообщали об избрании гетмана.

9 (22) мая 1918.

9 мая 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Редакция «Петроградского голоса» имеет честь просить вас во вторник 14 сего мая в помещение редакции (Екатерининский кан., 31) от 3—4 часов для обмена мнений по «Роману 13-ти» и сообщения Ваших личных по сему поводу предложений.

Так как совещание в полном составе предполагается единственным, то редакция убедительно просит Вас не отказать в приезде.

Искренно преданный Вам

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

Май 1918.

Дорогой Федор Кузьмич,

Покорная просьба вернуть оригинал Амфитеатрова — необходимо его сдать в набор.

Очень обеспокоен и за Вашу часть. Необходимо с 1-го июня начинать!¹

Смилуйтесь, дорогой Федор Кузьмич!

Ваш искренно

А. Изм.

Датируется по содержанию; на редакционном бланке.

¹ «Роман 13-ти», получивший также название «Чортова дюжина», начался публикацией глав А. В. Амфитеатрова: Гл. I «Существо» (ПГ. 1918. № 95. 1 июня (19 мая по ст. ст.). С. 2; гл. II «Юстина» № 96, 2 июня. С. 2); гл. III «Под выгой» (№ 97, 4 июня. С. 2); гл. IV «Глнтвейн» (№ 98, 5 июня. С. 2). В следующих номерах были напечатаны главы Ф. Сологуба: гл. V «Клавдия Лучинина» (№ 99, 6 июня. С. 2); гл. VI «Темные намеки» (№ 100, 7 июня. С. 2); гл. VII «За стеною» (№ 101 и № 102, 8 и 9 июня. С. 1); гл. VIII «Сторублевки» (№ 103 и № 104, 11 и 12 июня. С. 1); гл. IX «Печать не удержать» (№ 105, 13 июня. С. 1).

3 (16) июня 1918.

3 июня 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Между нами недоразумение. В. И. Немирович-Данченко¹ не выдавалось аванса под главы романа² и вообще под какую бы то ни было работу, как Вы увидите из прилагаемых двух документов.

Серьезные материальные затруднения нашей конторы, к сожалению, есть совершенно непреложный факт, а не измышление, и по простому чувству собратства я никоим образом не прикрывал бы уклонов конторы, вводя в затруднение своих старших товарищей.

Поверьте, дорогой Федор Кузьмич, что как редактор я применю все усилия, чтобы при первой возможности возместить Вам столь дорогие для меня главы романа.

Искренно Ваш

А. Измайлов.

На редакционном бланке.

¹ *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1844—1936) — писатель и публицист, брат режиссера.

² Сологуб высказывал недоумение по поводу слуха об уплате в связи с тем, что В. И. Немирович-Данченко должен был вступить в роман только вслед за ним; ему принадлежат главы: гл. X «Злоключение профессора Четвергова» (ПГ. 1918. № 106, 15 (8 июня по ст. ст.) С. 1), гл. XI «Рукопись о чортовой дожине» (№ 107, 16 июня. С. 1), гл. XII «Искание чуда» (№ 108, 18 июня. С. 2), гл. XIII «Адамова голова» (№ 109, 19 июня. С. 1), гл. XIV «Министр Городцов и его горизонты» (№ 110, 20 июня. С. 1), гл. XV «Сеанс начинается» (№ 112, 22 июня. С. 1), гл. XVI и XVII (№№ 113 и 114, 23 и 26 июня. С. 1), гл. XVIII «Ясновидец из Чебоксар» (№ 115. 27 июня. С. 1), гл. XIX «Умер ли Бяленицкий» (№ 116, 28 июня. С. 1).

97

12 (25) июня 1918.

12 июня 1918

Дорогой Александр Алексеевич,

Только что получил Ваше письмо от 3 июня с приложением двух документов. Извиняюсь, что причинил Вам напрасное беспокойство, документы могли бы и не быть, достаточно одного Вашего письма. Мне просто показалось, выходит, что я ошибся. Мы только 8 июня добрались до нашей дачи,¹ с 4 по 8 июня жили в городе Костроме, разговаривая с комиссаром по отводу дач, так как все дачи на 15 верст от Костромы социализированы, прописываясь, выправляя пайки, устраивая продовольственные и иные дела.² Местные граждане истребили наше варенье (в порядке нестерпимого, детского стремления полакомиться), пуда три; взяли немного белой муки (для ребенка); сняли телефонный аппарат (в порядке борьбы с контрреволюцией, надо полагать), но есть надежда, что вернут. Пока еще устраиваемся здесь; на днях обещали мне доставить пишущую машинку, — надеюсь летом поработать больше, чем в городе. Здесь пока довольно тихо. Всего больше, чем в Петрограде, и все дешевле. Паяк вот какой: на человека дают в месяц 17 фунтов муки или, по желанию, 34 фунта печеного хлеба. Костромичам это кажется голодом, в Петрограде о таком пайке и думать забыли. Большая к Вам, дорогой Александр Алексеевич, просьба: будьте добры хлопотать, чтобы контора послала мне сюда все номера «Петроградского голо-

са» с 4 июня, и потом посылала бы газету сюда, очень обяжете. Если будет у Вас отпуск, приезжайте к нам, здесь очень мило.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Согласно договору, заключенному Ан. Чеботаревской в ноябре 1915 г. с Марией Ивановной Набатовой, чета Сологуб арендовала ее усадьбу Княжино, находящуюся близ Костромы в двух верстах от села Минского, с 1 апреля 1916 по 1 октября 1919 (см.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 46).

² В надежде вернуть экспропрированную дачу, 18 <июня> 1919 (в письме, вероятно ошибочно, проставлена дата — 18 июля. — М. П.) Сологуб писал А. В. Луначарскому: «Многоуважаемый Анатолий Васильевич, приехав вчера в арендуемую мною 4-й год дачу под Костромой, я и Ан<астасия> Н<иколаевна> застали там вселенные колонии, и, нам не дав даже времени и возможности собрать доверчиво оставленные нами здесь вещи, требуют нашего немедленного отъезда, — куда, мы сами не знаем. Дача, в которую вложено много нашего личного труда и средств, была оставлена и на это лето за мною отделом Земледелия Костромского Губисполкома (бумага от 16 окт. за № 197 и журнал заседания Коллегии Губисполкома 30 января), и мы весною сих запрашивали, не изменилось ли это отношение? После неимоверно тяжелого для нас года в Петрограде с большими трудностями выбрались мы и приехали сюда, думая отдохнуть хоть месяц, окончательно без сил, едва двигаясь. Но г. г. руководители школы-коммуны не дали нам даже возможности войти в дом, — пришлось сидеть до ночи у сторожа, и Ан. Н. совсем измученная и ошеломленная неслыханно грубым приемом, едва держась на ногах и до 12 ч<асов> н<очи> не могли добиться, чтобы нам дали хоть кровать и отд<ельную> комнату. Кое-как устроились на ночь в двух комнатах наверху, но уже сегодня утром объявили, что и это помещение (где я работал 3 года, где за письменным столом написан роман „Заклинательница змей“) им нужно немедленно и что мы должны уезжать обратно, потому что ждут гостей. Представляю Вам судить, насколько мы, истерзанные до последней степени, способны это моментально выполнить. Учтя всю обстановку, в которой, конечно об отдыхе и творческой работе (это и есть мой отдых) не может быть речи, мы просили дать нам возможность пробыть здесь одну неделю, в этих 2 комнатах, где много моих рукописей и книг, чтобы разобрать их и ликвидировать остатки хозяйства и собраться к возвращению в Петроград. Анастасия Ник. совсем больная, я еле хожу. Войдите в наше положение, сделайте соответствующее распоряжение», далее следует приписка Чеботаревской: «Анатолий Васильевич, нас в буквальном смысле слова выгоняют из места, ссылаясь на Вас — будто Вы предоставили им нашу дачу, где все — работа наших рук; едва добравшись, полумертвые от утомления, — должны возвращаться в голод, халеру и все прочие муки. Ужели и Советская Россия почитает только... покойников? С уважением Анс. Сологуб» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 46).

98

25 июня (8 июля) 1918.

25 июня 1918

Кострома, пристань Нагорново,
усадьба Набатовой

Дорогой Александр Алексеевич,

Получил, наконец, номера «Петроградского голоса» с начала июня. Спасибо за посылку их. К сожалению, нашел в них два повода для огорчения. Первый, выход из числа нашего романа А. И. Куп-

рина. Да еще без объявления причин.¹ Совершенно непонятное происшествие. Мне кажется, что А. И. Куприну следовало бы или не давать своего согласия, или же уже исполнить свое обещание. А то что же может подумать читатель? Куприну не понравилось, что пишет Сологуб? Или с кем-нибудь другим он не хочет быть вместе? Но надеюсь, что вы, как редактор, которому, стало быть, это наиболее огорчительно, примите это, как одну из тех неизбежных неприятностей, которые вы заранее предвидели. Вопрос: после моих глав роман слишком круто поворачивает в другую сторону.² Даже не видно, сколько же дней прошло от рассказанных событий. Любопытство читателя хорошо помучить день, два, три, — а затем неудовлетворенное любопытство переходит в досаду и равнодушие. Кроме того у внимательного читателя является вопрос: когда же все это было? Баронесса уехала за границу к родным (она — немка), затем и барон уезжает на Варшавский вокзал. Четвергов говорит, что война продолжается 30 месяцев, стало быть, его лекция происходит после 19 января 1917 года. Ряд недоумений: как же ехать за границу через Варшавский вокзал в 1917 году?³ Как же ни ползвукон не отразилось в романе это тревожное время? Или, может быть, между первыми годами и появлением Четвергова прошло не меньше трех лет? Боюсь, что если в последующем будут такие же несогласованности, то роман покажется очень пестрым.⁴ Во всяком случае его надо довести до конца. Если в течение работы у Вас будет предвидеться заминка, я всегда буду готов написать одну или несколько глав, стоит Вам только написать мне об этом заблаговременно. Почта, хотя и медленно, а все же работает. Я послал Вам стихотворение, и потом статью в двух письмах, разделив ее на две части, строк по сто.⁵ Если не получили, напишите. У нас хорошо. Не будете ли пользоваться отдыхом? Тогда загляните к нам.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ Объявление о выходе А. И. Куприна из числа участников «Романа 13-ти» было напечатано в «Петроградском голосе» 7 июня (№ 100).

² «Содержание глав А. Амфитеатрова и Ф. Сологуба: архитектор Бяленицкий случайно заходит переночевать к знакомому поручику Беренникову и наутро найден мертвым. Нагрянувшее следствие устанавливает сохранность бывших при нем довольно крупных денег. Загадочная смерть осложняется странным исчезновением трупа. Какие-то слабо видимые нити ведут от этого случая к появившемуся на горизонте Петрограда человеку с фамилией Лемэм, обладавшему даром внушения и с большим любопытством принятому в кругах мистиков. Некоторый свет на этого человека, по видимому, стоявшего во главе „общества 13-ти“, готов пролить проф. Четвергов, но в канун обещанной лекции квартира его и сам он подвергается налету и обыску» (ПГ. 1918. № 107, 16 (3 июня по ст. ст.). С. 1). Краткое содержание глав В. Немировича-Данченко и П. Гнедича: «Загадочная смерть и следом исчезновение трупа Бяленицкого волнуют столицу. К делу, вероятно, прикосновенна шайка авантюристов, присвоившая себе имя „Чортовой дожины“ и возглавляемая светским проходимцем Лемэмом. Против темных сил намечается борьба, центр которой слепец офицер Шпро» (ПГ. 1918. № 118, 30 (17 июня по ст. ст.). С. 1). *Гнедич Петр Петрович (1855—1925)* — прозаик, драматург, критик, историк искусства.

³ В связи с военной разрухой 1916—1917 гг. и топливным кризисом петроградский железнодорожный узел фактически прекратил движение поездов.

⁴ В письме от 1 (14) июля 1918 к А. Измайлову А. С. Лазарев-Грузинский делился впечатлениями о романе: «Как плохо наши знаменитости пишут „Чортову дожину“!

Дарю Вам экспромт: „Чортова дожжина“ // Пишется дожжинно...„ Когда придет Ваш черед сечься (Вы не заметили, что каждый из авторов начинает так робко, как будто не вступает на путь великих замыслов и творчества, а именно идет ложиться под лозы?), опишите Распутина, спиритов, ту мохнатую животину, о которо<ой> Вы рассказали <...> у Вас это выходило так интересно. Еще я очень люблю читать у Вас об антиквариатах и букинистах. Думаю, что и из этого можно к „Чортовой дожжине“ припутать. Главный недостаток романа — отсутствие действия (все толкутся на одном месте) и „безыntересность“. Хотя бы одна глава заинтересовала: — А что будет дальше? У Амфитеатрова это было» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 174, л. 71 об.).

⁵ Имеется в виду статья «Набат за оградкою» (ПГ. 1918. № 116 и № 117, 28 и 29 июня. С. 2); стихи Сологуба напечатаны не были.

99

26 июня (9 июля) 1918.

26 июня 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Крайние материальные затруднения (в результате пожара и других обстоятельств, Вам известных ¹) вынуждают редакцию на крайнюю экономию по всем отделам. Мне в высшей степени огорчительно, но я должен передать Вам просьбу издателя — позволить с 1-го июля нарушить наш договор и временно просить Вас ограничиться одним построчным получением (очевидно, на пересмотренных условиях) до более счастливого времени, в которое мы твердо верим.

Сейчас пришлось, с крайним сожалением, снять несколько лиц из постоянного состава редакции с жалования и весьма ограничить деятельность вошедших в последнее время в редакцию писателей высокого гонорара.

Простите, что доселе не можем поквитаться с долгами. Дело ставится так, что едва успеваем заткнуть неотложнейшую необходимость, как оказываемся перед новою. Но выкорабкиваемся понемногу. Надеемся, числа с первого сдать в свою типографию, что избавит нас от каждодневного платежа в пять тысяч!

Чрезвычайно благодарен за Ваше милое письмо. Простите, что сейчас не могу побеседовать по душам: очень горячо!

Ваш искренно

А. Изм.

Привет Анастасии Николаевне.

На редакционном бланке.

¹ По-видимому, Измайлов подразумевает обвинительные процессы против независимой печати, инициатором которых выступал В. Володарский (наст. фам. и имя — Гольдштейн Моисей Маркович, 1891—1918), с марта 1918 занимавший пост комиссара Петрокоммуны по делам печати.

4 (17) июля 1918.

4 июля 1918

Кострома, усадьба Набатовой
(пристань Нагорново)

Дорогой Александр Алексеевич,

Я получил Ваше письмо от 26 июня. Вы пишете, что издатель с 1 июня нарушает наш договор и временно просит меня ограничиться одним построчным получением, на пересмотренных условиях. Теперь вопрос: какие же это условия? К сожалению, об этом Вы не пишете. Как же их определить? Вообще, я заметил, что мои статьи Вам мало подходят. Вы бы, насколько я понимаю, хотели иметь от меня очень коротенькие (не свыше 150 строк, а лучше меньше) очерки, хотя бы в таком роде, как «Набат за оградой». Но это, собственно говоря, уже не статьи, а беллетристика. Таким образом, гонорар за всякую мою прозу у Вас можно определить однообразный 1 1/2 рубля за строчку. Вопрос: за июнь я еще не получил жалованья. Если оно мне причитается, то будьте добры передать конторе мою просьбу перевести его мне в Кострому, вместе с гонораром, по телеграфу (конечно, на мой счет); адрес же для перевода несколько иной, чем для писем, а именно: Кострома, Мариинская улица, дом Набатовой, Федору Кузьмичу Тетерникову. Если же с 1 июля понимается так, что получка 1 июля (за июнь) отменяется, то, очевидно, роман, как напечатанный в июне, следует считать по иной расценке, и тогда тоже попросил бы этот добавочный гонорар выслать таким же образом. Но пишу второе только из осторожности, на всякий случай, так как думаю, что термин «с 1 июля» издателем, Вами и мною понимается неоднозначно, т. е. что 500 рублей за июнь еще значатся на моем счете.

Теперь еще просьба: «Петроградский Голос» в Костроме не получается вовсе, купить номеров нельзя; почта доставляет не все. Поэтому очень бы обязали меня, если бы выслали мне номера с 110 по 118 (20—30 июня)¹ — они до меня не дошли.

С приветом

Федор Сологуб.

¹ С 20 по 30 июня в «Петроградском голосе» печатались главы «Чортовой дюжины» В. И. Немировича-Данченко (№ 110—115, 20—27 июня) и П. П. Гнедича (№ 116—118, 28—30 июня).

3 (16) августа 1918.

3 августа 1918

Дорогой Федор Кузьмич,

Простите, что не имел никакой возможности немедленно написать Вам. Все время газета переживала трепетные часы — под угрозой каждодневного невыхода, в задавленности, почти в унижении, в гонении власти (штраф в пять миллионов ¹), наконец, даже под тучей забастовки сотрудников, в части своей думавших так оказать воздействие на издателя. Я кипел в собственном соку, а не жил. Да и сейчас не живу. Будь проклято поганое дело газетного редакторства!

С тяжелым чувством писал я вынужденное последнее Вам письмо. Среди упреков, наиболее тяжелых, был упрек в чрезмерности расхода на <литературное> привлечение авторов, дорого стоящих. Укоризна исходила от части сотрудников, которой хотелось бы видеть «Петроградский листок» вернувшимся к старой своей почти распивочной физиономии. Но это заразило и более симпатичную часть редакции: были неплатежи, задержки даже жалований (и сейчас есть), а голод — плохой советчик. Тогда я вынужден был пойти почти на самоубийство, и просьбу, обращенную к Вам, должен был обратиться и к Немировичу-Данченко, и к Кузьмину-Караваеву,² и к Куприну и т. д. Собственно обидного в ней ничего нет. Есть нечто, глубоко обидное для меня.

Пакет, конечно, <рассчитан Вам с жалованьем>, и Вы, надеюсь, его уже получили, как и пакет с газетами с 20 июня.

Мы храним надежду восстановить отношения со всеми авторами, временно вспугнутыми. Но когда это будет, гадать трудно. Разрешение публикаций мгновенно бы нас поправило. Но ждать надо, кажется, пока не льгот, а гонений.

Душевно Ваш

А. Измайлов.

¹ Очередная волна гонений на независимую печать была вызвана убийством В. Володарского (20 июня 1918) и последовавшим ужесточением большевистского террора; короткое время после убийства Володарского должность комиссара Петрокоммуны по делам печати занимал Кузьмин Николай Николаевич (1883—1939); ср. в дневниковой записи З. Н. Гиппиус от 15 июня ст. ст. (28 июня): «Новый „Совдеп“ (какое словечко! свиное депо) громит и все и вся. Кузьмин (заместитель Володарского) объявил, что соц. газеты будут закрывать без суда (уже закрыл), а на буржуазные накладывать штраф до полумиллиона, „они сами и сдохнут“. Уже наложил на „Новую жизнь“ 50 тысяч, на „Новые ведомости“ (вечерка), 10 тысяч. Редактор последней рассказывает, как был у Кузьмина. Человечек вида учительского. Стали торговаться. Скостил 8 тысяч. Но редактор и на два не соглашается. Тогда Кузьмин: „Нет, давайте две, зато мы вас долго не будем трогать“. Редактор радуется: „Правда? Но нельзя ли рассрочку?“ Дали рассрочку. Везде торговля» (*Гиппиус З. Черные тетради // Звенья: исторический альманах. М.: СПб., 1992. Вып. 2. С. 109.*)

² Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1857—1927) — правовед, политический деятель и публицист (с 1919 в эмиграции), входил в состав постоянных сотрудников «Петроградского голоса».

102

10 (23) августа 1918.

10 августа 1918

Кострома, пристань Нагорново,
усадьба Набатово

Дорогой Александр Алексеевич,

Очень огорчительно то, что Вы пишете. Я вполне сочувствую Вашему невеселому редакторскому положению. Будем надеяться, что скоро положение изменится, к лучшему. Во всяком случае, хотел бы, чтобы лично наши с Вами отношения не пострадали от этих разговоров о деньгах. Чтобы покончить с этим, скажу, что «Петроградского голоса» я уже давно не вижу. Последний номер был от 7 июля. Даже не знаю, кончился ли роман. Денег я получил только 82 руб. 50 коп. гонорара; жалованья за последний месяц, июнь, не получил. Какие виды на ближайшие дни? Все ли еще вы закрыты, как это случилось с Вами после падения Архангельска? Или уже вы ходите?¹ Мы все здесь мало что знаем. Не можете ли Вы дать мне совет вот в чем; хотел бы я продать свои сочинения «Ниве»² или другому подобному изданию для приложения. Вы многое в журнальном деле знаете, может быть, знаете и это. У нас в Костроме становится все хуже и хуже насчет хлеба и прочего съестного. Когда все это, что мы переживаем, изменится к лучшему, Бог весть. А пока у нас прошел слух, что Петроград отделяется от России (вместе со всей Северной областью), и становится свободным городом. Что-то не верится, хотя по нынешним временам, и небывалое бывает? Если Вам отдых продлится, махните к нам в Кострому: дом построен. У нас не плохо. В саду малина, смородина. В роще грибы. В саду яблони. Зреют яблоки, и пока еще не все разворованы. Чтобы досталось не только воруящим, но и нам, печем полузрелые: вкусно.

Желаю всего приятного. С приветом

Федор Сологуб.

¹ Газета была закрыта 3 августа на № 147.

² «Нива» — иллюстрированный журнал, выходил в 1870—1918 гг.; одно из самых распространенных в России периодических изданий; с 1891 г. при «Ниве» выходили собрания сочинений русских писателей.

Сентябрь 1918.

Дорогой Федор Кузьмич,

Сердечно благодарю за память и весть. Мы здесь не живем, а варимся в собственном соку, и удивить нас решительно уже ничем невозможно. Стали, как турки на балаганах. С интересом и радостью послушал бы и повидал Вас. Скоро ли к нам?

Литературная жизнь подавлена, вяло, жутко, но — скучать некогда.

Месяц я провел в хорошей глухой деревне и перевел дыхание. Искренне преданный Вам и Анастасии Николаевне

Ваш А. Измайлов.

Датируется по содержанию.

Перечень статей А. Н. Чеботаревской, опубликованных за подписью Ф. Сологуба, по данным библиографической картотеки, составленной Сологубом (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 1, № 546).¹

- Верная семья // БВ. 1915. Утр. вып. № 15294, 29 дек.
 Власть мечты (ответ М. О. Гершензону) // БВ. Утр. вып. 1915. № 15129, 5 окт.
 В поисках роз // БВ. Веч. вып. 1916. № 15552, 11 мая.
 В стране хлеба и здоровья // БВ. Утр. вып. 1915. № 15137, 15143, 15145, 9, 12 и 13 окт.
 В тусклый день // БВ. Утр. вып. 1916. № 15476, 1 апр.
 Горение души // Русские ведомости. 1915. № 111, 16 мая.
 Два пути // БВ. Утр. вып. 1915. № 15121, 1 окт.
 Деревенское // БВ. Утр. вып. 1917. № 16314, 2 июля.
 Дерзание до конца // БВ. Утр. вып. 1917. № 16138, 16 марта.
 Дружная и недружная // БВ. Утр. вып. 1917. № 16483, 8 окт.
 Есть честность! // БВ. Утр. вып. 1916. № 15641, 26 июня.
 Жемчужина без оправы // БВ. Утр. вып. 1916. № 15879, 23 окт.
 Жорж Буайе // БВ. 1916. № 15602, 6 июня.
 За-границу // Петроградский голос. 1918, 12 мая.
 Звериный вопль // Утро России. 1915. № 335, 6 дек.
 Искусство наших дней // Русская мысль. 1915. № 12.
 Кто же они // Вечерний звон. 1917. № 13, 20 дек.
 *Любовь и Смерть // БВ. Утр. вып. 1917. № 16118, 24 февр.
 Маразм и обывательщина // Утро России. 1915. № 337, 8 дек.
 В. А. Мгберов // БВ. Утр. вып. 1915. № 15065, 3 сент.
 Модерн-мораль // Новые ведомости. 1918. 17 и 20 апр.
 Мы и они // БВ. Утр. вып. 1916. № 15376, 10 февр.
 Мятажная муза // БВ. Утр. вып. 1917. № 16256, 30 мая.
 *Наблюдения и мечты о театре // Русская мысль. 1918. № 1—2.
 *Над классами // БВ. Утр. вып. 1917. № 16376, 8 авг.
 Над свежеею могилою (Памяти М. М. Ковалевского) // БВ. 1916. № 15474, 31 марта.
 Наживают, кто может // БВ. Утр. вып. 1916. № 15795, 11 сент.
 Наш сад // БВ. Утр. вып. 1917. № 16467, 29 сент.
 Не отнимайте цветов // БВ. Утр. вып. 1916. № 15627, 19 июня.
 *Нечто в роде театра // Театр и искусство. 1912. № 41, 7 окт.
 Обывательское // БВ. Утр. вып. 1915. № 15093, 17 сент.
 Озорство // Вечерний звон. 1917. № 4, 9 дек.
 От неских берегов // БВ. Утр. вып. 1917. № 16308, 29 июня.
 *Памяти Пруссакса. Под заглавием «Поэт-витмеровец» // Новые ведомости. Веч. вып. 1918. № 124, 31 июля.
 Памяти М. Г. Савиной // БВ. Утр. вып. 1915. № 15153, 17 окт.
 Письмо в редакцию (о выходе из «Лукоморья») // БВ. 1915. № 15183, 1 нояб.
 По широкому раздолью // БВ. Утр. вып. 1915. № 14917, 21 июня.
 Права и обязанности // БВ. Утр. вып. 1916. № 15739, 14 авг.

¹ Знаком звездочки (*) отмечены статьи, написанные Сологубом совместно с Ан. Чеботаревской, но подписанные его именем.

*Прощание с Петроградом // БВ. Утр. вып. 1917. № 16268, 6 июня.
Родная стихия // БВ. Утр. вып. 1916. № 15464, 26 марта.
Россия в мечтах и ожиданиях // Вечерний курьер. 1915. 8 нояб.
Следует ли авторам отвечать критикам (анкета) // БВ. Веч. вып. 1915. № 15254, 6 дек.
Удел поэта // БВ. Веч. вып. 1916. № 15942, 23 нояб.
Художник, как жертва // БВ. Утр. вып. 1916. № 15408, 27 февр.